

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
КАЗАНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

А.Г. Бабичев

**«Привилегированные» виды убийства:  
проблемы, теория, практика**

Монография

**Казань  
КЮИ МВД России  
2022**

**ББК 67.408.1**

**Б 12**

**Одобрено редакционно-издательским советом КЮИ МВД России**

**Рецензенты:**

доктор юридических наук, доцент **А.В. Никуленко**  
(Санкт-Петербургский университет МВД России);  
кандидат юридических наук **А.Г. Брагина**  
(Барнаульский юридический институт МВД России)

**Бабичев А.Г.**

**Б 12**

«Привилегированные» виды убийства: проблемы, теория, практика: монография / А.Г. Бабичев. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2022. – 176 с.

**ISBN 978-5-906977-91-5**

Монография посвящена исследованию системы и видов убийств, совершаемых при смягчающих ответственность обстоятельствах. В результате анализа законодательства, научной литературы и правоприменительной практики доказывается необходимость кардинального реформирования правового регулирования ответственности за «привилегированные» убийства. Автором выявлено и решено множество дискуссионных вопросов квалификации убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), развиты теоретические положения, касающиеся толкования понятий «психотравмирующая ситуация», «новорожденный ребенок», «сразу же после родов», детально рассмотрены проблемы ответственности за убийство в состоянии физиологического аффекта (ст. 107 УК РФ), убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ).

Предназначена для преподавателей, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

**ISBN 978-5-906977-91-5**

**ББК 67.408.1**

©Бабичев А.Г., 2022  
© КЮИ МВД России, 2022

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Введение</b> .....	5
<b>Глава I. Общая характеристика и виды «привилегированных» убийств по действующему уголовному законодательству Российской Федерации</b> .....	7
<b>Глава II. Вопросы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка (статья 106 Уголовного кодекса Российской Федерации)</b> .....	14
2.1. Вопросы исторического становления и развития института убийства матерью новорожденного ребенка, общая характеристика обстоятельств, смягчающих ответственность по статье 106 Уголовного кодекса Российской Федерации .....	14
2.2. Особенности состава преступления и вопросы назначения наказания за убийство матерью новорожденного ребенка .....	23
<b>Глава III. Вопросы ответственности за убийство, совершенное в состоянии аффекта (статья 107 Уголовного кодекса Российской Федерации)</b> .....	53
3.1. Вопросы исторического становления и развития института убийства в состоянии аффекта, конструктивные признаки и особенности состава преступления, предусмотренного статьей 107 Уголовного кодекса Российской Федерации .....	53
3.2. Особенности субъекта состава преступления предусмотренного статьей 107 Уголовного кодекса Российской Федерации, его квалифицированные виды и вопросы назначения наказания .....	67
<b>Глава IV. Вопросы ответственности за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (часть 1 статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации)</b> .....	80
4.1. Вопросы исторического становления и развития института убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, конструктивные признаки и особенности состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации .....	80
4.2. Вопросы совершенствования состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации, и назначение наказания за его совершение ...	101

<b>Глава V. Вопросы ответственности за убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (часть 2 статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации) .....</b>	<b>117</b>
5.1. Вопросы исторического становления и развития института убийства, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, конструктивные признаки и особенности состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации .....	117
5.2. Вопросы совершенствования состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации, и назначение наказания за его совершение....	135
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....</b>	<b>155</b>
<b>СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ .....</b>	<b>157</b>
<b>ПРИЛОЖЕНИЕ .....</b>	<b>173</b>

## ВВЕДЕНИЕ

---

В отечественной науке уголовного права существуют фундаментальные проблемы, которые традиционно находятся в центре внимания ученых-криминалистов вне зависимости от особенностей развития страны в конкретный исторический период, специфики экономических отношений, складывающейся политической ситуации и других факторов, предопределяющих содержание и динамику права. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни – из их числа. К ним обращались классики уголовного права дореволюционной России, виднейшие специалисты советского времени, обращаются и многие современные авторы. Законодательной регламентации ответственности за преступления против жизни, их квалификации, практической пенализации данных преступлений посвящено немало трудов. Однако, несмотря на это, тема не исчерпана и нашла свое творческое продолжение в представленной монографии.

Особую актуальность проведенному автором исследованию придает то обстоятельство, что в последние годы в воздухе витает идея разработки нового Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которая, очевидно, не может быть реализована без осмысления существующей правовой реальности. Действующий около двадцати пяти лет УК РФ 1996 г. претерпел ряд изменений в части регулирования ответственности за преступления против жизни. В рамках данной группы преступлений появились новые составы (ст. 110<sup>1</sup>, 110<sup>2</sup> УК РФ), осуществлена дифференциация ответственности за доведение до самоубийства, существенно ужесточены санкции за это деяние. В то же время поправки статей, предусматривающих ответственность за убийство (ст. 105-108 УК РФ) и причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), оказались минимальными и были вызваны преимущественно введением в УК РФ наказания в виде принудительных работ и ограничения свободы в его новом содержании, хотя в науке уголовного права накопилось колоссальное количество предложений по совершенствованию как составов преступлений против жизни, так и законодательной пенализации этих деяний.

Инертность и консерватизм законодателя в этой сфере вполне объяснимы: преступления против жизни посягают на самое ценное для человека благо, в силу чего неудачное реформирование уголовного закона чревато не только созданием сложностей для правоприменителя, но и негативными социальными последствиями. Предлагаемые же специалистами «точечные» изменения статей об ответственности за преступления, посягающие на жизнь, не всегда способны гармонично вписаться в канву уголовного законодательства. Запаздывание законодателя с внесением даже назревших изменений во многом является результатом опасения нарушить некий сложившийся баланс и внутри системы норм о преступлениях против жизни, и в рамках отрасли права в целом и получить вместо хорошо продуманного и эффективного закона «лоскутное одеяло» с ин-

ституту преступлений против жизни, характеризующимся внутренней противоречивостью и несогласованностью его норм с иными правовыми нормами.

Нет никаких сомнений в том, что только системные исследования ответственности за данные преступления, дающие целостное представление о соответствии уголовно-правовой материи уровню развития общественных отношений, пробелах и недостатках уголовного закона, специфике уголовно-правовых средств борьбы с рассматриваемыми деяниями, позволят качественно сконструировать блок норм, предусматривающих ответственность за преступления, посягающие на жизнь человека.

Особого внимания требует на современном этапе определение содержания уголовно-правовой политики в сфере противодействия преступлениям против жизни. Всплески гуманизации уголовного закона, неоднократно случавшиеся за период действия УК РФ, преступления против жизни практически не затронули. Более того, криминализация склонения к совершению самоубийства, содействия его совершению, организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, а также ревизия статьи об ответственности за доведение до самоубийства привели к тому, что ряд из перечисленных деяний оказался наказуем наравне с простым убийством. Такое решение в совокупности с предпринятыми ранее законодателем шагами по резкому ужесточению ответственности за некоторые иные преступления (в частности, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, половые преступления) порождает необходимость переоценки степени общественной опасности преступлений против жизни и поиска оптимальных санкций.

Несмотря на значительное снижение абсолютных показателей зарегистрированных преступлений против жизни в Российской Федерации в последние несколько лет, коэффициент наиболее опасных из них – простых и квалифицированных убийств – остается довольно высоким. Это значит, что практически работникам, к сожалению, по-прежнему довольно часто придется сталкиваться с необходимостью давать уголовно-правовую оценку таким деяниям. Между тем, как следует из анализа судебной практики, при квалификации преступлений против жизни (прежде всего – убийств) допускаются немало ошибок. Это связано одновременно с несколькими факторами: и с недостаточной точностью формулировок уголовного закона, и с неоднозначностью толкования признаков составов преступлений против жизни в научной литературе, и с нестабильностью судебной практики, когда порой даже высшая судебная инстанция страны при оценке близких по набору условий ситуаций принимает неодинаковые решения. Все это также свидетельствует о настоятельной необходимости обращения к глубокому комплексному изучению вопросов уголовной ответственности за преступления против жизни.

**ГЛАВА I.**  
**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВИДЫ**  
**«ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ» УБИЙСТВ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ**  
**УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**  
**РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

---

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации включает в структуру убийств «простое» убийство или убийство без отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельств (ч. 1 ст. 105 УК РФ); убийство с отягчающими ответственность обстоятельствами или «квалифицированные» виды убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ); убийство со смягчающими ответственность обстоятельствами или «привилегированные» виды убийства (ст. 106, 107, 108 ч. 1 и ч. 2 УК РФ).

Системный анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 106, 107, 108 ч. 1 и ч. 2 УК РФ, дает возможность определить полноту и четкость дифференциации ответственности за «привилегированные» виды убийств.

Становится понятно, что состав убийства по ст. 106 УК РФ имеет более высокую общественную опасность, чем составы убийств по ст. 107 и 108 ч. 1 и ч. 2 УК РФ, а состав убийства по ст. 107 УК РФ является более опасным, чем составы убийств по ст. 108 ч. 1 и ч. 2 УК РФ. В составе ст. 106 УК РФ отсутствуют квалифицированные виды убийства матерью новорожденного ребенка в отличие от состава ч. 2 ст. 107 УК РФ, которая предусматривает ответственность за убийство двух или более лиц. Следовательно, и санкция ст. 106 УК РФ предусматривает назначение такого же наказания за убийство одного новорожденного ребенка, как и за убийство двух и более новорожденных детей. Исходя из этого, достаточно сложно четко определить, какое именно из «привилегированных» составов убийств по ст. 106 или по ст. 107 УК РФ законодатель считает менее опасным, назначая в целом почти идентичные по срокам и видам наказания за их совершение.

Исходя из санкций, предусмотренных в ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, законодатель считает эти виды убийств наименее опасными в данной подструктуре убийств. Именно поэтому составы этих видов убийств законодатель располагает в статье, которая завершает перечень и структуру убийств в действующем УК РФ.

Конструкция ст. 108 УК РФ определяет уголовную ответственность за убийства при смягчающих обстоятельствах, которые имеют значительные различия по своей социально-правовой природе и типовой степени общественной опасности: при превышении пределов необходимой обороны, предусмотренной ч. 1 ст. 108 УК РФ, и при превышении мер, необходимых для задержания лица,

совершившего преступление, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ. Исходя из такой конструкции указанных составов убийств, можно предположить, что законодатель рассматривает убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, как квалифицированный вид убийства при превышении пределов необходимой обороны. Однако необходимая оборона и задержание лица, совершившего преступление с причинением вреда, – два различных обстоятельства, которые исключают преступность деяния. Поэтому полагаем, что два этих вида убийства следует разместить в отдельных статьях УК РФ, расположив их следующим образом: сначала статью об убийстве при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, как более опасного вида «привилегированного» убийства, а затем – статью об убийстве при превышении пределов необходимой обороны, как менее опасного вида «привилегированного» убийства.

Анализ подсистемы убийств, совершенных при смягчающих ответственность обстоятельствах, дает возможность обнаружить недостатки и упущения в конструктивных признаках этих видов убийств, затрудняющих применение соответствующих уголовно-правовых норм, а также вызывают сомнение в справедливости, целесообразности конструкций и расположении составов указанных видов убийств в УК РФ.

Диспозиция ст. 106 УК РФ, где говорится об убийстве матерью нарождающегося ребенка («во время родов»), не соответствует названию указанной статьи «Убийство матерью новорожденного ребенка», но в то же время не может рассматриваться как умышленное причинение смерти другому человеку, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Сомнения вызывают также обстоятельства, дающие основание для смягчения ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка: наличие «психотравмирующей ситуации» преступления «или состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости». Убийство младенца его матерью не в состоянии психического расстройства, то есть не в состоянии ограниченной вменяемости, предусмотренной ст. 22 УК РФ, снижающей степень вины субъекта преступления, не дает основания для смягчения ответственности за содеянное даже при наличии «психотравмирующей ситуации». Однако законодатель не употребляет союз «и» даже в сочетании с союзом «или», поскольку именно «психотравмирующая ситуация» должна вызывать «состояние психического расстройства», являющееся субъективным основанием для того, чтобы убийство, указанное в ст. 106 УК РФ, могло признаваться совершенным при смягчающих обстоятельствах.

Указанные в ст. 106 УК РФ понятия: «психотравмирующая ситуация», «психическое состояние, не исключающее вменяемости», «новорожденный ре-



бенок» – требуют разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в постановлении о судебной практике по делам об убийствах, совершенных при смягчающих ответственность обстоятельствах. Для правильного и четкого определения указанных понятий требуются специальные знания в области медицины, психологии и психиатрии, в связи с чем считаем необходимым указание Пленума Верховного Суда РФ на обязательное проведение по каждому убийству по ст. 106 УК РФ комплексной судебно-психологической и психиатрической экспертизы.

Убийство, совершенное в состоянии аффекта, также имеет в своем составе конструктивный признак, указывающий на особое психическое состояние виновного – «состояние аффекта», которое в диспозиции ст. 107 УК РФ именуется законодателем и как «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения», что не соответствует психолого-психиатрическому термину «аффект». Кроме того, аффект делится на аффект физиологический – психическое состояние, не исключающее вменяемости, и аффект патологический – состояние невменяемости человека, являющееся субъективным основанием освобождения от ответственности лица за содеянное. В названии ст. 107 УК РФ и в ее диспозиции не указано, какое конкретно психологическое состояние имеет в виду законодатель: «внезапно возникшее сильное душевное волнение», что представляет собой простое «состояние эмоциональной напряженности» и состояние аффекта или «аффекта», включающего и «патологический». Полагаем, что Пленуму Верховного Суда РФ следовало бы указать в своем постановлении о судебной практике по делам об убийстве при смягчающих ответственность обстоятельствах об обязательности проведения психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы по каждому делу. Задачей этой экспертизы является определение непосредственной связи возникшего у виновного аффективного состояния с психотравмирующим противоправным или аморальным поведением потерпевшего с целью минимизировать судебные ошибки при рассмотрении уголовных дел по ст. 107 УК РФ.

В судебной практике отсутствует четкое понимание «психотравмирующей ситуации», возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, механизма и момента возникновения «кумулятивного аффекта» у виновного, имеется ли непосредственная связь его возникновения с конкретным психогенным поведением потерпевшего в соответствующей психотравмирующей ситуации или нет, для того чтобы суд мог четко определить наличие внезапности возникновения у виновного аффекта, моральной оправданности или извинительного характера возникшего у него аффекта. Указания и разъяснения по данному вопросу также необходимы как со стороны законодателя, так и со стороны Пленума Верховного Суда РФ.

Из смысла ч. 2 ст. 107 УК РФ неясно, можно ли квалифицировать как совершенное в состоянии аффекта убийство двух или более лиц, когда «оправданный» аффект у виновного непосредственно вызван провокационным поведением потерпевшего, а другие жертвы в ситуации преступления не вели себя противоправно или аморально. Этот вопрос также требует разрешения на законодательном уровне или на уровне толкования его в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Юридическая оценка конструктивных признаков убийства, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, целиком зависит от характеристики обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые раскрываются, соответственно, в ст. 37 и 38 УК РФ.

В соответствии со ст. 37 УК РФ «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны...», то есть если обороняющийся причиняет вред лицу, которое совершает на него или на иные охраняемые законом интересы общественно-опасное посягательство, то его действия являются правомерными. В том случае, если это посягательство «было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо непосредственной угрозой применения такого насилия», по закону возможно причинение посягающему вреда любой тяжести. В этих ситуациях обороняющийся не должен допускать превышения пределов необходимой обороны, то есть не должен совершать действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Исключение составляют лишь те случаи причинения «чрезмерного» («явно не соответствующего характеру и опасности посягательства») вреда, когда «лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения».

Анализ законодательных положений, касающихся необходимой обороны, обнаруживает конкретные упущения и несовершенства в соответствующих уголовно-правовых нормах.

Например, состояние необходимой обороны как обстоятельство, вызывающее правомерность и необходимость ответных действий, может вызвать лишь уже начавшееся посягательство, а не угроза его совершения. «Преждевременная оборона» против еще не начавшегося нападения противоправна, за исключением случаев, когда угроза подтверждается действиями лица, направленными на осуществление этой угрозы. Это может быть, когда посягающий хватается за оружие, поднимает камень, чтобы начать нападение, призывает на помощь соучастников, совершает иные действия, которые могут расцениваться как угроза непосредственного посягательства.

Полагаем, что в ст. 37 УК РФ необходимо закрепление положения о том, что «причинение уголовно-наказуемого вреда при превышении пределов необ-

ходимой обороны влечет уголовную ответственность только в случаях, специально предусмотренных настоящим Кодексом, где оно учитывается как обстоятельство, смягчающее ответственность». Тогда не возникнет необходимости в определении в качестве смягчающего наказание обстоятельства «совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление...» (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Только превышение пределов необходимой обороны, как и превышение мер, необходимых для задержания преступника, то есть нарушение условий соразмерности причиняемого посягающему или, соответственно, задерживаемому вреда характеру и опасности посягательства или характеру и степени опасности совершенного задерживаемым лицом преступления, а также характеру и опасности противодействия лица задержанию, при возникновении или сохранении необходимости обороны или задержания, а не «нарушение условий правомерности» обороняющимся или задерживающим, является основанием для смягчения ответственности или наказания за содеянное. И это должен четко отразить, прежде всего, законодатель, а затем разъяснить и Пленум Верховного Суда РФ.

В ст. 38 УК РФ также имеются пробелы и упущения. Уже само название данного обстоятельства – «причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» – на наш взгляд, является длинным и расплывчатым. В данном случае речь идет:

во-первых, о «задержании преступника», а преступник – это «лицо, совершившее преступление». А задерживать нужно лицо, которое подлежит задержанию по законным основаниям, как подозреваемого в совершении преступления, сбежавшего из-под стражи из зала суда или из изолятора временного содержания, скрывшегося от следствия или из пенитенциарного учреждения после осуждения, на которое объявлен розыск. Для лица, которое является задерживаемым, должно быть очевидно, что задерживаемый подозревается или обвиняется в преступлении и в случае признания его судом виновным в совершении преступления.

Во-вторых, при задержании лица, совершившего преступление, возникает и продолжается ситуация правомерного задержания преступника или, по аналогии с необходимой обороной, состояние необходимости задержания преступника. Именно в этом состоянии и причиняется вред такому лицу при его задержании.

В-третьих, налицо два объективных основания для возникновения «состояния необходимости задержания преступника»: совершение задерживаемым соответствующего преступления (при убийстве и причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью) и противодействие его задержанию (активное или пассивное). Наличие целей: «для доставления органам власти» и для «пре-

сечения возможности совершения им новых преступлений» – является субъективным основанием возникновения состояния необходимости задержания преступника.

В-четвертых, превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление – есть превышение необходимости задержания преступника, что возможно только в состоянии такой необходимости, когда задерживающий совершает умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым преступления и (или) характеру и опасности оказываемого им противодействия задержанию. Если субъективного основания задержания преступника нет, то к ответственности должно быть привлечено лицо, осуществляющее незаконное задержание, на общих основаниях, в том числе и за убийство без смягчающих ответственность обстоятельств.

Отмеченные недостатки уголовного законодательства и предлагаемые нами рекомендации по его совершенствованию заслуживают также внимания в качестве дискуссионных положений в науке уголовного права среди законодателей и практических работников, применяющих соответствующие уголовно-правовые нормы.

По официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в России было привлечено к уголовной ответственности и осуждено: по ст. 106 УК РФ: в 2010 г. – 65, в 2015 г. – 45, в 2020 г. – 29; по ст. 107 ч. 1 УК РФ: в 2010 г. – 227, в 2015 г. – 91, в 2020 г. – 37; по ст. 107 ч. 2 УК РФ: в 2010 г. – 6, в 2015 г. – 3, в 2020 г. – 1; по ст. 108 ч. 1 УК РФ: в 2010 г. – 710, в 2015 г. – 340, в 2020 г. – 227; по ст. 108 ч. 2 УК РФ: в 2010 г. – 4, в 2015 г. – 5, в 2020 г. – 0<sup>1</sup>.

Бесспорно, особое место в латентной части структуры «привилегированных» убийств занимает убийство матерью новорожденного ребенка и убийство при превышении мер, необходимых для задержания преступника, поэтому по показателям зарегистрированной преступности нельзя достаточно полно судить об общей структуре рассматриваемых убийств и о тенденциях развития этих видов преступных посягательств. Можно лишь прийти к выводу, что при сохранении основных причин убийств, в частности, убийства матерью новорожденного ребенка, убийства в состоянии «оправданного» аффекта и убийства при превышении пределов необходимой обороны при сохранении или даже увеличении стрессогенных факторов в обществе, бескультурья и безнравственности, конфликтных ситуаций и противоправного насилия количество этих преступлений и число лиц, их совершающих, не будет уменьшаться. Что касается количе-

---

<sup>1</sup> Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&step=5259> (дата обращения: 28.04.2021).

ства убийств при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, оно будет стабильно низким, так как чувство морального долга и желание граждан помочь правоохранительным органам в борьбе с преступностью, к сожалению, все меньше имеют место.

Основная задача ученых – вскрыть объективные и социально-психологические причины исследуемых преступлений, дать характеристику поводов, мотивов, механизма их возникновения и умысла на совершение «привилегированных» убийств и предложить решения, позволяющие предупредить их нежелательную мотивацию, насколько это возможно, а также учесть в уголовном законе те обстоятельства, которые бы позволили правоприменителю оценить соответствующие уголовно-правовые нормы в соответствии с принципом справедливости ответственности как оптимально описывающие обстоятельства, смягчающие ответственность за убийство. Максимальная ясность оценочных понятий, насколько это возможно, в уголовном законе, позволяющая оценивать соответствующее деяние, как заслуживающее снисхождения и смягчения ответственности, позволяет существенно сократить количество судебных ошибок по делам исследуемой категории, повысить эффективность самого закона и деятельности, связанной с его применением.

Многие вопросы темы исследования остаются нерешенными или носят дискуссионный характер. Их научное переосмысление имеет целью устранение существующих недостатков и пробелов в российском уголовном законодательстве, в судебной-следственной практике и правильное, научно обоснованное решение проблемы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания за убийства, совершаемые при смягчающих ответственность обстоятельствах.

**ГЛАВА II.**  
**ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО**  
**МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА**  
**(СТАТЬЯ 106 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА**  
**РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

**2.1. Вопросы исторического становления и развития института убийства**  
**матерью новорожденного ребенка, общая характеристика обстоятельств,**  
**смягчающих ответственность**  
**по статье 106 Уголовного кодекса Российской Федерации**

---

Судьба отечественного уголовного законодательства об ответственности за «детоубийство»<sup>1</sup> весьма неоднозначна и противоречива. На ней сказались те обычаи, нравы, церковные и светские взгляды, которые были присущи каждому существенному этапу развития древнерусского, а затем российского, советского и «новороссийского» общества, отечественного государства и его уголовной политики.

Умышленное посягательство на жизнь младенца в Древней Руси первоначально не признавалось преступлением. Избавление матери от младенца осуждалось у языческих славян лишь в той части, когда потерпевшим оказывался младенец мужского пола. Подтверждая эту мысль, исследователи ссылаются на утверждение Н.М. Карамзина о том, что у языческих славян мать имела право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству<sup>2</sup>.

Православный церковный закон осуждал женщин, пытавшихся регулировать число деторождений в своей семье, избегавших нежелательных беременностей путем их прерывания даже в тех случаях, когда это объяснялось бедностью, невозможностью прокормить ребенка и другими затруднительными обстоятельствами. Такие женщины наказывались отлучением от причастия, постами, поклонами, покаянием перед священником<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Речь идет о понимании термина «детоубийство» в его широком смысле, т.е. как умышленном посягательстве на жизнь рождающегося ребенка или рожденного младенца, так и таком же посягательстве на жизнь заведомо малолетнего ребенка. «Детоубийство» в узком смысле стало употребляться в уголовном праве лишь при обозначении убийства матерью ребенка при рождении.

<sup>2</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002. С. 125.

<sup>3</sup> Гернет М.М. Детоубийство в русском праве // «А се грехи злые, смертные»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов и богословов XIX – начала XX в.; В 3 кн. Кн. 1 / подг. Пушкаревой Н.Л. и Бессмертных Л.В. М., 2004. С. 731.

В Древней Руси «детоубийство» долгое время считалось грехом, а не преступлением.

В ст. 9 Устава князя Владимира Святославовича (Синодальная редакция) говорилось об ответственности матери за то, что «девка дѣтя повыржетъ», то есть избавиться от младенца. Согласно постановлению Трулльского собора, избавление матери от плода приравнивалось к убийству, а виновная подвергалась десятилетнему церковному отлучению<sup>1</sup>.

В Соборном уложении 1649 года впервые заметно преобладание взгляда на «детоубийство» как на преступление, законодатель дифференцированно подходит к ответственности за «детоубийство». Наказание за убийство законнорожденного ребенка в виде заключения в тюрьму на один год и последующего объявления совершенного деяния в церкви всенародно грехом, как подчеркнул М.М. Гернет, – один из немногих случаев, когда Уложение допускало такую дешевую расплату для преступников за совершенное преступление<sup>2</sup>.

Артикул воинский 1715 года, подготовленный и утвержденный Петром I в период проведения военной реформы, содержал нормы общеуголовного характера. Этот правовой акт относил «детоубийство» законнорожденного и незаконнорожденного ребенка к тяжкому виду убийства.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительственных 1845 года предусматривало три вида «детоубийств»: предумышленное убийство сына или дочери, рожденных в законном браке; убийство внебрачного ребенка, совершенное матерью от стыда или страха при его рождении, и убийство новорожденного ребенка-урода.

В ст. 461 Уголовного уложения 1903 года<sup>3</sup> также указывается на пониженную ответственность матери, виновной в убийстве прижитого ею вне брака ребенка при его рождении.

Это убийство могло быть исполнено как путем действия, так и путем бездействия, неоказания новорожденному необходимой помощи. Момент убийства определялся словами «при рождении», что давало основание предполагать наличие у виновной «особого рода физических и психических страданий», которые выводят ее из нормального психического состояния и делают ее неспособной в полной мере осознавать свои действия и руководить ими, а также в связи со стыдом и страхом за будущее матери и ее внебрачного ребенка. Такое убий-

---

<sup>1</sup> Российское законодательство X – XX в.в. В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С.134.

<sup>2</sup> Гернет М.М. Детоубийство в русском праве // «А се грехи злые, смертные»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов и богословов XIX – начала XX в.; В 3 кн. Кн. 1 / подг. Пушкаревой Н.Л. и Бессмертных Л.В. М., 2004. С. 733.

<sup>3</sup> Российское законодательство X – XX веков. Т. 9. М., 1994.С. 275 – 320.

ство наказывалось заключением в исправительном доме сроком от 1 года 6 месяцев до 6 лет.

В первые годы советской власти практически все союзные республики рассматривали убийство матерью новорожденного ребенка как законнорожденного, так и внебрачного, совершенным при отягчающих ответственность обстоятельствах. Виновная в этом преступлении мать-убийца привлекалась к уголовной ответственности по п.п. «д» и «е» ст. 142 УК РСФСР 1922 года, то есть за квалифицированное убийство, совершенное лицом, в обязанности которого входила забота об убитом, и с использованием беспомощного состояния потерпевшего.

Пункты «д» и «е» ст. 142 УК РСФСР 1922 года без изменений вошли в аналогичные пункты ст. 136 УК РСФСР 1926 года и были восприняты соответствующими статьями УК всех союзных республик.

После принятия УК РСФСР 1960 года, несмотря на отсутствие в нем «привилегированного» состава убийства матерью новорожденного ребенка, в судебной практике стала проявляться тенденция фактического снижения наказания, назначаемого за это преступление ближе к минимуму санкции ст. 103 УК, то есть в размере 3-4 лет лишения свободы и ниже минимального размера санкции, а также применение условного осуждения (ст. 44 УК) и отсрочки исполнения приговора (ст. 46.1 УК). Как правило, наказание за данное преступление не превышало пяти лет лишения свободы<sup>1</sup>.

Впервые в России в проекте УК РФ, опубликованном в октябре 1992 года, предлагалось установить ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка как «привилегированный» вид убийства, где в качестве смягчающего ответственность обстоятельства указывалось его совершение «во время родов или непосредственно после них».

Однако в другом проекте УК РФ, представленном в парламент России в январе 1995 года, норма об убийстве матерью новорожденного ребенка как преступление, совершаемое при смягчающих ответственность обстоятельствах, не была предусмотрена.

Отсутствие в УК России специальной нормы о «детоубийстве», рекомендации высших судебных инстанций страны квалифицировать рассматриваемый вид убийства как «простое» убийство, сложности, возникающие при отграничении убийства матерью новорожденного ребенка от квалифицированного вида убийства малолетнего, противоречивая интерпретация природы «детоубийства» в его широком и узком понимании в теории уголовного права и в судебной

---

<sup>1</sup> Глухарева Л.И. Совершенствования уголовного законодательства об ответственности за детоубийство как способ предупреждения для борьбы с этим преступлением // XXVI съезд КПСС и задачи органов правосудия по предупреждению в борьбе с преступлениями: сб. научных трудов / отв. ред. П.А. Лапушинская. М., 1983. С. 102 – 103.



практике создавали ненужные споры и затруднения в работе следственных органов и судов. Законодателю необходимо было определиться в этом вопросе и решить его в соответствии с особенностями ситуации и состояния роженицы в момент убийства своего младенца.

Ст. 106 УК РФ, как известно, предусматривает ответственность за «убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости...». Данная уголовно-правовая норма «наделяет» состав «простого» убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) дополнительными признаками (смягчающими ответственность обстоятельствами), которые позволяют отнести такое убийство к «привилегированным» видам<sup>1</sup> и характеризуют все элементы данного состава преступления. Всю эту совокупность признаков (обстоятельств) можно отнести к элементам состава данного преступления, характеризующим:

- а) объект преступления и особенности потерпевшего от преступления;
- б) объективную сторону преступления, прежде всего такие ее специфические признаки, как время и обстановка (ситуация) совершения преступления;
- в) субъект преступления – мать потерпевшего, то есть лица, имеющего специфическую связь во взаимодействии «преступник-жертва»;
- г) субъективную сторону преступления, особое психическое состояние виновного, специфическую мотивацию преступного поведения и особенность вины лица, его совершающего.

В данной уголовно-правовой норме предусмотрено несколько случаев совершения рассматриваемого убийства матерью: нарождающегося (рождающегося) ребенка «во время родов»; новорожденного ребенка «сразу же после родов»; новорожденного ребенка в более поздний послеродовой период, совпадающий с периодом его «новорожденности».

При этом никакого особого психического состояния матери в момент убийства «во время родов» или «сразу же после родов», по мнению законодателя, устанавливать и указывать не требуется. Очевидно, что в этот период роженица нередко не в состоянии воспринимать нарождающегося или даже только что рожденного ребенка, как самостоятельного живого человека, продолжая видеть в нем лишь «плод»

---

<sup>1</sup> Юридическая общественность восприняла определение «привилегированное убийство» как нечто вполне приемлемое, допустимое и логически выдержанное. «Привилегированный» – это «льготный, пользующийся преимущественным правом...» (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 588, 335). «Льгота» или «преимущественное право» на убийство звучит, парадоксально и даже кощунственно. О «привилегированном» убийстве можно говорить лишь условно, имея в виду «облегченную», более мягкую ответственность за убийство, совершаемое при соответствующих смягчающих обстоятельствах (ст. 106-108 УК РФ). В этом смысле это понятие и употребляется автором, а кавычки подчеркивают условность такой терминологии.

или живое существо, жизнью которого она вправе распорядиться и которое в данный момент является для нее источником боли и страданий. Но, как справедливо отмечает Г.Н. Борзенков, «практика знает немало случаев, когда такое убийство совершается расчетливо и хладнокровно, планируется и готовится заранее, иногда просто из-за нежелания подвергать себя операции аборта»<sup>1</sup>.

Родовой акт сопровождается физическим и духовным потрясением в связи с длительными и повторяющимися болями, иногда сопровождающимися кровопотерями. «В течение самих родов, – говорится в Большой медицинской энциклопедии, – иногда сравнительно редко наблюдаются скоропроходящие психические расстройства, выражающиеся в галлюциногенном бреде, насильственных поступках (покушении на самоубийство в возбуждении или угнетении сознания). В иных случаях могут развиваться: психозы, параличи, неврологии...»<sup>2</sup>.

Убийство матерью новорожденного ребенка «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости», указывается в диспозиции ст. 106 УК РФ как альтернатива убийству «во время или сразу же после родов».

Полагаем, что смягчение уголовной ответственности за такое опасное преступление, как убийство матерью своего младенца, законодатель во всех случаях должен связывать с особым психическим состоянием матери-роженицы, вызванным самими родами или другими извинительными обстоятельствами, имевшими место в момент детоубийства.

В основе смягчения уголовной ответственности за убийство, предусмотренное ст. 106 и 107 УК РФ, во многом и ст. 108 УК РФ, лежат те обстоятельства совершаемого деяния и характеристики личности, состояние и особенности психической деятельности убийцы, которые существенно снижают степень его вины, а значит, в целом степень субъективной опасности деяния и лица, его совершившего.

Только психическое расстройство, не позволяющее женщине-роженице в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и (или) руководить ими, может свидетельствовать о существенном снижении степени вины или субъективной опасности совершенного ею убийства и ее личности, а, следовательно, и смягчении уголовной ответственности за содеянное. Возникновение такого состояния психики матери-убийцы своего ребенка «оправдывает» ситуация, возникшая при родах. И это обстоятельство следует зафиксировать в ст. 106 УК РФ. Модельный Уголовный кодекс уточнял условия смягчения уголовной ответственности за данный вид убийства, определив его как убийство, «совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами». Вместе с тем и здесь авторы-составители Модельного Уголовного кодекса

---

<sup>1</sup> Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М., 2013. С. 129.

<sup>2</sup> Большая медицинская энциклопедия / отв. ред. Е. Хачетян. М., 2002. С. 563.

указали лишь на внешнюю стрессогенную обстановку («в условиях психотравмирующей ситуации») в момент совершения преступления, но не указали в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления, совершенного женщиной-роженицей, «состояние психического расстройства, не исключающее вменяемости», вызванное «психотравмирующей ситуацией».

В ст. 106 УК РФ говорится также об убийстве матерью ребенка не только «сразу же» или «непосредственно после родов», но и спустя определенное время после них «в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости». По существу, законодатель указал два самостоятельных признака (смягчающих ответственность обстоятельства) в составе данного вида убийства в более поздний послеродовой период: объективный – убийство матерью новорожденного ребенка «в условиях психотравмирующей ситуации» и субъективный – такое же убийство, но «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости» («состояние ограниченной вменяемости» – ч. 1 ст. 22 УК РФ).

Некоторые исследователи оценивают такую конструкцию ст. 106 УК РФ как вполне оправданную, считая справедливой равную ответственность роженицы за убийство новорожденного младенца как «в условиях психотравмирующей ситуации», так и «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости»<sup>1</sup>. Другие ученые, наоборот, считают, что основанием для смягчения ответственности за данный вид «привилегированного» убийства «является особое психическое состояние, пребывая в котором женщина-мать совершает убийство»<sup>2</sup>.

«Психотравмирующая ситуация» – это трудное, запутанное положение, которое травмирует психику человека, расстраивает его нервную систему. Это может выражаться в наличии таких обстоятельств, как возникновение беременности в результате сексуального насилия; отсутствие средств к существованию; травля со стороны близких родственников и окружающих за внебрачную беременность; отказ отца ребенка признать отцовство и зарегистрировать брак с женщиной-роженицей; известие о рождении ребенка с большими отклонениями в физическом или психическом развитии или рождение ребенка-уродца; постоянное беспокойное поведение новорожденного и т.п.

---

<sup>1</sup> Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 10; также: Кастронова В.Ю. Уголовно-правовая характеристика и криминологический анализ убийства матерью новорожденного ребенка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 16.; Баглит А.М., Трощанович А.В. К опросу об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ // Российский следователь. 2014. № 4. С. 20.

<sup>2</sup> Бабий Н.А. Убийства при привилегиирующих обстоятельствах и иные преступления против жизни. М., 2013. С. 4.

Роды, тяжелые заботы о новорожденном, разнообразные семейные и иные житейские неурядицы – все эти обстоятельства в совокупности способны оказать травмирующее воздействие на женщину-роженицу, особенно в первое время после родов, и могут даже вызвать психическое расстройство, не исключаящее вменяемости.

Г.Н. Борзенков справедливо замечает, что «не всякая психотравмирующая ситуация приводит к психическому расстройству»<sup>1</sup>. А.М. Багмет и А.В. Трощанович на основе изучения 95 уголовных дел, предусмотренных ст. 106 УК РФ, установили, что «только в двух случаях матери, совершившие убийство своих новорожденных детей, находились в состоянии эмоционального напряжения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией; в остальных случаях у привлеченных к ответственности женщин-детоубийц не выявлено никаких болезненных психических состояний»<sup>2</sup>. По их данным, «решение избавиться от ребенка в большинстве случаев является заранее обдуманном, а само убийство хладнокровно спланированным и исполненным с особым цинизмом»<sup>3</sup>.

А.В. Лунеева права, утверждая, что психотравмирующая ситуация «сама по себе не может служить самостоятельным критерием, смягчающим ответственность за совершение рассматриваемого преступления»<sup>4</sup>. Автор предлагает законодателю обусловить квалификацию «детоубийства», как «привилегированного» преступления, посредством указания в ст. 106 УК РФ на «особое психофизиологическое состояние» женщины-убийцы<sup>5</sup>.

А.Л. Карасова также считает, что убийство матерью новорожденного ребенка, «не обусловленное аффективным состоянием, вызванным психотравмирующей ситуацией либо психическим расстройством, не исключаящим вменяемости, обоснованно должно квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку убийства малолетнего лица»<sup>6</sup>. Полагаем, что автор правильно оценивает такие случаи убийства с позиции морали и справедливости ответственности лица за содеянное. К сожалению, такая рекомендация не соответствует букве закона, так как в 106 УК РФ определяются альтернативные виды «детоубийств»: «в условиях психотравмирующей ситуации» или «в состоянии психического расстройства, не исключаящего вменяемости».

---

<sup>1</sup> Борзенков Г.Н. Указ. соч. С. 13.

<sup>2</sup> Багмет А.М., Трощанович А.В. Указ. соч. С. 20.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Лунеева А.В. Проблемы законодательной регламентации ответственности за убийство // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. № 5. С.69.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Карасова А.Л. Влияние личностных особенностей женщин-детоубийц на квалификацию уголовной ответственности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. №1. С. 78.

Как объективная категория, психотравмирующая ситуация, в том числе по делам о «детоубийстве», – ситуация, вызванная родами, не может рассматриваться как некое «психическое состояние» или «эмоциональное переживание» человека. Такая ситуация может служить лишь показателем возможности и способности вызывать стресс, психическое расстройство, таить в себе стрессогенный потенциал эмоциональной (психической) энергии и тем самым свидетельствовать о большей или меньшей вероятности возникновения того же «психического расстройства, не исключающего вменяемости». Поэтому нельзя не согласиться с С.В. Тасаковым, который рассматривает «психотравмирующую ситуацию» как совокупность внешних обстоятельств («фактов»), негативно воздействующих на психику матери и приводящих к аккумуляции отрицательных эмоций, к аффективному убийству новорожденного. К таким «фактам» автор относит: отказ фактического отца признать свое отцовство, зарегистрировать брачные отношения, отказ родителей роженицы от всякой помощи ей и поддержки и т.п.<sup>1</sup> На фоне подобных психогенных перегрузок, происходящих в период беременности и последующего рождения ребенка, женщина получает такую психоэмоциональную напряженность, которая обуславливает неадекватную реакцию на психотравмирующую ситуацию в виде убийства своего нарождающегося или новорожденного ребенка.

Иными словами, нельзя утверждать что «психотравмирующая ситуация» представляет собой «эмоциональную напряженность», которая в сочетании с беременностью, родами и послеродовым процессом вызывает неадекватные реакции, способствующие совершению «детоубийства»<sup>2</sup>, либо рассматривать указанную ситуацию как «своеобразный срыв высшей нервной деятельности»<sup>3</sup>, тогда как она играет роль лишь внешнего «спускового механизма», обеспечивающего выход накопленной в этих условиях сверхинтенсивной эмоциональной напряженности вплоть до психического расстройства, лишаящего ее возможности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими. Именно такое состояние расстройства психики, в конечном итоге, служит субъективным основанием смягчения уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка.

«Психотравмирующая ситуация» и вызванное ею «состояние психического расстройства, не исключающее вменяемости», также должны быть связаны

---

<sup>1</sup> Тасаков С.В. Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах по уголовному праву России: дис. ...канд. юрид. наук. Чебоксары, 2000. С. 62.

<sup>2</sup> Уголовное право. Особенная часть // отв. ред. Н.И. Ветров и Ю. И. Ляпунов. М., 1998. С. 71.

<sup>3</sup> Погодин О., Тайбаков А. Убийство матерью новорожденного ребенка // Законность, 1997. № 5. С. 16 – 17.

(прямо или косвенно) с рождением ребенка (в послеродовой период), как и с родами (в процессе родов).

Необходимость экспертного определения указанного состояния по делам данной категории не должна вызывать сомнений. Это определение должно основываться на заключении психиатров и психологов, то есть на заключении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы<sup>1</sup>.

В состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, но исключающего вполне осознанное и столь же контролируемое поведение человека (в данном случае женщины-роженицы), невозможно преднамеренное убийство, когда виновная заранее готовится избавиться от ребенка, предварительно обдумывает все основные детали будущего преступления. Умысел в таких случаях возникает внезапно во время родов или после них при наличии указанных в законе обстоятельств<sup>2</sup>. Было бы неправильно признавать совершенным при смягчающих обстоятельствах убийство матерью своего младенца, когда виновная заранее к нему готовится. К сожалению, действующая редакция ст. 106 УК РФ дает основание утверждать, что при убийстве новорожденного не имеет значения, было ли убийство спланировано еще до родов, а осуществлено в период родового процесса или вскоре после родов, либо умысел на убийство возник внезапно в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, и тогда же в этом состоянии был реализован<sup>3</sup>.

Несовершенство уголовного закона, позволяющего квалифицировать по ст. 106 УК РФ случаи совершения убийства матерью новорожденного ребенка не обязательно в состоянии психического расстройства, качественно ухудшающего сознательно-волевою деятельность человека, и, соответственно, не обязательно с внезапно возникшим умыслом, который в этой ситуации и состоянии реализуется, позволяет оценивать как «привилегированные» убийства, совершенные роженицей, как правило, в отсутствие «болезненных психических состояний», «хладнокровно спланированных и заранее обдуманных и исполненных с особым цинизмом»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Трясоумов М.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с убийствами матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 97 – 98; Касторнова В.Ю. Указ. соч. С. 17 и др.

<sup>2</sup> Ткаченко В.И. Квалификация преступлений против жизни и здоровья по советскому уголовному праву, М., 1977. С. 59; Касторнова В.Ю. Указ. соч. С. 17; Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 218; Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дис. ... юрид. наук. М., 2009. С. 19 и др.

<sup>3</sup> Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. С. 292; Уголовное право России. Особенная часть / отв. ред. Ф.Р. Сундугов, М.В. Талан. М., 2012. С. 44 и др.

<sup>4</sup> Багмет А.М. Трощанович А.В. Указ. соч. С. 20. Некоторые исследователи характеризуют личность женщины-убийцы новорожденного ребенка как личность эгоистки, не способной к состраданию, жестокой, с несформировавшейся положительной позицией (напри-

## 2.2. Особенности состава преступления и вопросы назначения наказания за убийство матерью новорожденного ребенка

---

«Детоубийство» является специальным составом «привилегированного» убийства и характеризуется следующими особенностями: объект преступления – жизнь нарождающегося или новорожденного человека, потерпевшего от преступления ребенка виновной, который на стадии родов находился в положении «плода» будущего человека, или же после родов – в положении «новорожденного» ребенка; объективная сторона преступления – убийство «нарождающегося» («во время родов») или «новорожденного» (вскоре «после родов») ребенка виновной; субъект преступления – мать-роженица, убивающая своего будущего или новорожденного ребенка «сразу же после родов» или в период его «новорожденности»; субъективная сторона преступления – внезапный умысел, возникший в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, вызванного родами и условиями «психотравмирующей ситуации». Однако стержнем этой системы является психическое состояние виновной, вызванное указанными в ст. 106 УК РФ «извинительными» обстоятельствами.

Такая характеристика конструктивного признака состава «детоубийства» и самого состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, дает возможность правильно квалифицировать и справедливо определить пределы уголовной ответственности виновной в случаях, когда специальный субъект «детоубийства» – мать-роженица достигла 14 летнего, но не достигла 16-летнего возраста, или в тех случаях, когда убийство новорожденного совершает другое лицо по просьбе матери-роженицы. Полагаем, в первых случаях в действиях последней содержатся признаки убийства, предусмотренного только ст. 106 УК РФ, однако недостижение возраста, с которого наступает уголовная ответственность за данное преступление, исключает уголовную ответственность виновной в таком убийстве. В последних случаях, когда из-за физического состояния или по другим причинам женщина-роженица сама не может убить своего нарождающегося или новорожденного ребенка и просит об этом отца ребенка, других близких или чужих людей, действия последних должны оцениваться как исполнение убийства, но не убийства, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ<sup>1</sup> (убийство... малолетнего), поскольку в буквальном смысле «новорожденный» это явно не «малолетний», тем более «нарождающийся» ребенок, а как исполнение «простого» убийства, если нет других квалифицирующих признаков

---

мер: Капица Т.А. Характеристика личности преступницы по делам об убийстве матери новорожденного ребенка // Закон и право, 2014. № 4. С. 119).

<sup>1</sup> Лопашенко Н.А. Указ. соч. С. 471 – 473.

убийства, а действия матери потерпевшего должны квалифицироваться с учетом того, что в ее действиях содержатся все признаки специального состава убийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ, – по данной статье УК как посредственного исполнения именно этого «привилегированного» вида убийства<sup>1</sup>.

Изучение судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 106 УК РФ, обнаруживает существующую недооценку или ошибочную оценку всей системы обстоятельств, составляющих конструктивный признак этого вида «привилегированного» убийства, и частей этой системы, характеризующих специфические особенности элементов данного состава преступления, в процессе квалификации конкретных случаев убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).

Общим основанием уголовной ответственности по уголовному законодательству России является, как известно, совершение общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом (ст. 6 УК РФ). Однако при этом принцип вины или субъективного вменения содеянного лицу, его совершившему (ст. 5 УК РФ), указывает на то, что стержнем такой системы признаков (состава того или иного преступления) является психологическая деятельность лица, связанная с совершением преступления, или субъективная характеристика деяния, а критерием дифференциации уголовной ответственности – субъективная опасность совершенного преступления. В составе убийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ, таким стержнем или критерием законодатель определяет (правда, недостаточно четко) состояние «оправданного» психического расстройства, не исключающего вменяемости и вызванного такими «извинительными» обстоятельствами, как роды и (или) иная психотравмирующая ситуация. Причем последний психотравмирующий и криминогенный фактор может действовать как до родов или во время родов, так и «сразу» после их окончания, и в более поздний послеродовой период (период «новорожденности» ребенка-потерпевшего).

Буслаева была осуждена за то, что, являясь матерью, совершила два убийства своих новорожденных детей «сразу же после родов в условиях психотравмирующей ситуации». Как установлено судом, виновная, находясь на девятом месяце беременности, рождение новых детей при том, что на ее иждивении (она являлась единственным трудоспособным членом семьи) находились ее муж (А) – отец детей, инвалид 3-й группы, сын – инвалид 1-й группы, еще один малолетний ребенок, страдающий тяжелым онкологическим заболеванием, ее мать – инвалид 1-й группы, за которой также был необходим посторонний уход, «представляла данную ситуацию как крайне тяжелую, психотравмирующую». Данная ситуация стала еще более тяжелой психотравмирующей после родов. Она сразу же после родов двух

---

<sup>1</sup> Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 63.



младенцев перекрыла каждому из них доступ воздуха, в результате чего дети умерли от асфиксии при сдавливании шеи петлей.

Кассационная судебная инстанция признала правильной квалификацию судом содеянного Буслаевой за два убийства (совокупность преступлений) по ст. 106 УК РФ, т.е. убийство новорожденных детей «сразу же после родов в условиях психотравмирующей ситуации»<sup>1</sup>.

Полагаем, что в данном случае речь должна идти: во-первых, об одном убийстве двух (или более) лиц, поскольку оно совершалось по единому умыслу; во-вторых, об убийстве, совершенном «сразу же после родов и в условиях психотравмирующей ситуации»; в-третьих, об убийстве с признаками преднамеренности, по заранее обдуманному умыслу. Осужденная хорошо понимала, что сложившаяся в ее семье тяжелая жизненная ситуация еще более усугубится с рождением новых детей, и то, что она непосредственно перед родами приготовила орудие убийства новорожденных детей (веревочную петлю), – все это наводит на мысль о «предумышленном убийстве двух или более лиц, а также лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии (ст. 105 ч. 2 пп. «а», «в» УК РФ) Возможно и то, что имело место «детоубийство» «по вновь возникшему умыслу», учитывая психогенное и криминологическое влияние только что окончившихся родов 2 детей в условиях известной психотравмирующей ситуации, что предполагает квалификацию содеянного по ст. 106 УК РФ. В этих условиях не исключается квалификация данного убийства при обстоятельствах, указанных в данной уголовно-правовой норме.

Выяснить эти обстоятельства может помочь, очевидно, проведение по делу судебно-психологической экспертизы, которая дает возможность суду правильно оценить и то, как прошедшие роды повлияли на психику виновной в сочетании с тяжелой жизненной обстановкой, сложившейся еще до родов в ее семье. Полагаем, не должно вызывать сомнения, что случаи «детоубийства» при обстоятельствах, когда виновная заранее к нему готовится, следует признавать убийством, совершенным при отягчающих ответственность обстоятельствах с учетом при назначении виновной наказания таких, например, смягчающих обстоятельств, как «совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ) «явка с повинной» (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и т.п., а также с учетом обстоятельств, предусмотренных ст. 64 УК РФ.

Отнесение законом рассматриваемого преступления к категории преступлений средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ) дает правоприменителю (по общим правилам) возможность освободить мать-убийцу от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Несмотря на это, в судебной практике прекращение уголовного дела об убийстве, предусмотренном ст. 106 УК РФ, по ст.

---

<sup>1</sup> Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Тульского областного суда от 5 октября 2011 года по делу № 22-2403/11.

25 УПК РФ («за примирением сторон») – скорее, исключение, чем правило. Полагаем, что дела о таких преступлениях не должны подлежать прекращению в связи с примирением с потерпевшим по следующим основаниям:

1. В результате убийства потерпевшим от преступления является лишенный жизни новорожденный ребенок – по сути самый близкий субъекту преступления человек. Это тот «человек, которому в результате преступления причинен моральный, физический или имущественный вред»<sup>1</sup>. В уголовном праве потерпевшим является человек или лицо, которому вред причиняется преступлением непосредственно. Это означает, что вредные последствия, входящие в объективную сторону преступления, являются прямым следствием его совершения, непосредственным очевидным результатом взаимодействия преступника и жертвы, детерминирующего преступное деяние и его последствия, наступление которых означает превращение последней в потерпевшего. Если причиненный преступлением вред не есть необходимый первичный результат совершенного преступления, а есть его вторичное или многократное опосредованное и отдаленное следствие, то он не порождает потерпевшего, а его установление не служит процессуальным основанием для признания жертвы потерпевшим<sup>2</sup>. Близкие родственники лица, погибшего в результате преступного посягательства, в случае замены его в процессе, не становятся потерпевшими. Эти лица представляют интересы потерпевшего, действуют его именем и могут быть признаны лишь его законными представителями<sup>3</sup>. При этом, по справедливому замечанию Е.Е. Центрова, «сам факт причинения вреда лицу является основанием, чтобы считать его потерпевшим»<sup>4</sup>. Иными словами, потерпевшим в составе убийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ, является только новорожденный ребенок, т.е. только что родившийся человек, которого его мать умышленно лишает жизни после того, как она ему ее дала. О каких других потерпевших в уголовно-правовом смысле (а институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим является уголовно-правовым – ст. 76 УК РФ), можно еще говорить в таких случаях?!

2. Любое убийство по своему характеру представляет собой особую опасность для общества в целом, а рассматриваемый его вид – также будущему человеческого общества, поскольку связан с его воспроизводством и охраной будущих членов общества;

3. В ст. 76 УК РФ говорится об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением виновного с потерпевшим. При этом необходимо, чтобы

---

<sup>1</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, С. 57.

<sup>2</sup> Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. Казань, 1998. С. 39 – 40.

<sup>3</sup> Там же. С. 39.

<sup>4</sup> Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. 1988. С. 33.

первый загладил вред, причиненный последнему. Но возможно ли все это в случаях оконченного убийства любого вида? Очевидно, нет.

«Примирение» означает «восстановление согласия мирных отношений между кем-нибудь»<sup>1</sup>. Но, во-первых, «восстановление согласия» между убийцей и убитым невозможно изначально по известным причинам, а во-вторых, «восстановление согласия» между виновным и потерпевшим невозможно и потому, что оно наталкивается на невозможность восстановления того невосполнимого и ничем не заменимого блага, утраченного потерпевшим, – его жизни. В случае убийства, очевидно, можно лишь говорить не о примирении, ибо о каком примирении между живым и мертвым можно говорить, а о стремлении убийцы как-то «загладить причиненный вред». Иными словами, от всей конструкции основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 76 УК РФ, остается лишь «заглаживание причиненного потерпевшим вреда», что само по себе, по вполне понятным причинам, не может рассматриваться в качестве обстоятельства, освобождающего от уголовной ответственности. Это обстоятельство следует признавать лишь обстоятельством, смягчающим наказание, что и предусматривает законодатель в п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Высказанные нами соображения позволяют дать законодателю следующие рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства РФ:

1. Ст. 76 УК РФ целесообразно дополнить двумя примечаниями: в примечании 1 дать уголовно-правовое понятие потерпевшего как необходимой составной части системы состава преступления с потерпевшим; в примечании 2 указать на недопустимость освобождения от уголовной ответственности по данной уголовно-правовой норме лиц, совершивших убийство или иное умышленное посягательство на жизнь другого человека.

2. Указанные примечания сформулировать в следующей редакции: «Примечание 1. Потерпевшим в уголовном праве признается физическое лицо, которому непосредственно в результате совершения преступления причинен физический, имущественный или моральный вред.

Родственники потерпевшего и иные близкие ему лица могут быть признаны представителями потерпевшего от преступления в уголовном процессе».

«Примечание 2. Лицо, совершившее убийство или иное умышленное посягательство на жизнь другого человека, не может быть освобождено от уголовной ответственности по правилам, предусмотренным настоящей статьей».

В судебной практике по рассматриваемой категории уголовных дел случаи освобождения виновной от уголовной ответственности по правилам, предусмотренным ст. 76 УК РФ, встречаются нечасто. При этом вышестоящие судебные ин-

---

<sup>1</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 358.

станции реагируют на такие решения нижестоящих судов отрицательно, хотя достаточно убедительного обоснования отмены постановления районного (городского) суда о прекращении уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 106 УК РФ, в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ) не приводится.

Судебная коллегия по уголовным делам Владимирской области вынесла определение о прекращении уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 106 УК РФ, в отношении Б. по ст. 25 УПК РФ за примирением сторон, приведя следующее обоснование принятого ею решения. Б. сразу же после родов, как сказано в соответствующем постановлении районного суда, «с внезапно возникшим умыслом убила новорожденного ребенка, перекрыв ему отверстия рта и носа 6-8 слоями туалетной бумаги, а после того, как он скончался на месте происшествия от механической асфиксии, положила его труп в картонную коробку, которую закопала в грунт в огороде своего дома. В судебном заседании мать Б. – В. – ходатайствовала о прекращении дела за примирением с Б. – своей дочерью и одновременно матерью убитого ребенка, заявив суду, что они с виновной примирились и Б. (виновная) загладила причиненный ей (В.) вред «своим поведением и путем принесения ей извинений».

Суд удовлетворил ходатайство «потерпевшей В. – матери виновной и бабушки убитого его матерью новорожденного ребенка, прекратив уголовное дело за примирением сторон.

Отменяя это постановление суда, Коллегия указала:

1. «Судом не в полной мере учтены характер и степень общественной опасности совершенного преступления, обстоятельства его совершения», данные о личности подсудимой и иные обстоятельства, которые надлежит всесторонне исследовать.

2. «Принятое судом решение является несправедливым и не соответствует задачам уголовного судопроизводства, в том числе задачам предупреждения преступлений, поскольку данный случай вызвал большой резонанс среди жителей района и области. В широком смысле потерпевшим по данному уголовному делу является общество в целом».

3. «При принятии решения не в полной мере принято во внимание то, что Б. совершила преступление, связанное с лишением жизни человека – новорожденного ребенка в условиях, не являющихся психотравмирующими, лицом, не испытывающим житейских и других затруднений».

4. «Принимая решения, суду необходимо оценить, соответствует ли это целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства, отвечает ли требованиям справедливости и целям правосудия».

5. «Нельзя признать также убедительным вывод суда о заглаживании вреда, причиненного преступлением, как обязательного требования при прекращении дела за примирением сторон».

При таких обстоятельствах постановление суда, по мнению Коллегии, «не может быть признано законным и подлежит отмене... в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в постановлении, фактическим обстоятельствам уголовного дела, поскольку суд не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на его выводы»<sup>1</sup>.

Формулировка оснований отмены постановления суда о прекращении данного уголовного дела является обтекаемой. В нем говорится о высокой общественной опасности совершенного Б. убийства своего новорожденного ребенка и о том, что принятое судом решение «не соответствует целям и задачам защиты личности, общества и государства, а также правосудия», хотя суд определил содеянное по ст. 106 УК РФ, то есть как преступление средней тяжести, которое, в принципе, может быть прекращено за примирением виновного лица с потерпевшим. Параллельно с этим положением утверждается, что Б. убила своего новорожденного ребенка «в условиях, не являющихся психотравмирующими», лицом, не испытывающим житейских и других затруднений, непосредственно не оспаривая правильность квалификации судом совершенного убийства. Однако вполне предметными были замечания Коллегии относительно того, что судом не учтено, «что Б. совершила преступление, связанное с лишением жизни человека-новорожденного ребенка» и что «вывод суда о заглаживании вреда, причиненного преступлением, как обязательного требования при прекращении дела за примирением сторон» не является убедительным. К сожалению, из сказанного не ясно, что применительно к данному составу убийства, как и любому убийству, примирение убийцы с потерпевшим невозможно, а «заглаживание вреда, причиненного преступлением (если оно возможно), является лишь дополнительным обстоятельством, подтверждающим либо, наоборот, не подтверждающим факт состоявшегося или не состоявшегося «примирения сторон».

Кроме того, в ст. 106 УК РФ законодатель не требует того, чтобы убийство новорожденного ребенка «сразу же после родов» было совершено «в условиях психотравмирующей ситуации лицом, испытывающим житейские или иные затруднения», как понимает указанную в законе ситуацию кассационная судебная инстанция.

Обстоятельства, характеризующие конструктивный признак убийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ: специальный субъект преступления – мать новорожденного ребенка; особая обстановка преступления, характеризующая объективное положение виновной, – роды или (и) иная «психотравмирующая ситуация»; особое

---

<sup>1</sup> Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Владимирского областного суда от 16 декабря 2010 года по делу № 22-3695.

психическое состояние виновной, – не позволяют говорить о возможности квалификации соучастников этого преступления как соисполнителей. Фактическое соисполнительство в таком убийстве не может быть юридически закреплено в квалификации содеянного лицом, не являющимся специальным субъектом и которому не присущи специфические особенности ситуации и психического состояния матери-убийцы по ст. 106 УК РФ. Соисполнительство такого лица (например, близких матери-убийцы лиц) следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но не как убийство «малолетнего»<sup>1</sup>, ибо потерпевшим здесь является новорожденный ребенок – «лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии»<sup>2</sup>. В связи с этим предлагаем внести в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ дополнение, указав в самом его начале на «убийство... новорожденного, малолетнего или...» и далее по тексту.

Возможность организации убийства, подстрекательства к убийству и пособничества в убийстве новорожденного ребенка матерью, находящейся в указанной законом стрессогенной ситуации и в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, в принципе не исключается. Однако эти виды соучастия в убийстве не могут быть квалифицированы по ст. 106 УК РФ с применением, соответственно, чч. 3, 4, 5 ст. 33 УК РФ. В этом «сложном» соучастии действия каждого из указанных соучастников убийства непосредственно описаны, соответственно: организатора – в ч. 3 ст. 33 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ; подстрекателя – в ч. 4 ст. 33 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, пособника – в ч. 5 ст. 33 УК РФ и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В определенном смысле это самостоятельные составы преступлений (организация убийства, подстрекательство к убийству или пособничество в убийстве лица, находящегося в беспомощном состоянии), что полностью отражается в указанных положениях Общей и Особенной частей УК РФ. Этот вариант квалификации более предпочтителен, поскольку особенности конструктивного признака состава преступления, характеризующие поведение и состояние исполнителя (специального субъекта) убийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ, не касаются других соучастников убийства, совершаемого лицами, не обладающими такими особенностями и организующими, подстрекающими или пособничающими в убийстве, которое для них не может быть ни исполнением, в том числе в убийстве при отягчающих обстоятельствах, ни соучастием (чч. 3-5 ст. 33 УК РФ) в «привилегированном» убийстве (ст. 106 УК РФ). Поэтому квалификация действий таких соуча-

---

<sup>1</sup> «Малолетний» – «детский, детского возраста», буквально «ребенок, которому мало лет // Там же. С. 340. Термин «новорожденный» означает «только что или недавно родившийся» (в возрасте до одного месяца) // Там же. С. 419 – 420.

<sup>2</sup> А.И. Коробеев, например, не считает возможным квалифицировать соисполнительство не субъекта в «детоубийстве» как «убийство лица в беспомощном состоянии» (его: Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., Юрлитинформ, 2012. С. 125).

стников по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ<sup>1</sup> или действий пособника по ст. 33, ст. 106 УК РФ представляется не соответствующей закону и справедливости.

Учитывая отмеченное несовершенство уголовного закона, считаем целесообразным дополнить ч. 4 ст. 34 УК РФ вторым абзацем следующего содержания: «Организатор, подстрекатель либо пособник преступления со специальным субъектом или иными обстоятельствами, смягчающими уголовную ответственность, не обладающий соответствующими признаками и обстоятельствами, специально указанными в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, несет уголовную ответственность по общей для данного вида преступления норме Особенной части настоящего Кодекса, а при наличии в его действиях отягчающих ответственность обстоятельств – за квалифицированный вид такого преступления со ссылкой на ст. 33 настоящего Кодекса».

Исполнитель преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, не обладающий признаками указанного в данной статье специального субъекта преступления и действовавший при иных обстоятельствах или ином состоянии, о которых говорится в этой специальной норме, несет уголовную ответственность за убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии в тех случаях, когда он действовал по просьбе матери потерпевшего – новорожденного ребенка (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Если такое лицо совершило подобное убийство по найму (по заказу) матери потерпевшего, то его действия дополнительно квалифицируются также по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия «заказчицы» – за организацию или подстрекательство к заказному убийству, а при наличии специальных обстоятельств, смягчающих ответственность, указанных в ст. 106 УК РФ, по данной статье со ссылкой на ч. 3 или ч. 4 ст. 33 УК РФ. Аналогично вопрос решается и с пособничеством матери в убийстве своего ребенка другим лицом, не являющимся субъектом данного «привилегированного» убийства.

Формальный подход к роли времени совершения преступления в квалификации этого вида убийства и однозначный вывод о том, что по ст. 106 УК РФ можно квалифицировать убийство независимо от того, что оно задумано заранее, – то есть до указанного в этой статье времени, но и от того, в каком психическом состоянии находилась в момент его совершения роженица<sup>2</sup>, подрывает возможности обосновать справедливость смягчения ответственности за «детоубийство», предусмотренное данной уголовно-правовой нормой.

Убийство «во время родов» должно определяться по медицинским показаниям, характеризующим момент начала родов до момента их окончания, совпадающего с началом внеутробной самостоятельной жизни уже родившегося ребенка, и до-

---

<sup>1</sup> Лопашенко Н.А. Указ. соч. С. 472.

<sup>2</sup> Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 41 – 43.

полняться заключением психологической экспертизы, определяющей степень психического расстройства роженицы в этот период времени, когда она совершает убийство нарождающегося (рождающегося) ребенка.

Аналогичные медицинские показания, адаптированные к определению момента окончания родов и началу нахождения родившегося младенца в состоянии «новорожденности», а также заключения авторитетных психологов (возможно, совместно с психиатрами, акушерами и гинекологами), необходимы и в случаях убийства матерью новорожденного ребенка «сразу же после родов». В связи с этим нельзя не согласиться с тем, что правовые нормы должны опираться на реальные основания, ибо формулирование их вне связи с их истинными основаниями, справедливое и научно-обоснованное решение правовых вопросов едва ли возможно<sup>1</sup>.

Касаясь толкования понятий «непосредственно» или «сразу же после родов», следует отметить, что они близки по смыслу, но не тождественны: «непосредственный» означает «прямо следующий после кого-чего-нибудь»<sup>2</sup>, а «сразу» – «очень быстро, немедленно, в тот же момент»<sup>3</sup>. Если учесть, что слово «момент» («сразу») означает «миг», «мгновение, короткое время, в которое происходит что-нибудь»<sup>4</sup>, то станет понятным, что более правильным было бы указание в тексте рассматриваемой нормы на убийство новорожденного ребенка «непосредственно после родов», а не в тот «миг» или «мгновение», как только они окончились, то есть не «сразу же после них», а в обоснованно короткое время, которое является начальным периодом жизни ребенка и его адаптации к условиям самостоятельного существования вне утробы матери. «Сразу же после родов» это в первые часы рождения ребенка, непосредственно после окончания физиологического процесса родов. Этот период совпадает с ранним послеродовым периодом, по данным неонатологов, длящимся первые 4 часа после выделения последа<sup>5</sup>.

Убийство матерью новорожденного ребенка «в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости», может произойти в более широкий период времени после его рождения, который характеризуется как «состояние новорожденности». В уголовном законе нет определения «новорожденности» и того периода, который бы определял временные границы указанного состояния.

Судебные медики указывают на достаточно короткий период продолжительности «новорожденности», длящийся первые 24 часа после рождения<sup>6</sup>, ко-

---

<sup>1</sup> Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 48.

<sup>2</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 410.

<sup>3</sup> Там же. С. 359. Там же. С. 364: Попов А.Н. Указ. соч. С. 34.

<sup>4</sup> Там же. С. 364.

<sup>5</sup> Попов А.Н. Указ. соч. С. 34.

<sup>6</sup> Сафуанов Ф. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве



торый определяется в конкретных случаях по таким признакам, как: отсутствие демаркационного кольца на пуповине, наличие родовой опухоли, меконии, сыровидной смазки<sup>1</sup>.

Живорождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента). Акушеры и гинекологи исчисляют этот период 28 днями, выделяя в нем: ранний неонатальный период, длящийся от момента перевязки пуповины до конца 7 суток и поздний период «новорожденности» от 8 до 28 дней жизни<sup>2</sup>. Большая медицинская энциклопедия признает новорожденным ребенка, живущего вне утробы матери, с момента рождения, первого вдоха и перевязки пуповины до четырехнедельного возраста (28 дней)<sup>3</sup>. Полагаем, что эти сроки должны учитываться правоприменителем при определении специфики каждого из названных периодов, а срок до четырех недель (28 дней) – состояния «новорожденности», поскольку выделение этих временных отрезков в медицине, акушерстве и гинекологии носит не формальный характер, а связано с особенностями физиологического, психического и иного болезненного состояния роженицы, и поскольку исследуемая уголовно-правовая норма в этой ее части носит бланкетный характер, заставляя компетентные в юриспруденции и некомпетентные в медицине, педиатрии, акушерстве, гинекологии, психологии и психофизиологии органы обращаться к мнению специалистов в этих областях науки, к их профессиональным знаниям и соответствующему законодательству, регулирующим рассматриваемые отношения. Иногда юристы сами пытаются определить состояние «новорожденности» считая, что оно может длиться 3-6 недель – срок, в который, по их мнению, происходит первичная адаптация ребенка к окружающему миру<sup>4</sup>, или определяя «новорожденность» до месячного возраста ребенка<sup>1</sup>.

---

новорожденного ребенка // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 30.

<sup>1</sup> Акопов В.И. Судебная медицина в вопросах и ответах: справочное пособие для юристов и врачей. Ростов-на-Дону, 1998. С. 182; Судебная медицина / под ред. В.Н. Крюкова. М., 1998. С. 117.

<sup>2</sup> О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи: приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (ред. от 15.04.2021); Справочник по акушерству и гинекологии / под ред. Г. М. Савельевой. М., 1996; Белогольский Ю.А. Педиатрия М., 2005. С. 9.

<sup>3</sup> Большая медицинская энциклопедия: В 30 т. Т. 17. М. 1989. С. 87.

<sup>4</sup> Комментарий к Уголовному к Российской Федерации / под ред. М.В. Лебедева. М., 2004. С. 269; Серегина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охран ново-

Неопределенность в уголовном законе (ст. 106 УК РФ) и отсутствие соответствующих рекомендаций в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда РФ относительно того, что собой представляет «состояние новорожденности» в данной уголовно-правовой норме и какую роль оно играет в ситуации послеродового периода, а в конечном итоге, в существенном смягчении уголовной ответственности за указанное «детоубийство», вызывают неоднозначное понимание правоприменителем, в том числе судьями, следователями, государственными обвинителями, тех признаков состава этого преступления, которые непосредственно влияют на его квалификацию, справедливое и единообразное решение вопросов ответственности и наказания виновной. Такое тревожное положение, сложившееся в одной из наиболее важных областей системы правосудия по уголовным делам о посягательствах на жизнь человека, требует срочного научно-доктринального обоснования и легального решения вопроса об определении «новорожденности» в рамках исследуемой уголовно-правовой нормы.

Определяя «новорожденность» в рассматриваемом составе преступления, уделяется внимание, как правило, только формальному признаку – периоду времени, в течение которого она может продолжаться с момента рождения ребенка, не касаясь содержательно-смысловой характеристики самого состояния «новорожденности», как составной части психотравмирующей ситуации послеродового периода, вызывающей особое психическое состояние роженицы в момент убийства ею своего младенца. Однако, главное в характеристике «новорожденности» не время ее продолжительности, а то, что это особое психическое и физическое состояние женщины после родов, которое необходимо устанавливать с помощью заключения соответствующих экспертов и других доказательств при рассмотрении уголовных дел этой категории.

Произвольный характер и широкий диапазон сроков, в которые определяют продолжительность «новорожденности» ребенка, убитого матерью после родов, свидетельствуют не только о плохом знании данного конструктивного признака рассматриваемого вида «привилегированного» убийства, но и о недопустимо безответственном отношении правоприменителей и некоторых других категорий юристов к тому, чтобы восполнить этот пробел в профессиональных знаниях.

«Новорожденный» это «только что или недавно родившийся ребенок»<sup>2</sup>. В этом смысле «новорожденность» должна совпадать с моментом окончания родов и

---

рожденного ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 84; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михалин. СПб., 2007. С. 194.

<sup>1</sup> Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Чучаева. М., 2004. С. 257; Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М., 2012. С. 4.

<sup>2</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 419 – 420.

определением в течение нескольких минут после этого способностью младенца к самостоятельному (вне связи с организмом матери) существованию как человека готового к жизнедеятельности<sup>1</sup>. Это как раз тот отрезок времени, который в законе характеризуется как период «сразу же (непосредственно) после родов».

Последующий послеродовой период в этом виде «привилегированного» убийства должен, видимо, характеризоваться психотравмирующей ситуацией, состоящей в основном из тяжелых жизненных обстоятельств, в той или иной мере связанных с прошедшими родами и фактом рождения ребенка, который вызывает у роженицы «состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости». Это положение можно рассматривать как рекомендацию законодателю, которая, по нашему мнению, позволяет оптимизировать редакцию ст. 106 УК РФ и сделать ее более понятной и узнаваемой для правоприменителя.

Психотравмирующая ситуация, возникающая на почве родов «во время родов или сразу же после родов», когда женщина испытывает особо тяжелые мучения и страдания в связи с родами, способна сама по себе вызвать у нее «состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости». Поэтому именно этот короткий период (в процессе родов и ранний послеродовой период), который длится после родов сравнительно недолго (по одним медицинским источникам от двух до четырех минут, по другим до двух часов<sup>2</sup>), законодатель должен указать в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность матери за убийство нарождающегося или новорожденного ребенка. Однако этот период не должен характеризоваться в ст. 106 УК РФ заранее определенными сроками, которые вызывают споры даже у специалистов-медиков, он должен ограничиваться указанием на убийство во время родов или непосредственно после них в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, вызванном родами. Тогда правоприменитель будет проводить судебную медико-психологическую или даже медико-психолого-психиатрическую экспертизу по каждому делу данной категории, а не ограничиваться установлением «новорожденности» по срокам ее протяженности от момента рождения потерпевшего, то есть формальным признаком, который не позволяет определить основной признак «новорожденности», характеризующий особое психическое состояние матери-убийцы в этот «родовой и ранний послеродовой период»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> «Жизнедеятельный» – «способный к жизненным отправлениям» // Там же. С. 194.

<sup>2</sup> Акушерство и гинекология / под общ. ред. Г.М. Савельевой, Л.Г. Сичинова. М., 1997. С. 247.

<sup>3</sup> Установление какого-либо заранее определенного срока неприемлемо, поскольку в таком случае нельзя понять, что виновная в момент совершения преступления находилась в том исключительном состоянии, которое вызывается родами (Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2002. С. 138.). В этом контексте вполне справедливо звучат слова С.В. Бородина о необходимости определять период «во время или сразу же после родов», «в каждом конкретном случае» (Бородин С.В. Престу-

Субъект преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, также входит в систему конструктивных признаков этого вида убийств со смягчающими ответственность обстоятельствами. Кроме того, что это физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, оно имеет определенные особенности, характеризующие его как специального субъекта преступления. Согласно этим особенностям:

1) исполнителем данного преступления может быть только лицо женского пола – несовершеннолетняя (16-17-летняя) девушка или взрослая женщина, способная забеременеть, выносить и родить ребенка. Фактически 14-летние несовершеннолетние лица женского пола, достигшие половой зрелости, также обладают такими способностями и могут совершить такое преступление. Но эти лица, как отмечалось, не могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ, если даже совершат убийство новорожденного ребенка, хотя за убийство взрослого или даже малолетнего человека ответственность наступает с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). Следует согласиться с теми учеными, которые предлагают предусмотреть ответственность за этот вид «привилегированного» убийства, с более раннего возраста, указав это положение в ч. 2 ст. 20 УК РФ<sup>1</sup>.

2) субъектом этого «детоубийства» может быть лишь мать потерпевшего, то есть рожаящая или родившая ребенка женщина. Имеется в виду не столько «юридическая мать», сколько «мать фактическая», та женщина, которая вынашивала и рожала ребенка, ставшего потерпевшим от преступления. Фактическое рождение ребенка делает женщину матерью, независимо от юридической регистрации женщины в качестве матери<sup>2</sup>.

В настоящее время большое распространение получил институт суррогатного материнства<sup>3</sup>, позволяющий женщине, которая сама не может выносить беремен-

---

пления против жизни. М., 1999. С. 174.) и замечание Е.Б. Кургузкиной о том, что временной интервал «сразу же после родов» является индивидуальным для каждой женщины (Кургузкина Е.Б. Предупреждение убийства матерью новорожденного ребенка: Криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 25). К мысли последней следует добавить тезис о необходимости «индивидуальной оценки» указанного ранее временного периода после родов применительно к особенностям организма каждой роженицы, но и такой же «оценки» каждой послеродовой ситуации, в которой она совершает убийство новорожденного.

<sup>1</sup> Н.А. Бабий прав, утверждая, что «совершение данного преступления лицом в возрасте от 14 до 6 лет не влечет уголовной ответственности». Данная уголовно-правовая норма – специальная, по отношению к общей, предусматривающей ответственность за «простое» убийство, поэтому она имеет приоритет даже перед ней специальной нормой, предусматривающей ответственность за квалифицированное убийство (его: Указ. соч. С. 17.).

<sup>2</sup> Касторнова В.Ю. Указ. соч. С. 18; Бабий Н.А. Указ. соч. С. 21.

<sup>3</sup> *Ventrem locare* (лат.) – сдача чрева внаем. Согласно ч. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ суррогатной матерью является женщина, которой имплантирован эмбрион другой женщины в целях его вынашивания. Генетические родители могут претендовать на юридический статус родителя (матери или отца) вынашиваемого суррогатной матерью ребенка лишь в том случае, если последняя дала согласие на их запись в таком качестве.

ность и родить ребенка в силу физических особенностей организма или медицинских показателей, с помощью вспомогательных репродуктивных технологий стать матерью.

Вполне справедливой представляется позиция тех ученых, которые считают, что именно фактическое рождение ребенка делает женщину матерью и, следовательно, дает основание для квалификации совершенного ею убийства новорожденного по ст. 106 УК РФ. Так, А.Н Красиков пишет, что поскольку в диспозиции данной уголовно-правовой нормы ничего не говорится об убийстве матерью своего новорожденного ребенка<sup>1</sup>, то и суррогатная мать может быть субъектом этого же преступления. В связи с этим Н.А. Бабий, справедливо и точно отражая смысл ст. 106 УК РФ, замечает: «Женщина, родившая ребенка, является его матерью, и никакое семейное или медицинское право не могут ни отменить, ни изменить этот факт. И только этот факт имеет уголовно-правовое значение, то есть имеет значение для квалификации убийства матерью новорожденного ребенка»<sup>2</sup>. Именно из фактического естественного отношения женщины к ребенку, которого она иной раз «винит» в причинении ей физических мучений и душевных страданий, которые достались ей в процессе и в результате родов, и из фактического и естественного психического расстройства, вызванного родами, исходит законодатель, существенно смягчая ответственность за убийство роженицей новорожденного ребенка. Чтобы мы ни говорили о праве на жизнь нарождающегося ребенка женщины-роженицы, она не может отделаться от вполне естественного чувства и мысли, что именно она, в конечном итоге, вправе решать «рожать или не рожать», дать жизнь своему «кровнику», который длинные мучительные месяцы был неразрывной частью ее организма, или лишить его такой возможности. Такая мысль и такое отношение фактической матери, включая естественную и суррогатную мать, взрастившую в своем чреве из зародыша будущего человечка, к рождающемуся или только что рожденному ребенку имеет свое вполне объяснимое основание, которое подкрепляется тем, что ей предоставлялось право в период беременности на искусственное ее прерывание. Думается, именно этими естественными соображениями в основном и руководствовался законодатель, а также с учетом существенного, хотя и неполного, «душевного помрачения» роженицы, вызванного родами, определяя этот вид «привилегированного» убийства. Юридическим основанием смягчения уголовной ответственности за данный вид убийства является системный комплекс конструктивных признаков состава преступления, непосредственно вытекающих из смысла сущностного понимания этих признаков, все они так или иначе составляют единую систему как необходимые части целого.

---

<sup>1</sup> Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 130.

<sup>2</sup> Бабий Н.А. Указ. соч. С. 23.

Действия матери ребенка при наличии всех других условий, названных в законе, подлежат квалификации по ст. 106 УК РФ даже в тех случаях, когда она совершает убийство «двойни», «тройни» и т.д., или, например, при наличии признаков особой жестокости либо других отягчающих ответственность обстоятельств. Эти обстоятельства должны учитываться при назначении наказания в рамках санкции ст. 106 УК РФ. Так, убийство роженицей двух или более младенцев должно наказываться более строго с учетом «наступления тяжких последствий в результате совершения преступления (п. «б» ст. 63 УК РФ). Для этого вида убийства «множественность потерпевших» вполне можно рассматривать как «наступление тяжких последствий» в результате его совершения. Наказание, прежде всего, в виде лишения свободы на срок до пяти лет, предусмотренное санкцией ст. 106 УК РФ, имеет достаточно широкие границы, позволяющие индивидуализировать содеянное в таких случаях. Однако законодатель поступил несправедливо и нелогично, не выделив квалифицированный состав этого «привилегированного» убийства по признаку «совершения преступления, предусмотренного частью первой настоящей статьи (ч. 1 ст. 106 УК РФ), причинившего смерть двум или более нарождающимся или новорожденным детям». Он не дифференцировал уголовную ответственность за данный вид убийства при смягчающих обстоятельствах, хотя выделяет квалифицированный вид «простого» убийства (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и квалифицированный вид «привилегированного» убийства, совершенного в состоянии аффекта (ч. 2 ст. 107 УК РФ), по признаку «убийство двух или более лиц». Полагаем, что и наказание по ч. 2 ст. 106 УК РФ должно быть сравнительно более строгим.

Потерпевшим от этого вида убийства является не другой живущий человек, а ребенок роженицы, ставшей его матерью-убийцей. Причем при убийстве «во время родов это «нарождающийся»<sup>1</sup>, а при убийстве «после родов» – «новорожденный»<sup>2</sup> ребенок.

Особенности потерпевшего, его взаимосвязь с убийцей, время и условия совершения данного преступления указывают на объект преступления. Основным родовым объектом рассматриваемого преступления является безопасность человека как «живого существа, обладающего даром мышления и речи, способного создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда». При этом охраняется человек как био-социальное живое существо, его биологическая природа и духовный мир. Непосредственным объектом преступления выступает жизнь человека как абсолютная ценность – биологическая форма его существования, возникающая в процессе эволюции, а также как социальная ценность, включенная в общую систе-

---

<sup>1</sup> «Нарождаться» («народиться») – «родиться; появиться, возникнуть» // Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 391. Аналогично: «родиться» или «рождаться» // Там же. С. 681.

<sup>2</sup> Там же. С. 879.

му общественных отношений (социальная форма жизни – личность). Уголовный закон охраняет, прежде всего, биологическую жизнь как основу сохранения и социальной жизни человека. Вот почему объектом его охраны являются и невменяемые люди и младенцы, еще не прошедшие какую-либо социализацию и не накопившие никакой социальной опыт. Е.В. Шкурная права, когда пишет: «Человек, родившись, с первым самостоятельным глотком воздуха начинает жить, реализуя это данное ему от природы естественное право безотносительно того, что об этом может написать законодательный орган»<sup>1</sup>. «Жизнь, – пишет далее автор, – не юридическое явление, это не сфера правового регулирования, а объект охраны, в том числе и юридическими средствами»<sup>2</sup>.

«Моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов»<sup>3</sup>. Вполне объяснимо, почему Гражданский кодекс РФ признает гражданина правоспособным, включая право на жизнь, с момента его рождения (ч. 2 ст. 17 ГК РФ). Ст. 17 Конституции РФ также указывает, что «права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Вот почему нельзя согласиться с Н.А. Бабием, по мнению которого, «в момент начала родов появляется объект уголовно-правовой охраны – жизнь человека, и не имеет значения, уже отделился ребенок или находится еще только в процессе рождения... С началом родов ребенок направляется к нам, как же можно отвергать его и говорить, что он еще не живой, что он еще не человек?»<sup>4</sup>.

Несмотря на столь эмоциональный накал, мысль, высказанная автором, не вполне логична. Во время родов ребенок, по существу, уже не «плод», но еще и не «человек живущий». Этот «бывший плод» и «будущий человек» непременно должен быть живым, чтобы стать живорожденным человеком в результате родов. Поскольку начальный момент возможного посягательства на жизнь «нарождающегося» («рождающегося») ребенка не совпадает с моментом начала его самостоятельной от организма матери жизни, ибо потерпевшим от убийства может быть лишь человек (уже или еще) живущий, то содеянное в данный момент законодателю следовало бы рассматривать как «посягательство («покушение») на жизнь нарождающегося (рождающегося) ребенка».

Процесс родов это «физический процесс изгнания плода, плаценты после достижения плодом жизнеспособности»<sup>5</sup>. Он начинается с «раскрытия шейки матки» (период «родовых схваток»), продолжается процессом «изгнания плода» («по-

---

<sup>1</sup> Шкурная Е.В. Жизнь как объект права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 17. Бабий Н.А. Указ. соч. С. 5.

<sup>2</sup> Там же. С. 23.

<sup>3</sup> Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021). Ч. 1 ст. 53.

<sup>4</sup> Бабий Н.А. Указ. соч. С. 5.

<sup>5</sup> Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. Т 22. М., 1984. С. 327.

следовый период»), включающего продвижение плода из матки по родовому каналу к половой щели до момента «рождения плода» (появления головки в половой щели, рождения головки, плечиков, туловища и ножек плода), и заканчивается изгнанием последа (плаценты плодными оболочками и околоплодными водами из матки через родовые пути, плодных оболочек и пуповины) из половых путей роженицы» («последовый период»). В целом это и есть «процесс родов» («время родов»), начинающийся с момента наступления первых родовых схваток и заканчивающийся отделением плода младенца от организма матери и длящийся в общей сложности примерно полтора-два часа. Но этот процесс имеет своим результатом «рождение ребенка» с того момента, когда после полного изгнания или извлечения младенца из организма роженицы новорожденный начинает проявлять обменные жизненно важные функции, свойственные самостоятельному человеческому организму. Поэтому не правы те авторы, которые утверждают, что «рождением ребенка в итоге» следует считать момент, когда только начинается процесс родов (с первых родовых схваток), и на этом основании соглашаться с законодателем, который признал начальным моментом уголовно-правовой охраны человека начало физиологических родов, а потерпевшего от убийства «во время родов» в ст. 106 УК РФ, «новорожденным ребенком»<sup>1</sup>.

В то же время нельзя согласиться и с теми учеными, которые предлагают «исключить из названия и диспозиции ст. 106 УК РФ термин «новорожденный» на том основании, что «закрепление понятия новорожденный не согласуется с необходимостью уголовно-правовой охраны права на жизнь рождающегося ребенка, поскольку новорожденного в процессе родов быть не может»<sup>2</sup>. Конечно, «новорожденного в процессе родов быть не может», но после родов как результат этого процесса возникает «новорожденный ребенок», которого во время родов с полным основанием и вполне логично следовало бы именовать (в том числе и в ст. 106 УК РФ) «нарождающимся (рождающимся) ребенком». Думается, так и должен поступить законодатель.

Очевидное несовершенство исследуемой уголовно-правовой нормы, отсутствие необходимых разъяснений по ее практическому применению в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда РФ, различное понимание соответствующих обстоятельств, играющих важную роль как конструктивных признаков состава данного вида «привилегированного» убийства в доктрине уголовного права, — все это негативно сказывается на практике применения уголовного законодательства об ответственности за «убийство матерью новорожденного ребенка». При отсут-

---

<sup>1</sup> Шарапов Р. Уголовно-правовое значение юридического определения момента рождения ребенка // Уголовное право. 2012. № 3. С. 7.

<sup>2</sup> Лунева А.В. Проблемы законодательной регламентации ответственности за детоубийство // Черные дыры в Российском законодательстве. 2013. № 5. С. 69.



ствии такого основания в каждом конкретном случае содеянное должно квалифицироваться как «детоубийство», совершенное при отягчающих ответственность обстоятельствах (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Такое положение чревато нарушением таких основополагающих принципов, как принципы справедливости, вины, законности, снижением эффективности всей системы правосудия в сфере уголовно-правового противодействия различным видам «детоубийства». Положение, при котором существует недопустимо снисходительное отношение правоприменителя к данному виду «детоубийства», отнесенного законодателем к преступлениям средней тяжести, приводит к тому, что латентность рассматриваемых убийств растет, а уровень их раскрываемости остается крайне низким, как и количество женщин (в основном молодых и репродуктивных), совершивших убийство новорожденного ребенка и оставшихся ненаказанными<sup>1</sup>. Судя по приговорам судов по делам данной категории, складывается впечатление, что судьи далеко не всегда определяют основание смягчения ответственности за убийство, предусмотренное ст. 106 УК РФ, и не всегда устанавливают и указывают в приговорах все конструктивные признаки состава преступления, необходимые для квалификации по данной статье уголовного закона.

Так, К., будучи в состоянии беременности, почувствовав, что у нее начинаются роды, вошла в помещение уличного туалета и, находясь там, самостоятельно родила естественным путем доношенного, жизнеспособного ребенка женского пола на 37-38 неделе внутриутробного развития. Сразу же после родов с целью убийства своего новорожденного ребенка она отделила механическим путем пуповину от ребенка, сбросила его в сливную яму туалета, наполненную жидкими отходами. Смерть младенца наступила от асфиксии, развившейся в результате попадания в дыхательные органы жидкости, содержащей различный мусор (чешуйки плоского эпителия, десквамированные клетки, волокна и другие неопознанные частицы).

Действия К. судом были квалифицированы по ст. 106 УК РФ, как убийство матерью новорожденного ребенка сразу же после родов в условиях психотравмирующей ситуации<sup>2</sup>.

Из диспозиции ст. 106 УК РФ видно, что для квалификации по данной статье УК достаточно того, что мать («специальный субъект») совершила убийство новорожденного ребенка («специальный потерпевший») «сразу же после родов» (время и «особая психотравмирующая обстановка» ближайшего послеродового периода), и не требуется, как в более поздний период «новорожденности», установления любой иной «психотравмирующей ситуации» или «состояния психического расстройства, не исключającego вменяемости». Однако суд дополнил в приговоре законодателя,

---

<sup>1</sup> Лунева А.В. Указ. соч. С. 67.

<sup>2</sup> Приговор Бузулукского районного суда Оренбургской области от 17 июня 2013 г. по делу К.

поскольку по делу было установлено, что, наряду с психотравмирующей ситуацией, вызванной родами в сложных условиях их протекания и завершения, еще до родов сложилась и продолжала существовать после родов «психотравмирующая ситуация», связанная с тяжелым материальным положением виновной, наличием на ее иждивении двух малолетних детей, с необоснованным предположением мужа о ее «супружеской неверности», которая, как признал суд, «повлияла на мотивацию и выбор цели преступления». К сожалению, по делу не проводилась судебно-психологическая или психолого-психиатрическая экспертиза и даже не ставилась задача выяснить фактическое состояние психики роженицы в момент совершения преступления с целью установления наличия или отсутствия у нее «состояния психического расстройства, ограничивающего вменяемость», вызванного родами и стечением тяжелых жизненных обстоятельств, что могло бы рассматриваться судом, как основание смягчения ответственности за содеянное, характеризующим этот вид «привилегированного» убийства.

В судебной практике по делам этой категории редко проводится судебно-психологическая или, тем более, комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, а если и проводится, то чаще для того, чтобы установить состояние вменяемости или невменяемости виновной в момент совершения преступления, а не для установления состояния психического расстройства, ограничивающего ее вменяемость и существенно повлиявшего на мотивацию преступного поведения и формирование умысла на убийство младенца.

Ф. была осуждена по ст. 106 УК РФ за то, что она, будучи матерью новорожденного ребенка, сразу же после родов, убила его при следующих обстоятельствах. Ф., находясь во дворе своего дома, родила ребенка женского пола, после чего с целью причинения ему смерти нанесла новорожденной девочке множество сильных ударов руками по голове и телу, а также силой раздвигала ноги младенца, в результате причинила ему закрытую черепно-мозговую травму, травму в области правого глаза и в правой надбровной области, несколько сливающихся кровоизлияний в мягкие ткани теменной области головы, телесные повреждения в виде линейного перелома (трещины) правой теменной кости с поднадкостничным кровоизлиянием (гематомой) в его проекции, линейного перелома (трещины) основания черепа и области правой передней черепной ямки, трех очагово-диффузных кровоизлияний под мягкие мозговые оболочки по выпуклой поверхности левой височной и теменной долей, внутренней поверхности правой теменной доли больших полушарий мозга и на левом полушарии мозжечка, закрытую травму грудной клетки и живота в виде поперечных переломов 4-10 ребер слева по околопозвоночной линии и 7-8 ребер по передней подмышечной линии слева с кровоизлияниями в окружающих мягких тканях и другие телесные повреждения. От полученных множественных телесных

повреждений ребенок скончался в процессе оказания ему квалифицированной медицинской помощи.

Из материалов дела видно, что рождение ребенка для Ф. было нежеланным, поскольку она была незамужней, имела на иждивении малолетнего ребенка, находилась в тяжелом материальном положении. Оказавшись в таких тяжелых жизненных обстоятельствах и боясь возможных осложнений личных отношений с родственниками в связи с рождением нового ребенка, Ф. еще до его рождения решила убить новорожденного.

Заключением комиссии экспертов-психиатров было установлено, что у Ф. обнаруживается легкая умственная отсталость (олигофрения в степени легкой дебильности), связанной с отягощённой наследственностью алкоголизма родителей и проявляющейся в трудностях обучения по программе общеобразовательной школы, в мышлении с конкретизацией, снижением абстрактно-логического уровня, в поверхностном и легковесном характере суждений, в малом запасе знаний и представлений в указанных особенностях психики, которые, по мнению экспертов, выражены не столь значительно, чтобы лишить ее способности при совершении инкриминируемого деяния в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Делая вывод о том, что у Ф. при совершении преступления «не обнаруживалось признаков какого-либо временного расстройства психики» и что убийство своего новорожденного ребенка она совершила, будучи вменяемой, эксперты не выяснили, а суд не потребовал от них, чтобы они оценили психотравмирующую ситуацию, связанную с родами, и сложившуюся у виновной еще до родов в результате стечения тяжелых жизненных обстоятельств, а также то, что у нее имеется хроническое расстройство в форме легкой умственной отсталости, и не ответили на вопрос: «Вызвали ли указанные обстоятельства объективного и субъективного порядка у виновной состояние «психического расстройства, не исключающего вменяемости». К сожалению, эксперты сделали вывод лишь о том, что у Ф. в момент совершения преступления не было «временного психического расстройства, в том числе патологического аффекта». А было ли в этот момент у Ф. «состояние физиологического аффекта» или иное «состояние психического расстройства, не исключающего, но существенно ограничивающего вменяемость», об этом в указанном заключении экспертов ничего не было сказано, и такой вопрос судом даже не затрагивался. Его выяснение в ходе судебного следствия было важно еще и потому, что убийство матерью своего новорожденного ребенка «сразу же после родов» было совершено с особой жестокостью, что могло быть свидетельством либо того, что виновная находилась в состоянии «физиологического аффекта» или иного «состояния психического расстройства, существенно ограничивающего вменяемость», либо в содеянном проявилась жестокость, как особо опасное

качество личности убийцы<sup>1</sup>. Второй вариант совершения такого убийства исключает возможность квалификации содеянного по ст. 106 УК РФ.

Рассматривая дела данной категории, суд при наличии психотравмирующей ситуации, способной вызвать психическое расстройство женщины-убийцы, возникшей в дородовой период и тем более дополняемой психотравмирующей ситуацией, вызванной родами, должен во всех без исключения случаях убийства матерью своего ребенка «во время или сразу же после родов» опираться на выводы судебных экспертов-психологов и психиатров, возможно, с участием специалистов в области медицины, при решении вопроса относительно фактического состояния психики лица в момент совершения преступления для установления наличия или отсутствия основания, исключающего уголовную ответственность (состояния невменяемости роженицы), или основания для смягчения ответственности (состояния неполной или ограниченной вменяемости виновной), позволяющего квалифицировать такое «детоубийство» по ст. 106 УК РФ. При этом в приговоре должен быть точно указан один из трех периодов времени совершения убийства, указанных в данной уголовно-правовой норме: «во время родов», «сразу после родов» и в более поздний послеродовой период. Специалисты в области гинекологии, акушерства, психологии, психиатрии и нейрофизиологии прямо указывают на различное психогенное влияние процесса родов на психику женщины, ближайшей послеродовой ситуации и «в ситуации новорожденности», когда помимо прошедших родов могут возникнуть иные условия психотравмирующей ситуации.

В судебной практике указанные положения нередко не соблюдаются, что можно установить при анализе некоторых приговоров по делам данной категории.

Ш. была осуждена по ст. 106 УК РФ за то, что она по окончании срока беременности, находясь в доме своих знакомых, почувствовала начало родовых схваток и с целью убийства своего новорожденного ребенка пошла в туалет, находящийся во дворе дома, где продолжила потуги, расположившись так, чтобы, родившись, ребенок выпал из родовых путей в выгребную яму и умер в результате утопления в жидких отходах. Она родила зрелого, доношенного, живородного ребенка, который после отделения от организма матери упал в выгребную яму туалета. Там он был обнаружен и доставлен другими людьми в родильное отделение больницы, где скончался в результате того, что не получил полной послеродовой помощи и что около 5 часов находился в холодной антисанитарной среде выгребной ямы туалета, то есть вследствие переохлаждения и отсутствия необходимой послеродовой помощи.

Определяя квалификацию содеянного Ш. по ст. 106 УК РФ, суд указал на убийство ею (матерью) новорожденного ребенка «во время родов и в условиях пси-

---

<sup>1</sup> Приговор Суздальского районного суда Владимирской области от 11 апреля 2013 г. по делу Ф.

хотравмирующей ситуации». Однако убийство, судя по материалам дела, было совершено «сразу же после родов» и действительно «новорожденного», а не нарождающегося (рождающегося) ребенка». Что же касается «психотравмирующей ситуации», то она возникла, как сказано в приговоре, еще до родов и была вызвана «продолжительным негативным и дискомфортным состоянием, сопровождающимся психической напряженностью в сфере семейно-бытовых отношений», когда Ш., «не желая обременять себя заботой о новорожденном ребенке, решила его убить».

Чтобы установить то, насколько сильным была эта психическая напряженность, как повлияли на психику женщины роды и факт рождения, по делу следовало бы провести соответствующую экспертизу. Однако в приговоре по этому делу лишь было сказано: «Сомнений в том, что во время совершения преступления Ш. осознавала фактический характер и общественную опасность своих действий и могла руководить ими, у суда не имеется». На каком основании суд пришел к такому выводу и почему у него не возникли «сомнения» о том, что Ш. убила своего новорожденного младенца не «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости» или в состоянии ограниченной вменяемости, качественно сужающей сферу сознания и возможности волепроявления человека, из приговора не видно<sup>1</sup>.

Кроме того, при полном осознании и полном волевом контроле своего преступного поведения и предумышленном характере совершенного Ш. убийства своего новорожденного ребенка, едва ли можно быть уверенным в правильности квалификации содеянного виновной по ст. 106 УК РФ.

Нередко в судебной практике встречаются случаи, когда убийству матерью новорожденного ребенка предшествует психотравмирующая ситуация в виде стечения тяжелых жизненных обстоятельств. В момент рождения ею ребенка, эта ситуация «накладывается» на другую психотравмирующую ситуацию, существенно усиливая психогенное влияние внешнего фактора на сознание и волю роженицы, вызывая мотивацию и решимость совершить убийство новорожденного. Суд должен учитывать при оценке содеянного и «условия психотравмирующей ситуации», и то «особое психическое состояние» виновной в момент совершения преступления, которое было вызвано психогенными условиями ситуации.

Ж. в ванной комнате собственной квартиры самостоятельно без медицинской и иной посторонней помощи родила ребенка женского пола. С целью убийства новорожденного она положила его в полиэтиленовый пакет, плотно его закрыла и спрятала под душевую ванну в ванной комнате, тем самым лишив младенца возможности дышать и жить. Через 4 суток Ж. почувствовала трупный запах, вытаскивала из тайника пакет с трупом новорожденного ребенка и выбросила его в мусоро-

---

<sup>1</sup> Приговор Труновского районного суда Ставропольского края от 7 сентября 2012 г. по делу Ш.

провод, находящийся в подъезде дома. Согласно заключению судебного медицинского эксперта, девочка родилась при беременности сроком около 36-40 недель и была живой.

Объясняя свой поступок, Ж. заявила на судебном заседании, что она не живет с мужем, одна воспитывает двух детей, одному из которых лишь два года. Испытывая материальные затруднения и боясь связанных с этим трудностей, стыдясь перед матерью и другими родственниками за рождение ребенка вне брака, она решила во время родов совершить убийство новорожденного младенца.

Квалифицируя содеянное Ж. по ст. 106 УК РФ, суд даже не затронул вопрос о влиянии психотравмирующей ситуации на психическое состояние виновной и на возникновение у нее умысла на убийство, указав лишь, что Ж. совершила «убийство своего новорожденного ребенка сразу же после родов»<sup>1</sup>.

При производстве уголовных дел данной категории специалисты, к сожалению, редко исследуют психическое состояние женщины-убийцы в момент совершения преступления. В лучшем случае в процессе расследования дела проводится судебно-психиатрическая экспертиза, которая не может в отсутствие психологов определить истинное состояние виновной в ситуации преступления, давая ответ лишь на вопрос о ее «вменяемости-невменяемости» на момент совершения деяния.

Е., находясь одна в своей комнате в доме своих родителей, родила мальчика, после чего укутала его в теплый свитер, положила в картонную коробку и вынесла в расположенный во дворе этого дома недостроенный и неотапливаемый дом, где и оставила. После этого она ни разу туда не входила. Спрятала в холодном помещении новорожденного ребенка она, по ее словам, потому, что хотела скрыть факт рождения ребенка от матери, которой впоследствии хотела сказать, что ребенка ей подбросили. Медицинская экспертиза показала, что смерть младенца наступила «вследствие механической обтурационной асфиксии от закрытия просвета дыхательных путей околоплодными водами, что привело к развитию тяжелой дыхательной недостаточности, явившейся непосредственной причиной его смерти».

В процессе предварительного и судебного следствия Е. показала, что совершила убийство новорожденного после родов, поскольку хотела скрыть этот факт от своей матери, боясь ее упреков и плохого отношения в связи с рождением ребенка вне брака. К тому же в момент совершения преступления, сразу же после родов, она, с ее слов, «не могла в тот момент достаточно хорошо соображать».

Из заключения судебно-психиатрической экспертизы видно, что Е. «на момент совершения деяния и в дальнейшем каким-либо психическим заболеванием не страдала и не страдает, что она могла и может осознавать общест-

---

<sup>1</sup> Приговор Кировского районного суда г. Уфы от 15 января 2007 г. по делу Ж.

венно-опасный характер своих действий и руководить ими, в принудительном лечении не нуждается»<sup>1</sup>.

Какие обстоятельства обусловили мотив к убийству новорожденного ребенка, в каком психическом состоянии находилась роженица сразу же после родов в момент совершения преступления, должна решать психологическая, а лучше комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза с участием врачей-медиков соответствующей специализации.

«Привилегированное» убийство, предусмотренное ст. 106 УК РФ, в том виде, как оно описывается в действующей редакции данной статьи, без указания на подлинные нравственно-психологические основания смягчения уголовной ответственности за объективно наиболее опасный вид преступления, более не должно оставаться в прежнем виде и требует изменений, которые, по нашему мнению, могут быть отражены в такой, например, редакции данной уголовно-правовой нормы.

«Статья 106. Умышленное посягательство матери на нарождающегося (рождающегося) ребенка или убийство ею новорожденного ребенка в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

1. Умышленное посягательство матери на жизнь нарождающегося (рождающегося) ребенка во время родов или убийство ею новорожденного ребенка непосредственно после родов, совершенное в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, вызванного родами, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в период 28 суток после родов в состоянии такого же психического расстройства, возникшего вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств или под влиянием психотравмирующей ситуации, связанной с родами и рождением ребенка, - ...

2. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное в отношении двух или более детей, - ...».

Смягчая ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, законодатель определил его как преступление средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ). Санкция ст. 106 УК РФ предусматривает в качестве альтернативных наказаний: ограничение свободы на срок от двух до четырех лет, принудительные работы на срок до пяти лет либо лишение свободы на тот же срок. При отсутствии четких нравственно-психологических оснований столь резкой, по сравнению со ст. 105 УК, ответственности за самый опасный в УК РФ вид преступлений создается возможность для:

---

<sup>1</sup> Приговор Пролетарского районного суда г. Ростов-на-Дону от 6 сентября 2012 г. по делу Е-ян.

1) назначения виновной наказания, в первую очередь, не связанного с лишением свободы, поскольку «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания» (ч. 1 ст. 60 УК РФ);

2) освобождения ее от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ), например, при покушении на такое убийство;

3) неоправданно широкого судебного усмотрения при назначении наказания за данное преступление.

Из-за отсутствия квалифицированного вида убийства матерью новорожденного ребенка, сопровождающегося умышленным лишением жизни двух или более новорожденных детей, совершенном при тех же смягчающих ответственность обстоятельствах, сужаются также возможности для назначения справедливого наказания за такое повышено-опасное, по существу «двойное» или иное «множественное» убийство в рамках санкции одной части ст. 106 УК РФ. Решение этого вопроса имеет два варианта: определить предел лишения свободы за основной состав убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 106 УК РФ, в три года и установить за его квалифицированный вид: «убийство матерью двух или более новорожденных детей» в части второй данной статьи наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет либо увеличить срок лишения свободы за указанный квалифицированный вид «детоубийства» до семи лет.

То, что достижение целей наказания, назначаемого за убийство матерью новорожденного ребенка, совершаемое в отношении беспомощного младенца, матерью, которая должна в первую очередь оберегать ребенка, бороться за его жизнь, как она боролась тогда, когда носила его под сердцем, нередко по заранее задуманному умыслу, как показывает судебная практика, в условиях, не свидетельствующих об особом психическом состоянии виновной, сужающем сферу ее сознания в момент убийства, законодатель связывает с такими наказаниями, как ограничение свободы и принудительные работы, вызывает недоумение и несогласие. Было бы более логично поддержать В.Ю. Касторнову, которая предлагает установить в санкции ст. 106 УК РФ в качестве единого вида наказания – лишение свободы сроком на пять лет<sup>1</sup>.

Анализ материалов судебной практики по делам исследуемой категории показывает, что:

1. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 106 УК РФ, рассматриваются, как правило, в порядке особого судопроизводства, поэтому

---

<sup>1</sup> Касторнова В.Ю. Указ. соч. С. 7 – 8.



наказание лицам, осужденным за совершение этого «привилегированного» убийства, назначается преимущественно в порядке, предусмотренном главами 40 и 40.1 УПК РФ, и по правилам, указанным в частях второй и пятой статьи 62 УК РФ. По данным проведенного нами анализа, 150 приговоров, вынесенных судьями по делам данной категории, особый порядок судопроизводства применялся в 80,6% случаев. При этом не всегда, к сожалению, суд назначил виновной наказание с учетом требований ч. 5 ст. 62 УК РФ, то есть определял такой срок или размер наказания, который превышал половину максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией ст. 106 УК РФ.

Так, С. признана виновной в убийстве своего новорожденного ребенка сразу же после родов и приговорена к трем годам лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда, рассмотрев апелляционное представление государственного обвинителя, просившего изменить приговор в связи с неправильным применением уголовного закона при назначении наказания С. и снизить ей наказание, в своем определении указала: приговор в отношении С. изменить, назначенное ей наказание снизить до двух лет и двух месяцев лишения свободы с учетом положения ч. 5 и ч. 2 ст. 62 УК РФ.

2. При назначении наказания убийце своего новорожденного ребенка во всех случаях суд учитывал характер и степень общественной опасности преступления, которое законодатель относит к преступлениям средней тяжести (ч. 3 ст. 15 и ст. 106 УК РФ), смягчающие наказание обстоятельства, позитивные особенности личности подсудимой, влияние назначенного наказания на исправление осужденной и на условия жизни ее семьи.

3. Даже при отсутствии, как правило, отягчающих обстоятельств преступления виновная осуждалась к лишению свободы (в 93% случаев) на срок от одного года до двух с половиной лет, в большинстве (60% случаев) – к реальному отбыванию наказания в колонии-поселении, а в 33,3% случаев – с применением ст. 73 УК РФ, то есть к условному осуждению. Лишь в 6,7% случаев за убийство новорожденного ребенка матери назначалось ограничение свободы. При этом относительная справедливость и обоснованность назначения более строгого наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление (ч. 1 ст. 60 УК РФ), но в небольших пределах, не вызывает сомнений, поскольку оно назначалось чаще всего с учетом совокупности смягчающих обстоятельств, данных, положительно характеризующих личность виновной, отсутствия отягчающих обстоятельств, а также «особой опасности» умышленного посягательства на жизнь новорожденного человека. Преоблада-

ние в судебной практике наказания в виде лишения свободы, когда, по смыслу закона, этот вид наказания назначается только в случае, если ограничение свободы и принудительные работы «не смогут», по мнению суда, «обеспечить достижение целей наказания» (ч. 1 ст. 60 УК РФ), очевидно, свидетельствует о том, что правоприменитель считает более целесообразным определение в санкции ст. 106 УК РФ наказания лишь в виде лишения свободы.

4. Среди смягчающих обстоятельств (чаще при отсутствии отягчающих обстоятельств) судами при назначении наказания матери за убийство новорожденного ребенка учитывались: полное признание вины и чистосердечное раскаяние – в 53,3% случаев, активное способствование раскрытию и расследованию преступления – в 40% случаев, явка с повинной – в 20% случаев, наличие на иждивении одного – в 26,6% случаев, двух – в 40% случаев или более малолетних или несовершеннолетних детей – в 6,7% случаев, всего наличие малолетних несовершеннолетних детей, помимо новорожденного ребенка – в 73,3% случаев, совершение преступления вследствие материальных и иных семейных затруднений – в 26,6% случаев, отсутствие судимости – в 40% случаев или совершение преступления впервые – в 33,3% случаев, положительная или удовлетворительная характеристика подсудимой – в 73,3% случаев.

Отмечая в приговоре наличие у подсудимой на иждивении малолетних или несовершеннолетних детей, а в иных случаях и отсутствие отца новорожденного ребенка или то обстоятельство, что после родов роженица испытывала стыд за рождение ребенка вне брака, материальные или иные затруднения при содержании и воспитании имеющих у нее детей, развитие в связи с родами конфликтной ситуации в доме виновной, ссор с близкими и т.п., суд вместе с тем не учитывал при назначении ей наказания такое обстоятельство, как совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ)<sup>1</sup>.

Указывая на такое смягчающее обстоятельство, как «совершение преступления впервые» или «отсутствие судимости» у виновной, суд лишь изредка называл такое предусмотренное законом смягчающее обстоятельство, как «совершение впервые преступления средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств»<sup>2</sup> (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Некоторые смягчающие обстоятельства (например «молодой возраст» подсудимой, то, что она не состоит на учете в наркологическом и психиатрическом диспансере, что «к административной ответственности ранее не при-

---

<sup>1</sup> Приговор Октябрьского районного суда г. Кирова от 8 июня 2012 г. по делу М.

<sup>2</sup> Приговор Бузулукского районного суда Оренбургской области от 17 июня 2013 г. по делу К.

влекалась»<sup>1</sup>, не работает, по месту жительства длительное время не жила, у нее отсутствует инвалидность и хроническое заболевание и т.п.) не иначе, как экзотическими не назовешь. Правомерность их учета в качестве смягчающих наказание обстоятельств вызывает сомнение.

При характеристике личности виновной в приговорах используется разнообразная оценка имеющихся о ней данных. При этом ее характеристика обозначается то как «положительная», то как «исключительно положительная», то как «удовлетворительная». В чем проявляется «положительный», «в целом положительный», «исключительно положительный», «удовлетворительный» или, наоборот, «отрицательный» характер личности виновной, как он связан с совершенным убийством и с возможностями достижения целей наказания, об этом в приговорах ничего не сказано.

В 6,6% случаев суд учел в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, то, что ранее подсудимая была лишена родительских прав<sup>2</sup>. Это обстоятельство, несомненно, свидетельствует, о «прохладном» отношении женщины к своим детям и о способности ее пренебречь их законными интересами, не особенно задумываясь о последствиях своих действий.

В некоторых случаях молодая женщина убивает своего новорожденного ребенка с особой жестокостью, и это обстоятельство не находит должной оценки суда ни при квалификации совершенного преступления, ни при назначении наказания<sup>3</sup>. Насилие в большей степени, чем что-нибудь иное, казалось бы, противоречит самой сути женщины, особенно молодой. Однако исследователи отмечают, что насильственные преступления молодых преступниц стали отличаться невероятной жестокостью, исключительной дерзостью и цинизмом, что свидетельствует о глубокой их нравственной деградации<sup>4</sup>.

Нечто подобное проявляется и при совершении убийства матерью новорожденного ребенка. В таких случаях суд должен установить: является ли особая жестокость в преступлении проявлением эгоизма, бездумия, цинизма, глубокой безнравственности и исключительной жестокости, как неких отрицательных свойств личности преступницы или мы имеем дело с аффективным состоянием, вызванным родами или иной психотравмирующей обстановкой,

---

<sup>1</sup> Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска от 27 февраля 2013 г. по делу А.

<sup>2</sup> Приговор Труновского районного суда Ставропольского края от 7 сентября 2012 г. по делу Ш.

<sup>3</sup> Приговор Суздальского районного суда Владимирской области от 11 апреля 2013 г. по делу Ф.

<sup>4</sup> Ахмедханова С.Т. Преступления против жизни и здоровья, совершаемые женщинами в семье, и проблемы их профилактики // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 90 – 91.

которая проявляется в ее поведении. Лишь в последнем случае можно квалифицировать содеянное по ст. 106 УК РФ и назначать наказание в рамках санкции данной статьи УК РФ.

Несправедливость и нецелесообразность наказания, назначаемого за убийство матерью новорожденного ребенка, связаны прежде всего с неправильной квалификацией этого вида убийства, когда правоприменитель воспринимает его лишь как формальную совокупность внешних признаков, характеризующих специальный субъект, потерпевшего от преступления, время и обстановку преступления, оторванную от особого психического состояния женщины-роженицы, вызванного родами либо иной психотравмирующей ситуацией. При этом нарушается единый взгляд на данное преступление как на некую систему признаков, которая является основанием для смягчения ответственности за убийство – наиболее опасного в УК РФ вида преступления.

**ГЛАВА III.**  
**ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО,**  
**СОВЕРШЕННОЕ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА**  
**(СТАТЬЯ 107 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА**  
**РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

**3.1. Вопросы исторического становления и развития института убийства в состоянии аффекта, конструктивные признаки и особенности состава преступления, предусмотренного статьей 107 Уголовного кодекса Российской Федерации**

---

Норма об ответственности за убийство, предусмотренное ст. 107 УК РФ, имела свою историю возникновения и развития, прежде чем она была сформулирована законодателем в настоящей редакции, которая также далека от совершенства и, по нашему мнению, претерпит изменения, учитывающие новый уровень знаний в области психологии, психофизиологии, этики и юриспруденции.

В ст. 19 Русской Правды (Пространная редакция, Троицкий список) за убийство «огнищанина в обиду» виновный наказывался тем, что был обязан за это платить 80 гривен семье потерпевшего и 80 гривен в княжескую казну. Более строгие виды наказаний за убийство обиженным своего обидчика не указывались в этом памятнике права Древней Руси<sup>1</sup>.

Прообраз действующей нормы, предусмотренной ст. 107 УК РФ, был впервые сформулирован законодателем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

В соответствии со ст. 1455 Уложения о наказаниях, убийство «хотя и не случайно, но в запальчивости или раздражении, и особенно когда раздражение было вызвано насильственными действиями или тяжким оскорблением со стороны убитого», – наказывалось либо лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжные работы на время от 8 до 12 лет, либо от 4 до 8 лет, или же лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылкой в Сибирь на поселение. В случае, когда потерпевшими являлись жена, муж, сын, дочь либо другой родственник по восходящей или нисходящей линии, суд имел право применить более строгое наказание, в виде лишения всех прав состояния и каторжными работами пожизненно.

В Уголовном уложении 1903 г. (ст. 458) рассматриваемый вид убийства был сконструирован следующим образом: в ч. 1 – задуманное и выполненное

---

<sup>1</sup> Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 48.

под влиянием сильного душевного волнения (каторжные работы на срок не свыше 8 лет); в ч. 2 – совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего (наказывалось заключением в тюрьме на срок до одного года).

По словам Б.В. Сидорова, «не состояние аффекта, а склонность к аффектам, привычка раздражаться по пустякам, ставшая чертой характера, как свидетельство эмоциональной и нравственной распущенности, повышенного себялюбия и бесплодных самомнений, в сочетании с другими качествами и особенностями, отрицательно характеризующими личность виновного, могут свидетельствовать о повышенной опасности личности преступника и сказаться на мере его ответственности и наказания»<sup>1</sup>.

Ст. 144 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. устанавливала пониженную ответственность за умышленное убийство, совершенное под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

В ст. 138 УК РСФСР 1926 г. без изменений оставлены формулировки умышленного убийства в состоянии сильного душевного волнения, указанные в ст. 144 УК РСФСР 1922 г., за исключением повышения сроков наказания до 5 лет лишения свободы.

В УК РСФСР 1960 г. была установлена ответственность за убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, тяжким оскорблением, а равно иными противозаконными действиями потерпевшего, если они повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких.

Наиболее приемлемым критерием оценки непосредственного повода, вызывающего аффект виновного лица, по данной уголовно-правовой норме может служить «степень безнравственности или неправомерности провокационных действий потерпевшего с учетом других обстоятельств конкретного случая, в том числе и вреда, который причинен этими действиями»<sup>2</sup>.

В основе конструкции убийства, предусмотренного ст. 107 УК РФ, заложен такой системный признак, который в теории уголовного права именуется «оправданным аффектом». Этот конструктивный признак позволяет отнести данный вид убийства к «привилегированным» его видам и к категории преступлений средней тяжести. Конструкция «оправданного аффекта» в ст. 107 УК РФ уникальна, что позволяет отграничить убийство в состоянии аффекта от других видов убийств.

---

<sup>1</sup> Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань, 1978. С. 39.

<sup>2</sup> Там же. С. 68.

«Оправданный аффект» означает, что лицо, совершившее убийство, в момент его совершения находилось в состоянии физиологического аффекта, то есть психического расстройства, которое максимально ослабляет сознательно-волевой контроль за своим поведением, но не исключает вменяемости, вызванной «извинительными» с позиции нравственно-правовой и психологической оценки обстоятельствами. Такими обстоятельствами являются провокационные действия потерпевшего: его противоправное или аморальное поведение (насилие, издевательство, тяжкое оскорбление и др., совершаемые однократно или систематически).

Законодатель определяет это состояние психического расстройства как «аффект» и как «внезапно возникшее сильное душевное волнение».

Вместе с тем, законодатель, а вслед за ним и правоприменитель должны использовать более точное определение психологов – «физиологический аффект», смягчающий вину и ответственность за убийство по ст. 107 УК РФ. Понятие «состояние физиологического аффекта» должно быть указано в диспозиции ст. 107 УК РФ, что позволило бы требовать проведения судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы лица, привлекаемого к уголовной ответственности по указанной статье УК РФ.

Исходя из вышеизложенного, нельзя согласиться с толкованием «сильного душевного волнения», как понятия, адекватного понятию «физиологический аффект»<sup>1</sup>. Такое доктринальное разъяснение ст. 107 УК РФ дезориентирует следственную и судебную практику, нивелирует мнение экспертов-психологов и психиатров.

Аффект, возникший в условиях виктимного поведения провоцирующего, существенно влияет на сознание и поведение лица, совершающего убийство в таком состоянии. Причем, «характер такого влияния определяется как самой ситуацией, так и особенностями личности и ее мотивацией и т.д.»<sup>2</sup>. Наиболее интенсивная психическая напряженность возникает в ситуациях, которые относятся «к значительным событиям для жизни человека»<sup>3</sup>.

При расследовании или рассмотрении в суде дел данной категории важно учитывать мнение психологов о том, что в психотравмирующей ситуации «действие человека может выступать перед нами двояко: своими объективными, предметными последствиями – как нечто совпадающее или идущее вразрез с нашими ценностями и практическими интересами, и своим личным смы-

---

<sup>1</sup> Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., «Норма», 2001. С. 43; Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. М., Статут. С. 45 и др.

<sup>2</sup> Наенко Н.И. Психология. М., 1956. С. 8 – 9.

<sup>3</sup> Указ. соч. С. 10.

словым содержанием – как сигнал об эмоциональном отношении к нам этого человека»<sup>1</sup>.

В редакции ст. 107 УК РФ указывается на такие сильные внешние эмоциональные возбудители, как насилие, издевательство и тяжкое оскорбление.

Судебно-психологическая или комплексная психолого-психиатрическая экспертизы призваны помочь суду ответить на такие непростые вопросы: находился ли виновный в момент убийства в состоянии физиологического или патологического аффекта, насколько это психическое состояние оправдано и справедливо с позиции морали и права, насколько его возникновение обосновано с позиции достаточности провоцирующего воздействия поведения потерпевшего, как внешней причины и эмоционально «заряженного» сигнала, вызывающего аффект.

Важно также знать, что повторение провоцирующего поведения, тем более система провокационных действий потерпевшего, сопровождается «прогрессирующим накоплением ответных переживаний в памяти мозга» будущего убийцы, способно вызвать у него «неожиданные эмоциональные «вспышки» между ними»<sup>2</sup>. Это объясняется тем, что «в процессе отражения предметов действительности актуально переживаемыми эмоциями в памяти мозга человека сохраняются «аффективные следы» с помощью «функции синтеза», «увеличивают вероятность воспроизведения этого содержания в будущем и связанную с нею эмоциональную нагрузку»<sup>3</sup>. Оставшееся в «следах памяти» аффективное переживание отличается «сильной тенденцией к развитию, к порождению реальных побуждений «отплатить» предмету (ненависти, гнева, тоски, ревности и т.п.)... протестом, иронией, угрозой, агрессивными действиями – за неудовольствие, полученное от него»<sup>4</sup>. При этом даже «одно слово, услышанное таким человеком, способно вновь воспроизвести пережитый ранее сильный аффект при условии, если оно обозначает некоторую, возможно, случайную деталь родоначальной аффективной ситуации или каким-то другим способом напоминает об этом аффекте»<sup>5</sup>. Таким образом, сознанием овладевает не стимул-причина, а собственно предмет аффекта, отсутствующий в личной ситуации»<sup>6</sup>.

Накапливающийся в психике виновного под влиянием систематического противоправного или аморального поведения потерпевшего «кумулятивный аффект» может быть вызван (воспроизведен) неожиданно, и в этом смысле

---

<sup>1</sup> Вилюнас В.К. Указ. соч. С. 67-68.

<sup>2</sup> Там же. С. 68.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Вилюнас В.К. Указ. соч. С. 65.

<sup>5</sup> Вилюнас В.К. Указ. соч. С. 58.

<sup>6</sup> Там же.



«внезапно» выглядит как непосредственная реакция на слово, решение или поступок, до этого не вызывавшие в длительной психотравмирующей ситуации аффективной реакции у виновного, как-то или чем-то напоминающие «предмет аффекта», даже отсутствующий в данной ситуации. При этом он способен развиваться в желании совершить ответные агрессивные действия, неадекватные данной «стимул-причине». Однако этому всегда предшествует слово, активное действие или обидное бездействие, напоминающее «предмет аффекта», запечатленный «в следах памяти». Отмеченное положение определяют не только психологи, но и законодатель, указывая в диспозиции ст. 107 УК РФ на психогенное поведение потерпевшего, создающее длительную психотравмирующую ситуацию, в которой накапливаемая в «памяти мозга» эмоциональная нагрузка взрывает психику, мутит сознание и подталкивает человека к убийству.

«Неблагоприятные условия, – указывает О.И. Ольшевская, – особенно если они принимают длительный, затяжной характер, либо следующие один за другим обстоятельства, вызывающие отрицательные эмоции, способны вывести из строя любую, до этого вполне здоровую нервную систему, в том числе принадлежащую к сильному типу»<sup>1</sup>.

Между нанесенной обидой и аффектом, возникающим у несправедливо обиженного лица, должна быть установлена непосредственная связь. Именно противоправное или аморальное поведение потерпевшего служит тем внешним толчком, который «внезапно» вызывает у виновного аффект, стремительно достигающий аффективного состояния, стимулирующего мотивацию и умысел на убийство «provocator» аффекта и совершаемого в этом состоянии преступления.

Речь может идти о «внезапно возникшем» аффекте только когда он проявляется как «взрыв» негативных эмоций (гнева, ярости, отчаяния и т.п.) непосредственно вслед за конкретным противоправным или аморальным действием (бездействием) потерпевшего.

Если с момента провокационного поведения последнего прошло время, позволяющее психике виновного успокоиться, то в данном случае убийство квалифицируется в зависимости от наличия или отсутствия отягчающих ответственность обстоятельств, как квалифицированное или «простое» убийство. Поведение потерпевшего, которое стало поводом для совершения преступления, должно быть признано обстоятельством, смягчающим наказание виновного.

---

<sup>1</sup> Ольшевская О.И. Роль и значение эмоций. Минск. 1968. С. 71.

По приговору суда К. был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ за то, что, узнав от своей сестры об изнасиловании ее братьями А., из мести совершил их убийство. Они были убиты К. по истечении двух часов после изнасилования. После противоправных действий братьев А. и сообщения сестры К. об изнасиловании прошло достаточно времени, чтобы возникшее внезапно у осужденного состояние аффекта перешло в более устойчивую и контролируруемую его сознанием стадию – устойчивое душевное волнение, позволяющее ему обдумать решение, как отомстить обидчикам его сестры, в действиях которых были установлены признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 131 УК РФ. Однако суд не указал в качестве смягчающего наказание К. то, что «поводом для совершения К. преступления в отношении братьев А. явилось противоправное поведение потерпевших в отношении его сестры.

Признав квалификацию судом совершенного К. убийства правильной, Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил приговор и кассационное определение и «признал смягчающим наказание К. обстоятельством противоправное поведение потерпевших в отношении близкого родственника осужденного – его родной сестры и смягчил ему наказание за совершенное убийство»<sup>1</sup>.

«Оправданный аффект» как конструктивный системный признак состава убийства, предусмотренного ст. 107 УК РФ, существенно влияет на характеристику всех элементов и признаков убийства как основного состава этого вида преступлений («простого» убийства), образующего, по словам Т.А. Плаксиной<sup>2</sup>, «точку опоры, столь необходимую для самой процедуры сравнения» типовой степени общественной опасности различных видов убийства с отягчающими или смягчающими ответственность обстоятельствами. Степень вменения данного состава убийства зависит, прежде всего, от степени субъективной опасности этого преступления, которая, в свою очередь, складывается из степени осознания фактического характера и общественной опасности совершенного деяния и (или) способности лица осуществлять руководство своим поведением, которая в значительной мере определяется его психическим состоянием, существенно ограничивающим свободу его волевого поведения, а также теми обстоятельствами, которые лежат в основе такого ограничения и носят «извинительный» характер. Включенный в состав рассматриваемого убийства указанный конструктивный признак качественно изменяет ключевые элементы основного состава убийства в рамках конструкции ст. 107 УК РФ, придавая в целом убийству в состоянии «оправданного аффекта» некий морально и пси-

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 10. С. 25.

<sup>2</sup> Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006. С. 79.

хически обоснованный характер и сравнительно менее высокую степень общественной опасности содеянного.

Аффект, как отмечалось – это эмоция особо высокой интенсивности, носящая взрывной характер. Это кратковременная, неожиданно и в этом смысле внезапно возникающая и бурно протекающая эмоциональная реакция<sup>1</sup>, яркая кратковременная вспышка и чрезвычайно сильное и бурное переживание, которое навязывает «аварийные» способы поведения (бегство, оцепенение или агрессию), которое складывалось в процессе биологической эволюции человека<sup>2</sup>. Состояние аффекта «преследует» человека при мотивации, выборе варианта поведения, определении его направленности в психотравмирующей ситуации, вызвавшей у него это пограничное с вменяемостью состояние. Обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность, признается здесь не сам по себе физиологический аффект, а аффект «оправданный», вызванный «извинительными», с точки зрения морали, обстоятельствами конкретной ситуации.

Непосредственным объектом убийства «в аффекте» является жизнь человека живущего – от новорожденного ребенка до конца жизни человека в любом его возрасте. Особенность объекту «аффективного» убийства придает именно потерпевший, точнее его виктимно-провоцирующее и психогенное поведение.

Насилие, истязание, тяжкое оскорбление, иное противоправное или аморальное поведение, совершенное однократно создает кратковременную психотравмирующую ситуацию, внезапно вызывающую у виновного состояние «оправданного аффекта». Тот же результат имеет и систематическое противоправное или аморальное поведение, в результате которого возникает «длительная психотравмирующая ситуация», приводящая к «кумулятивному аффекту». В последних случаях систематическая провокация со стороны потерпевшего постепенно создает продолжительную психотравмирующую ситуацию, на фоне которой в «памяти мозга» виновного накапливается психическое напряжение, однако аффект вызывает лишь конкретное слово или действие из всей системы его противоправного или аморального поведения. Поэтому едва ли можно согласиться с А.Н. Поповым, по мнению которого достаточно было бы упомянуть в ст. 107 УК РФ или только о длительной психотравмирующей ситуации, или о систематическом противоправном аморальном поведении потерпевшего<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 1. М., 1970. С. 456.

<sup>2</sup> Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. М., 2007. С. 20.

<sup>3</sup> Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 134.

При характеристике объективной стороны законодатель указывает на психотравмирующую ситуацию, создаваемую однократным или систематическим провоцирующим и психогенным поведением потерпевшего. Действия (бездействие) виновного носят явно неадекватный характер, как правило, несвойственный его личности. Однако даже в момент самой сильной эмоциональной «вспышки» человек, находящийся под влиянием аффекта, может «взять себя в руки»<sup>1</sup>.

Описывая физиологические признаки аффекта, К. Ланге отмечал: у гневающегося резкое увеличение прилива крови к лицу, покраснение глаз, надувание и расширение вен, ослабление осязания и слуха, дрожь, бормотание и заикание и др.; у отчаявшегося – паралич группы произвольных мышц, появление умственной лени, вялости, побледнение кожных покровов и дрожь, вздохи и др.; у лица, испытывающего страх – паралич всех групп произвольных мышц, хрипение и обрывистость голоса, резкое расширение глаз, их неподвижность, выпученность и оцепенелость, внезапное и сильное побледнение кожи, которая покрывается потом и т.п.<sup>2</sup>.

Психологи и психиатры<sup>3</sup>, проводившие судебные психологические или комплексные психолого-психиатрические экспертизы по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 107 УК РФ, отмечают, что виновные в момент совершения убийства, как правило, находились в состоянии аффекта гнева, возникшего в ответ на провокационное поведение жертвы преступления. В отдельных случаях под влиянием изменяющихся элементов психотравмирующей ситуации преступления аффект отчаяния или страха трансформировался в аффект гнева, под влиянием которого возникали мотив и решение совершить убийство жертвы виктимно-провокационного поведения.

В гнев, переходящем в ярость, во всем организме человека происходят существенные изменения: «интеллектуальные отправления расстраиваются; чувствительность усиливается; идеи сосредотачиваются на одном пункте, и малейшее впечатление на органы чувств обуславливает сильнейшую экзальтацию. Мускулы с силой сокращаются и каждая в конвульсивном состоянии; их энергия удваивается. Речь быстра, слова не успевают выражать мысли, запинаятся, губы дрожат; сокращение сердца и пульсация уменьшаются; лицо краснеет; глаза блестят; к мозгу делается прилив крови; показывается слюноотечение; кожа покрывается потом; дыхание делается короче и чаще; лицо де-

---

<sup>1</sup> Иванов П.И. Психология. М., 1959. С. 276.

<sup>2</sup> Ланге К. Указ. соч. С. 9023.

<sup>3</sup> Если они не обладают достаточным знанием психофизиологии стресса, то желательно участие психофизиологов в составе экспертной группы.

ляется воспаленным; зрачки глаз то расширяются, то суживаются, белки наливаются кровью...»<sup>1</sup>. Возникают ощущения превосходства («инстинкт господства») и сильное желание «или самому быть уничтоженным или уничтожить другого»<sup>2</sup>. Одним словом, – «гнев – дурной советчик, в одинаковой степени сбивающий с толку и ум, и сердце»<sup>3</sup>.

Признаки, позволяющие провести опознание эмоциональных состояний «у разных людей проявляются по-разному, имея нечто общее». В гневе, достигающем степени ярости, возникает желание ударить обидчика, которое становится невыносимо сильным, «зубы оскаливаются» как бы от стремления укунить обидчика и т.п.<sup>4</sup>. Психологи пишут о том, что «существуют общие компоненты в выражении определенных эмоций»<sup>5</sup>. Аффекты вызывают сопровождающие их телесные явления, подают повод к их обнаружению<sup>6</sup>.

Психическая деятельность человека или субъективная сторона преступления в состоянии аффекта имеет свою специфику, которая отражает психическое состояние виновного, не способного полностью осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и полностью руководить ими, а также показывают особенности проявления сверхсильных эмоций в поведении аффектированного.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» сказано: «По смыслу закона убийство не должно расцениваться как совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных пп. «а», «г», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также при обстоятельствах, с которыми обычно связано представление об особой жестокости (в частности, множественность ранений, убийство в присутствии близких потерпевшему лиц), если оно совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения либо при превышении пределов необходимой обороны».

Полагаем, данная рекомендация высшей судебной инстанции страны далека от оптимальной, поскольку убийством «двух или более лиц» (п. «а» 105 УК РФ), «женщины, заведомо для виновного находящейся в беременном состоянии» (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ), и «совершенном общеопасным способом» (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), не должно ограничиваться указанием на квалификацию по ст. 107 УК РФ случаев убийства при некоторых других квалифици-

---

<sup>1</sup> Рибо Т. Указ. соч. С. 7 – 8.

<sup>2</sup> Там же. С. 11.

<sup>3</sup> Там же. С. 11, 13, 48.

<sup>4</sup> Дарвин Ч. Указ. соч. С. 142 – 144.

<sup>5</sup> Лабунская В.А. Указ. соч. С. 28.

<sup>6</sup> Ланге К. Указ. соч. С. 33.

рующих признаках, если оно совершается в состоянии «оправданного» аффекта. Сказанное, например, касается убийства «лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» или «совершенного группой лиц» в состоянии внезапно возникшего аффекта, вызванного противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Конечно, убийство, предусмотренное пп. «б», «е.1», «з», «и», «к», «а», «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ или убийство, «совершенное... группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», никак не может расцениваться как совершенное в состоянии «оправданного» аффекта, поскольку указанные виды квалифицированного убийства по своей психологической и нравственно-правовой природе противоречат, более того, противоположны всем видам «привилегированного» убийства.

Не характеристики способа совершения убийства или состояния жертвы преступления, а внезапность возникновения и аффективный характер умысла на убийство являются основными критериями относительно невысокой степени вины лица, совершающего убийство, предусмотренного ст. 107 УК РФ.

Следовательно, состояние физиологического аффекта, вызванное указанными в ст. 107 УК РФ извинительными обстоятельствами, – конструктивный признак этого специального состава убийства, отражающий особенности его субъективной стороны.

Для послеаффективного состояния (при аффекте гнева) человека характерно переживание облегчения и раскаяния, непомерная усталость и расслабленность, состояние оцепенения и отрешенности. Такое постаффективное поведение под влиянием аффектов страха или отчаяния может служить показателем «изживания» аффекта гнева, в котором лицо совершило убийство.

Мотив убийства в состоянии аффекта носит только извинительный характер, поскольку его возникновение обусловлено в основном специфическими («извинительными») обстоятельствами ситуации и состоянием аффекта, заметно снижающего долю осознанного в эмоционально заряженных побуждениях лица, действующего в этом состоянии.

В юридической науке распространено мнение, что доминирующим побуждением в аффективных убийствах является месть, а в некоторых случаях и ревность<sup>1</sup>. Однако не месть, а обида (чувство справедливой обиды) – сложное побуждение и переживание, которое связано с несправедливо причиненным виновному огорчением, душевной болью<sup>2</sup> лежит в основе мотивации его пове-

---

<sup>1</sup> Шавгулидзе Т.Г. Указ. соч. С. 74; Портнов И.П. Совершение преступлений в состоянии сильного душевного волнения (ст. 104, 110 УК РСФСР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 7; Чугунов А.А. Указ. соч. С. 21, Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С. 673.

<sup>2</sup> «Обида» есть «несправедливо причиненное огорчение, оскорбление, а также чувство, вызванное таким огорчением». (Словарь русского языка. / под ред. С.И. Ожегова. М., 1964. С. 414.

дения в состоянии «оправданного» аффекта. Судебная практика показывает, что лица, совершившие в этом состоянии убийство, как правило, ссылаются на «незаслуженную обиду» со стороны потерпевшего, а суд в приговоре, например, указывает, что мотивом преступления было «мщение за причиненное насилие со стороны потерпевшего»<sup>1</sup>.

Если месть (или ревность) стала доминирующей в психической деятельности виновного, превратившись в доминирующий мотив совершаемого убийства, содеянное в целом нельзя оценивать как менее опасный вид убийства, предусмотренного ст. 107 УК РФ. Мотив мести возникает из личных неприязненных отношений и служит показателем того, что интенсивность эмоций не достигла степени аффекта после обидной провокации потерпевшего или это состояние уже миновало (например, убийство после драки). Чувство мести, появившись, зреет как мотив преступного поведения с известной долей расчетливости, более обдуманно и с большей, чем в состоянии аффекта, возможностью осознания своего поведения, с большей долей волевого участия, пока не становится господствующим в психике виновного побуждением. Мечь – это «намеренное причинение зла»<sup>2</sup>. Как писал С.Л. Рубинштейн, месть как мотив поведения «формируется по мере того, как человек учитывает, оценивает, взвешивает обстоятельства, в которых он находится, и осознает цель, которая перед ним встает»<sup>3</sup>. Сказанное характеризует не только месть, но и такие мотивы убийства, как ревность, корысть и ряд других низменных побуждений. Мечь – низменное побуждение. Чаще она формируется на почве личных неприязненных отношений и нередко также под непосредственным влиянием какой-то личной обиды, не являющейся столь несправедливой и стрессогенной, как в ст. 107 УК РФ. В таких случаях убийство из мести, возникшее на почве личных неприязненных отношений, при отсутствии отягчающих ответственность обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В иных случаях, когда убийство совершается из мести в отношении лиц, добросовестно выполняющих свои служебные обязанности или общественный долг в связи с их общественно полезной деятельностью (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ) либо совершают убийство из кровной мести (п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ), такие мотивы мести рассматриваются как особо низменные побуждения, которые законодатель признает отягчающими ответственность обстоятельствами в составе убийства.

---

<sup>1</sup> Уголовное дело № 1-7-70 // Архив Лаишевского районного суда РТ за 1970 г.

<sup>2</sup> Словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова. С. 339.

<sup>3</sup> Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 564.

Наличие «личных неприязненных отношений» – это та почва, на которой обычно вызревает предумышленное убийство. После убийства и аффективной разрядки виновный, наоборот, страшно огорчен и подавлен тем, что он сделал; он потрясен и глубоко страдает; ему жалко человека, которого он лишил жизни; иногда он готов отдать многое, чтобы вернуть то время, когда он под влиянием «оправданного» аффекта сделал свой выбор, приведший к гибели другого человека; он не «злорадствует», не «торжествует» – он плачет, пытается спасти еще живого потерпевшего, сообщает о содеянном в полицию, впадает иной раз в глубокую тоску и отчаяние. Вместе с несправедливой обидой и чувством оскорбленного собственного достоинства, месть, которая в этом сложном побуждении, захваченном эмоциональным переживанием, сыграла свою негативную роль в решении лица совершить убийство, в связи со случившимся уходит, вытесняется из его психики чувствами жалости, невосполнимой утраты и большой беды.

Глубоко ошибочно, на наш взгляд, обосновывать квалификацию убийства по ст. 107 УК РФ, указывая в приговоре, наряду с непосредственным поводом, вызвавшим «оправданный» аффект, и то, что он возник «на почве личных неприязненных отношений».

Так, в приговоре по делу А., осужденного по ч. 1 ст. 107 УК РФ, было, в частности, указано, что «в результате противоправных действий М. у А. возникло состояние сильного душевного волнения, находясь в котором, у него внезапно возник умысел на убийство М. Реализуя свой умысел на причинение смерти М., А. на почве личных неприязненных отношений к М., будучи в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), вызванного противоправным и аморальным поведением потерпевшего, сопровождавшимся угрозами применения насилия и оскорблениями, в ходе ссоры и завязавшейся борьбы выбил у М. нож, которым он угрожал ему расправой, и нанес М. 27 ударов в различные части его тела и головы неустановленным следствием тяжелым предметом, затем подобрал с пола кухонный нож и нанес потерпевшему ножевое ранение в грудь. После этого А. взял нож-тесак и нанес им еще 6 ударов по голове М, схватил топор-колун и ударил им по голове потерпевшего. От полученных телесных повреждений, несовместимых с жизнью, М. скончался на месте происшествия»<sup>1</sup>.

Во время противоправного и аморального поведения М. в условиях психотравмирующей ситуации у А. внезапно возникли аффект, а затем и умысел

---

<sup>1</sup> Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ по делу А. от 18 января 2013 г. // Архив Железнодорожного районного суда Улан-Удэ за 2013 г.; уг. дело № 1-77/2013.



на убийство М., а не «личные неприязненные отношения», которые предполагают возникновение взаимной «недоброжелательности, недружелюбия»<sup>1</sup> между конкретными людьми в процессе их более или менее длительного общения, деловых или дружеских связей, контактов<sup>2</sup>, а не в одномоментной конфликтной ситуации, способной, согласно ст. 107 УК РФ, непосредственно вызвать не неприязнь, а гнев, ярость, страх, отчаяние или иное негативное аффективное состояние, в котором месть становится одним из побуждений, но не основным или доминирующим, включенным в систему чувств, мотивирующих человека принять решение о противоправной ответной реакции на незаслуженную обиду со стороны другого человека.

Иногда непосредственным поводом возникновения аффекта выступает супружеская измена при обстоятельствах, носящих особо оскорбительный и унижительный для человеческого достоинства другого супруга характер.

Чувство ревности, как особое душевное переживание, может предшествовать моменту непосредственного обнаружения факта измены и формирования мотива совершения преступления.

Примером изложенного может служить дело Х., совершившего покушение на убийство своей жены и ее любовника В. после того, как он взломал дверь в комнату, где заперлись любовники, и застал их в интимной обстановке в обнаженном виде. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала, что «покушение на убийство жены и В. подсудимый совершил не в обычной ссоре на почве ревности, а в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного поведением потерпевших, которым он был тяжело оскорблен»<sup>3</sup>.

Умысел на совершение убийства возникает в тот момент, когда человек (виновный) уже находится в состоянии аффекта. Как подчеркивал А.А. Пионтковский, именно состояние сильного душевного волнения должно вызвать решение совершить убийство<sup>4</sup>.

Лицо, находящееся в состоянии аффекта, осознает общественную опасность совершаемых им действий, прилагая волевое усилие для их совершения; лицо предвидит и желает причинить потерпевшему вред, в том числе уг-

---

<sup>1</sup> «Неприязнь» – «недоброжелательность, недружелюбие» // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 411.

<sup>2</sup> «Отношение» – «взаимная связь разных предметов, действий, явлений, касательно между кем-чем-нибудь; связь между кем-нибудь, возникающая при общении, контактах» // Там же. С. 475. Также: «общение» (Там же. С. 440) и «контакт» (Там же. С. 411).

<sup>3</sup> Архив Верховного Суда РСФСР за 1971 г.: уг. дело № 5-071-11, аналогичное – уг. дело № 5-071-92.

<sup>4</sup> Пионтковский А.А. Советское уголовное право. М., 1928. С. 240. Этим подчеркивается особая роль аффекта в мотивации и принятии решения совершить убийство.

рожающий его жизни, но этот вред не всегда и ясно представляется в его сознании.

По мнению Ю.А. Демидова, «неконкретизированный умысел предполагает предвидение общественно опасных последствий и желание их наступления, но в сознании виновного не конкретизировано, какому именно объекту или какой тяжести вред будет причинен его действием»<sup>1</sup>. Обвиняемый (подсудимый) нередко заявляет, что он «не задумывался, к каким последствиям приведут ножевые ранения», которые он наносил потерпевшему<sup>2</sup>, или говорит, что «не имел цели его убивать»<sup>3</sup> и т.п.

Иными словами, при совершении убийства в состоянии аффекта на первый план всегда выступают намерение и желание совершить действия, причиняющие или угрожающие причинением смерти потерпевшему, хотя сознание и воля лица в отношении причиняемого вреда не всегда конкретизированы. Таким образом, убийство в состоянии «оправданного» аффекта совершается: во-первых, только с прямым, преимущественно неопределенным умыслом; во-вторых, только с внезапным умыслом, возникшим неожиданно в данной психотравмирующей ситуации непосредственно вслед за противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего; в-третьих, не только внезапным, но аффективным умыслом, который возник и был реализован в состоянии «оправданного» аффекта и носит на себе отпечаток этого состояния.

Цель преступления не имеет однозначного значения для уголовной ответственности. О цели поведения психологи говорят при наличии волевого характера поведения и в случаях, если оно носит отпечаток импульсивного поведения, как это происходит в поведении человека в состоянии физиологического аффекта. Цель поведения является непосредственным продуктом потребности и может быть недостаточно осознанной, как бы «схваченной» сознанием. Это как раз касается такого «автоматизированного», во многом импульсивного поведения, каким является преступное поведение в состоянии аффекта. Сильный «взрыв эмоции» создает состояние чрезвычайного эмоционального (психического) напряжения, переживания и побуждения к разрядке, то есть вызывает потребность уменьшения этого едва терпимого напряжения и переживания. Аффект, вызванный такой потребностью, тормозит интеллектуальную деятельность лица и толкает его на совершение таких действий, которые бы удовлетворяли импульсы потребности ответить на провокационный вызов по-

---

<sup>1</sup> Демидов Ю.А. Умысел и его виды по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. С. 13.

<sup>2</sup> Архив Советского районного суда г. Казани за 1965 г.; уг. дело № 1-145.

<sup>3</sup> Архив Приволжского районного суда г. Казани за 1971 г.; уг. дело № 1-22.

терпевшего, восстановить «растоптанное» последним чувство собственного достоинства, отомстить за причиненную обиду и унижение, постоять за справедливость, как ее понимает обиженный. Именно в таких действиях виновного и происходит эмоциональная разрядка. Цель в таких случаях, как справедливо отмечает А.А. Чугунов, «возникает внезапно и отражается в сознании лишь фрагментарно и на мгновение... Возникает невероятное стремление лишить потерпевшего жизни. Но это лишь на мгновение, после чего все внимание перекладывается на действия, посредством которых достигается внезапно возникшая цель»<sup>1</sup>.

### **3.2. Особенности субъекта состава преступления, предусмотренного статьей 107 Уголовного кодекса Российской Федерации, его квалифицированные виды и вопросы назначения наказания**

---

Субъектом убийства в состоянии аффекта является физическое лицо, которое к моменту совершения преступления достигло 16-летнего возраста. Отсутствие данного признака означает отсутствие субъекта этого преступления, а следовательно, отсутствие состава данного преступления, как юридического основания уголовной ответственности. Лишь сам законодатель может исправить сложившуюся ситуацию, указав в ч. 2 ст. 20 УК РФ, наряду со ст. 105, также ст. 107 и, полагаем ст. 106, 108 УК РФ, как преступления, за совершение которых уголовная ответственность наступает с 14-летнего возраста.

Особенностью субъекта преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, является то, что лицо во время совершения этого преступления в силу кратковременного психического расстройства, которое наблюдается в состоянии физиологического аффекта, «не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими», то есть находилось, по сути дела, в состоянии «ограниченной (уменьшенной) вменяемости» (ст. 22 УК РФ).

По утверждению психологов «женщины становятся гораздо более легкой жертвой аффектов»<sup>2</sup>, преимущественно в «бытовых» конфликтных ситуациях, особенно в случаях семейных неурядиц.

С учетом особенностей протекания психических процессов, мотивации и принятия решения в состоянии физиологического аффекта, по данной категории уголовных дел необходимо проведение судебно-психологической, в ряде

---

<sup>1</sup> Чугунов А.А. Указ. соч. С.21. Ход этих мыслей автора доказывает то, что он был не прав, говоря о возможности совершения убийства в аффекте не только с прямым, но и с косвенным умыслом (Там же. С. 20.).

<sup>2</sup> Ланге К. Указ. соч. С. 52.

случаев комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Нельзя ограничиваться только судебно-психиатрической экспертизой, поскольку при физиологическом аффекте вменяемость не исключается, а лишь ограничивается. При обнаружении каких-либо отклонений в психике исследуемого или иного психического расстройства необходимо назначать комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу.

В случае когда виновный получил ранение или потерял кровь в момент совершения преступления, необходимо проведение ее биологической экспертизы. Наличие адреналина в крови будет являться показателем нахождения виновного в сильном стрессовом состоянии. Вместе с другими доказательствами, позволяющими диагностировать наличие аффекта у лица в момент совершения убийства, этот показатель может быть учтен специалистами при проведении психологической или психолого-психиатрической экспертизы.

Назначение психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы, а также правильная постановка вопросов перед экспертами обуславливает точную квалификацию содеянного, помогает раскрыть причины, вызвавшие аффект и побудившие виновного совершить преступление, установить вид аффекта, «оправданность» его возникновения противоправным или аморальным поведением потерпевшего и т.д. Без проведения такой экспертизы, глубокого исследования обстоятельств, характеризующих стрессогенную ситуацию, поведение в ней потерпевшего и виновного, их личностей и психологическое (эмоциональное) состояние виновного до, в момент совершения и непосредственно после совершения им убийства, квалифицировать содеянное по ст. 107 УК РФ недопустимо.

Понятие «оправданного» аффекта по ст. 107 УК РФ является центральным, определяющим содержание, характер и иные особенности субъективной стороны и субъекта преступления в целом, а также мотива, цели и умысла убийцы. Наиболее точное определение этого понятия позволяет лучше понять роль провоцирующего поведения потерпевшего, как источника возникновения у виновного аффективного состояния в сочетании с субъективными условиями эмоционального реагирования субъекта на психогенное воздействие внешней ситуации и провокацию будущей жертвы, а также значение особенностей личности виновного в развитии психической напряженности до состояния аффекта и возникновения умысла на совершение убийства в этом психическом состоянии. Установление аффекта в момент совершения виновным преступления и его «оправданности» имеет решающее значение по делам исследуемой категории.

Анализируя поведение виновного в состоянии аффекта, следует исходить из того, что:

1) аффективные действия, предшествующие аффекту, и сопровождающая эти действия психическая деятельность, происходящая в целом на уровне сознания, носят волевой характер, обнаруживая тенденцию к импульсивности и автоматизму;

2) в аффективном состоянии сфера сознания человека существенно сужается и ослабляется сознательно-волевой контроль за счет усиления эмоционально-бессознательного в психической деятельности аффектированного;

3) нарушение целостного восприятия объективной действительности в аффекте и аффективная реакция на стрессогенный раздражитель носит неадекватный ему характер, хотя не исключает свободы выбора и возможности поступать так, как это для него желательно в данный момент, сообразуясь с требованиями закона и морали;

4) аффективная реакция на внешний раздражитель носит у виновного личностный характер, и «пробелы сознания» в аффекте восполняются за счет отдельных, опосредованных сознанием в опыте бессознательных форм поведения, придавая в целом его сознательно-волевым действиям автоматизированный характер;

5) оценивая убийство, предусмотренное ст. 107 УК РФ, необходимо устанавливать по каждому такому уголовному делу наличие состояния физиологического аффекта, психологическую обоснованность его возникновения и моральную оправданность, то есть то, что оно в данном случае вызвано достаточно сильными и достаточно извинительными обстоятельствами (провокационным поведением потерпевшего).

При совершении убийства двух или более лиц, наличие или отсутствие «оправданного» аффекта имеет существенное значение для определения пределов уголовной ответственности и наказания виновного лица, так как этот признак квалифицированного убийства предусмотрен в ч. 2 ст. 107 УК РФ.

Потерпевшими от этого преступления могут быть только те лица, чье провокационное поведение явилось непосредственным поводом, вызвавшим аффективное состояние виновного и совершение им убийства. Поэтому в случаях «когда виновный в состоянии аффекта причиняет смерть не только обидчику, но и другим лицам (растекание повода), содеянное не может квалифицироваться по ч. 2 ст. 107 УК РФ, поскольку отсутствует такое основание для применения привилегированной нормы, как провоцирующее... по-

ведение потерпевших»<sup>1</sup>. Об этом же свидетельствует, например, решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу В., осужденного за убийство жены и сына. Оно указывает на необходимость установления судом аффекта как в случае убийства одного, так и в случае убийства другого потерпевшего, и того, был ли он вызван обоими потерпевшими<sup>2</sup>.

Наличие аффекта и объективно достаточного для его возникновения внешнего толчка со стороны каждого из потерпевших обязательно для органов предварительного следствия и суда.

«Аффективное» убийство одного человека и покушение в этом состоянии на жизнь другого (или других) не может рассматриваться как оконченное преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 107 УК РФ. Такое преступление следует квалифицировать как убийство в состоянии аффекта и покушение на такое убийство, то есть по ч. 1 ст. 107 и ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 107 УК РФ.

Дифференциация уголовной ответственности за убийство, совершенное в состоянии аффекта, путем выделения этого вида убийства в отдельный состав преступления со смягчающими ответственность обстоятельствами (ст. 107 УК РФ), а затем и путем выделения в нем квалифицированного вида данного убийства (ч. 2 ст. 107 УК РФ), предопределила законодательную индивидуализацию наказания за его совершение в санкциях частей первой и второй данной статьи УК.

Санкция ч. 1 ст. 107 УК РФ определяет наказание за основной вид «аффективного» убийства в виде исправительных работ на срок до двух лет, либо ограничение свободы на срок до трех лет, либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок. Судя по ч. 2 ст. 15 УК РФ, законодатель отнес данный вид «привилегированного» убийства к категории преступлений небольшой тяжести.

В санкции ч. 2 ст. 107 УК РФ указывается наказание в виде принудительных работ на срок до пяти лет либо лишения свободы на тот же срок. Этот вид убийства, совершенного в состоянии аффекта, законодатель рассматривает как преступление средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ).

Учитывая особую опасность любого убийства, наказание в виде исправительных работ, ограничения свободы и принудительных работ, указанное в санкции ч. 1 ст. 107 УК РФ, а также наказание в виде принудительных работ – в санкции ч. 2 ст. 107 УК РФ, как альтернатива лишению свободы, а если учесть положение ч. 1 ст. 60 УК РФ, рекомендуемое, в первую очередь, назна-

---

<sup>1</sup> Борзенков Г.Н. Указ. соч. С. 141.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ, 2002. № 9. С. 17.

чать менее строгие наказания, указанные в санкции статьи, едва ли можно признать справедливым в рамках его законодательной индивидуализации за данное преступление.

Сомнение вызывает вся конструкция ч. 1 ст. 60 УК РФ. В ней на первое место при назначении наказания ставится принцип справедливости: «Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание...», но затем этот принцип отступает на второй план, уступая место принципу гуманности, основным проявлением которого, по нашему мнению, является принцип экономии репрессии: «Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания».

Иными словами, речь идет здесь скорее о целесообразном, чем о заслуженном или справедливом наказании. Но ведь лицо наказывается за конкретное совершенное им преступление. Это совсем не значит, что наказание обращено только к прошлому. Скорее оно обращено к будущему, поскольку призвано воздействовать на его будущее поведение, научить его сделать правильный вывод из совершенного им деяния и полученного им воздаяния и преподать наглядный, но разумный урок другим осведомленным об этом гражданам. Такое влияние может оказать только заслуженное, то есть справедливое наказание. Справедливость это основание (фундамент) всей уголовной политики и уголовного законодательства, прежде всего при решении вопросов уголовной ответственности и наказания. Поэтому законодатель прав, указав в начале данной статьи об общих началах назначения наказания на то, что назначенное за совершенное преступление наказание должно быть справедливым, но затем следующим предложением нейтрализовал этот принципиальный посыл. Если убрать фундамент справедливости, которая должна лежать в основе нравственных законов, то весь каркас здания уголовного законодательства и правоприменительной деятельности непременно даст трещины и приведет к разрушению всего «здания» правосудия. Эффективно только справедливое законодательство, в рамках которого назначается справедливое (заслуженное) наказание. Правоприменитель должен действовать только по закону и совести там, где закон молчит. Целесообразность должна быть дополнением принципиальной справедливости. Там, где целесообразность «перебегает дорогу» справедливости, нередко прячутся произвол, судебные ошибки, неверный прогноз будущего поведения или коррупционная составляющая. К тому же правосудие (правый, справедливый суд, заслуженное наказание и т.п.) не может быть несправедливым. В этом его суть.

Следует согласиться с Ю.А. Васильевым, по мнению которого «принципы распространяются на все нормы, регулирующие уголовно-правовые отношения, в том числе связанные с назначением наказания, тогда как общие начала отражают лишь те из них, которые наиболее тесно связаны с процессом определения меры ответственности за совершение конкретного преступления. Общие начала назначения наказания выражают принципы уголовного закона узкоспециализированной части регулируемых отношений»<sup>1</sup>.

При назначении наказания за убийство, совершенное в состоянии аффекта, следует руководствоваться основополагающим принципом справедливости, и вытекающими из него принципами дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, а также связанными с этим «надпринципом» принципами законности, равенства граждан перед законом и вины, предусмотренными ст. 3-5 УК РФ, учитывая при этом интересы не только потерпевшего, но и виновного, а также интересы безопасности любого человека в обществе, то есть быть не только справедливым, но и гуманным, по возможности экономным в применении репрессивных мер к виновным в рамках справедливой целесообразности. Необходимо правильно и единообразно применять нормы, регламентирующие назначение уголовного наказания, а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»<sup>2</sup>, дополненное постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г.

Назначая наказание за убийство в состоянии «оправданного» аффекта, суд должен также учитывать, в первую очередь, характер и общественную опасность любого убийства, а также то, что это преступление относится к преступлениям небольшой (ч. 1 ст. 107 УК РФ – ч. 2 ст. 15 УК РФ) и средней тяжести (ч. 2 ст. 107 УК РФ – ч. 3 ст. 5 УК РФ), а в рамках санкций ч. 1 и ч. 2 ст. 107 УК РФ надо также учитывать степень вины и степень общественной и опасности деяния и лица, его совершившего.

При рассмотрении уголовных дел этой категории следует также руководствоваться постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», которое требует от судов наряду с установлением цели и способа совершения убийства определять форму вины, выяснять мотив, послуживший субъективной причиной его совершения, исследовать иные обстоятельства, имеющие значение для

---

<sup>1</sup> Васильев Ю.А. Практика назначения наказания по делам об убийствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 16.

<sup>2</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.



правильной квалификации преступления и назначения осужденному справедливого и целесообразного наказания.

Наказание носит личный характер. Оно назначается только применительно к конкретному преступнику и должно служить мерой справедливого возмездия за содеянное, но ни в коем случае не должно затрагивать интересы его близких, других людей или назначаться «в назидание» другим людям.

Суды первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций вправе переqualифицировать преступление с одной статьи на другую или на несколько других статей или частей статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за менее тяжкое преступление, если при этом не ухудшается положение осужденного и не нарушается его право на защиту. При этом наказание, назначенное по совокупности преступлений, не может быть более строгим, чем максимальное наказание, предусмотренное санкцией статьи УК РФ, по которой было квалифицировано преступление.

При особом порядке судебного разбирательства наказание не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 1 ст. 62 УК РФ, ст. 316 УПК РФ).

При наличии исключительных обстоятельств суд может назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, а также применить иные правила смягчения наказания, предусмотренные Общей частью УК РФ (ст. 64 УК РФ).

В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок и размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, в данном случае ст. 107 УК РФ (ч. 2 ст. 62 УК РФ).

Особые правила смягчения наказания, предусмотренные ст. 62, 64 и 65 УК РФ, нередко применяются при рассмотрении судами уголовных дел данной категории и назначении наказания лицам, осужденным по ст. 107 УК РФ. Эти правила, безусловно, в значительной мере препятствуют назначению справедливого наказания, но они дают возможность установить истину по делу полнее, более объективно и всесторонне, особенно при наличии существенных трудностей в раскрытии и расследовании преступлений, выяснить обстоятельства дела, облегчить его расследование и судебное рассмотрение, расположить виновного не только к сотрудничеству, но и к исправлению, проявить гуманность и сэкономить на затратных репрессиях. Как говорится, приходится использовать те возможности, которые имеются.

Анализ приговоров по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 107 УК РФ, показывает, что за совершение «аффективных» убийств нередко назначается лишение свободы, в 32% случаев с применением ст. 73 УК РФ, то есть условно.

Осуждая к лишению свободы, в том числе условно, суды в иных случаях игнорируют то обстоятельство, что это более строгий вид наказания, чем исправительные работы и ограничение свободы, также предусмотренный ст. 107 УК РФ, и тем самым нарушают требования, предусмотренные ч. 1 ст. 60 и ч. 1 ст. 56 УК РФ. Так, М., осужденный по ч. 1 ст. 107 УК РФ, был приговорен к наказанию в виде года лишения свободы в колонии-поселении.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Дагестан, рассмотревшая данное уголовное дело в кассационном порядке по представлению государственного обвинителя, изменила приговор в части назначенного М. наказания и указала, что суд, назначая ему наказание, нарушил ст. 56 УК РФ, где, в частности, сказано: «Наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление наибольшей тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 63 настоящего Кодекса..., или только, если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания». Суд в нарушение требований ч. 1 ст. 56 УК РФ назначил М. наказание в виде 1 года лишения свободы. В связи с этим коллегия сочла необходимым назначить М. наказание, не связанное с лишением свободы, – ограничение свободы сроком на 3 года<sup>1</sup>.

В то же время суд, в том числе высшие судебные инстанции страны, не всегда в полной мере учитывают степень общественной опасности этого вида убийства и степень опасности личности преступника, данные, характеризующие его исключительно положительно.

Е. был осужден по ст. 15 и 102 п. «д» УК РСФСР (ст. 30 и п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) к восьми годам лишения свободы. Пленум Верховного Суда СССР, рассмотревший это дело по протесту Председателя Верховного Суда СССР, действия Е. переквалифицировал со ст. 15 и 102 УК РСФСР (ст. 30 и п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) на ст. 15 и 104 УК РСФСР (ст. 30 и ч. 1 ст. 107 УК РФ) и меру наказания определил в три года. При этом пленум Верховного Суда СССР, как сказано в его постановлении, «принял во внимание, что Е. ранее ни в чем предосудительном замечен не был, по службе характеризовался положительно, неоднократно поощрялся руководством за успехи в борьбе с преступностью».

---

<sup>1</sup> Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 января 2013 г.; уг. дело № 22-107.

Кроме того, из материалов дела видно, что ранее он спас пятерых тонувших детей<sup>1</sup>.

Во многих случаях, имея в материалах уголовного дела совокупность смягчающих, при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, суд вместе с тем, осуждая лицо по ст. 107 УК РФ, назначает ему лишение свободы, забывая о том, что это более строгий, чем исправительные работы или ограничение свободы, вид наказания, даже в тех случаях, когда оно определяется с применением ст. 73 УК РФ.

Можно выразить сомнение относительно справедливости наказания в виде лишения свободы сроком на три года с применением ст. 73 УК РФ, назначенного З., осужденной по ч. 1 ст. 107 УК РФ. При этом, как указано в приговоре, суд учел «первую судимость, положительную характеристику З., обстоятельства совершенного преступления, чистосердечное раскаяние подсудимой...» Указывая же в качестве смягчающих наказание обстоятельств «обстоятельства совершенного преступления», суд, полагаем, имел в виду не то, что убийство было вызвано противоправным поведением потерпевшей – обстоятельством, предусмотренным п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, которое само по себе уже учтено в ст. 107 УК РФ, а то, что потерпевшая длительное время вела себя недостойно, издевалась над подсудимой, избивала ее, злоупотребляла алкоголем, создавала в доме и в семье травмирующую ситуацию, а в ситуации, предшествующей убийству, вновь применила к подсудимой насилие – стала беспричинно ее избивать<sup>2</sup>.

Если учесть высокую степень противоправности и (или) аморальности поведения потерпевшего, на почве которого длительное время накапливалось эмоциональное напряжение, и возник аффект, а затем и решение совершить его убийство, то такое «обстоятельство совершенного преступления» можно, по нашему убеждению, признать обстоятельством, смягчающим наказание.

Не упоминая в приговоре о необходимости назначения справедливого наказания, суды в основном стремятся назначить такое наказание, учитывая «характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного» (ч. 1 ст. 6 УК РФ), «а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи» (ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Так, определяя наказание З., осужденному по ч. 1 ст. 107 УК РФ, гарнизонный военный суд указал, что «учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, данные о личности подсудимого и со-

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда СССР. 1973. № 3. С. 25 – 28.

<sup>2</sup> Приговор Советского районного суда г. Казани от 7 августа 2003 г. // Архив Советского районного суда г. Казани за 2003 г.; уг. дело № 1-508/03.

стояние его здоровья, а именно, наличие ряда тяжелых хронических заболеваний, совокупность обстоятельств, а также влияние наказания на его исправление и условия его жизни, и, руководствуясь ст. 51 и 73 УК РФ, приходит к выводу о применении к подсудимому, проходящему военную службу по контракту, наказание в виде ограничения по военной службе вместо исправительных работ, предусмотренных санкцией ч. 1 ст. 107 УК РФ, без реального отбывания этого наказания». В качестве обстоятельств, смягчающих наказание, суд указал «чистосердечное раскаяние в содеянном, исключительно положительные характеристики по службе и в быту, участие в боевых действиях и контртеррористических операциях на территории Северо-Кавказского региона, смерть его матери после случившегося и то, что ранее подсудимый ни в чем предосудительном не был замечен, впервые совершил преступление небольшой тяжести». Отягчающие наказание обстоятельства в материалах дела отсутствовали<sup>1</sup>. Справедливость назначенного 3. наказания едва ли может вызвать сомнение.

Говоря в ч. 1 ст. 60 УК РФ о необходимости назначения «справедливого наказания за совершенное преступление», законодатель в ч. 2 ст. 43 УК РФ также указывает: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости...» В ч. 1 ст. 6 УК РФ определяется общий уголовно-правовой принцип справедливости, который в данной здесь конструкции больше похож на принцип негативной уголовной ответственности, касающейся преимущественно вопросов применения наказания и иных мер уголовно-правового характера. Что это: разные стороны (аспекты, направления, функции, характеристики, роли) справедливости, как уголовно-правового понятия, или законодатель в этой системе норм отступил от логики и что-то напутал.

Принцип справедливости в уголовном праве – это руководящая идея, которая пронизывает все уголовно-правовые нормы и институты и помогает понять не только смысл, но и дух уголовного закона, основные цели и задачи, которые перед ним поставил законодатель, и в соответствии с этим пониманием осуществлять его применение. Если «уравнительная» или «уравнивающая» сторона (функция) справедливости требует равенства всех граждан перед законом и судом за равные преступления, которые они совершили, то «распределительная» сторона (функция) справедливости, наоборот, считает справедливым распределять ответственность и наказание разных лиц за разные преступления или одного и того же лица за разные преступления и определять каждому свое, то есть «воздавать по заслугам». Указывая на необходимость назначения «справедливого наказания» за совершенное преступление, законодатель

---

<sup>1</sup> Приговор Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 31 августа 2012 г. по делу 3. // Архив Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда за 2012 г.

тем самым требует от суда назначения «заслуженного наказания». В этом и заключается сущность понятия «справедливое наказание» в ч. 1 ст. 60 УК РФ.

Указывая в качестве первоочередной цели наказания (она указывается первой среди целей наказания в ч. 2 ст. 43 УК РФ) «восстановление социальной справедливости», законодатель допустил грубую логическую ошибку, чем запутал правоприменителя, который поверил, что не в назначении «заслуженного» («справедливого») наказания состоит основная идея и задача суда в результате судебного рассмотрения уголовного дела, а достижение цели «восстановления социальной справедливости», а также целей исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

«Справедливость» это истинность, правильный выбор чего-то или в чем-то; нечто правое, достойное, должное<sup>1</sup>. Только правильный выбор должного достойного наказания, как необходимого средства достижения целей исправления осужденного, частной и общей превенции рецидива новых преступлений, позволяет успешно решать задачи уголовного закона, предусмотренные в ч. 1 ст. 2 УК РФ. «Справедливое наказание» – основное средство для достижения его целей и дополнительное средство для решения общих задач уголовного закона.

«Средство» определяется как «прием, способ действия для достижения чего-нибудь; орудие для совершения какой-нибудь деятельности»<sup>2</sup>.

«Цель» это «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить, чего надо добиться в результате какой-нибудь деятельности»<sup>3</sup>.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что справедливость или ее восстановление не может быть целью применения наказания. Полагаем, что цель «восстановления социальной справедливости» должна быть исключена из перечня целей наказания, указанных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, которые должны учитываться судом при его применении, поскольку это положение уголовного закона дезориентирует судебную практику. Кроме того, говорить о восстановлении социальной справедливости в результате назначения уголовного наказания, даже с помощью любых средств уголовно-правового воздействия, совершенно неприемлемо, поскольку невыполнимо.

«Социальный» – это «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе»<sup>4</sup>. Восстанавливать социальную справедливость или справедливые отношения в обществе можно пытаться путем коренной перестройки господствующих социально-экономических отношений при наличии

---

<sup>1</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 757.

<sup>2</sup> Там же. С. 760.

<sup>3</sup> Там же. С. 873.

<sup>4</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 752.

реальных возможностей, необходимых для этого средств и политической воли действующей власти. В рамках уголовно-правовых и соответствующих им уголовно-процессуальных отношений можно говорить лишь о том, чтобы добиться осуществления правосудия, в том числе путем назначения справедливого наказания, как наиболее эффективного средства достижения его целей.

Иллюстрацией сказанного относительно ущербности различных конструкций справедливости в уголовном законе и отрицательного влияния такого положения на судебную практику может служить уголовное дело по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 107 УК РФ.

А. был осужден за убийство М., совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного противоправным и аморальным поведением потерпевшего. В приговоре суда сказано буквально следующее: «...суд приходит к выводу, что в целях восстановления социальной справедливости... А. следует назначить наказание, цели которого будут обеспечены применением наказания, предусмотренного за данное преступление в виде ограничения свободы на срок 1 г. и 4 мес.». При этом суд указал, что при назначении наказания он учитывал «требования разумности и справедливости»<sup>1</sup>.

При назначении справедливого наказания разумность, безусловно, предполагается, как и предполагается разумность (логика) при формировании выводов и оснований относительно определения целей, которые суд предполагает достигнуть путем назначения справедливого наказания. К сожалению, относительно указанных формулировок в приговоре суда по данному делу такого вывода сделать нельзя.

При назначении наказания суд учел «характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, удовлетворительно характеризующегося по месту жительства и месту работы, мнение потерпевшей, оставившей вопрос о мере наказания на усмотрение суда, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи». В качестве обстоятельств, смягчающих подсудимому наказание, суд учел «наличие на иждивении малолетнего ребенка, полное признание им своей вины, раскаяние в содеянном, активное содействие раскрытию преступления путем дачи подробных признательных показаний, отсутствие судимости»<sup>2</sup>.

Среди обстоятельств, смягчающих наказание, чаще всего называются: явка с повинной, признание или полное признание убийцей своей вины и ак-

---

<sup>1</sup> Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ от 18 января 2013 г. // архив Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ за 2013 г.; уг. дело № 1-77/2013.

<sup>2</sup> Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ от 18 января 2013 г. // Архив Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ за 2013 г.; уг. дело № 1-77/2013.

тивное способствование раскрытию преступления, отсутствие судимости или совершение впервые преступления небольшой (средней) тяжести, положительная характеристика по месту работы и (или) по месту жительства, чистосердечное раскаяние. Эти обстоятельства характерны для преступников, совершающих преступления в состоянии «оправданного» аффекта, и, как правило, для личности виновных. Этот вывод еще раз свидетельствует о том, что оценка судом нравственно-правовой природы убийств, квалифицируемых по ст. 107 УК РФ, как правило, удачная.

К сожалению, в приговорах нередко встречаются общие ссылки на «характер и степень общественной опасности совершенного преступления, на «обстоятельства» или «фактические обстоятельства» совершенного преступления, а также признание смягчающим наказание обстоятельством «противоправности или аморальности поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления», хотя, согласно ч. 2 ст. 61 УК РФ, смягчающее обстоятельство, предусмотренное соответствующей статьей Особенной части УК в качестве признака преступления (в данном случае – в ст. 107 УК РФ), само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания. В рамках ст. 107 УК РФ можно говорить об учете в качестве смягчающего обстоятельства лишь о «степени противоправности или аморальности поведения потерпевшего в предкриминальной ситуации», которая свидетельствует о чрезмерном, качественно высоком провоцирующем поведении жертвы аффективного убийства.

Судьям необходимо больше внимания обращать на необходимость четких формулировок в резолютивной части приговора по вопросам, связанным с назначением наказания.

**ГЛАВА IV.**  
**ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО,**  
**СОВЕРШЕННОЕ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ**  
**НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ**  
**(ЧАСТЬ 1 СТАТЬИ 108 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА**  
**РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

**4.1. Вопросы исторического становления и развития института убийства,**  
**совершенного при превышении пределов необходимой обороны,**  
**конструктивные признаки и особенности состава преступления,**  
**предусмотренного частью 1 статьи 108**  
**Уголовного кодекса Российской Федерации**

---

Институт необходимой обороны в отечественном уголовном праве впервые упоминается в Соборном Уложении 1649 г., которое предоставляло обороняющемуся полное право защитить себя от противозаконного нападения вплоть до убийства нападающего. Уложение требовало в некоторых случаях от обороняющегося сделать заявление в органы власти о последствиях его действий при необходимой обороне.

Воинский Артикул Петра I ограничил право обороны от преступных посягательств на жизнь, здоровье, имущество и неприкосновенность жилища. Смерть нападающему могла быть причинена только при условии наличия опасности для жизни обороняющегося. В других случаях свои права и интересы можно было защищать только в соответствии с требованиями о соразмерности вреда, причиняемого обороняющимся, и угрожающего ему в результате нападения, чтобы не понести наказание за превышение пределов необходимой обороны.

В советском уголовном праве о необходимой обороне впервые упоминается в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. Правомерной здесь признавалась как «самозащита» (защита от преступного посягательства на свою личность), так и «защита личной безопасности других людей».

По УК РСФСР 1922 г. необходимая оборона признавалась правомерной также при защите личности обороняющегося, других граждан и защите прав обороняющегося.

Ст. 105 УК РСФСР 1960 г. говорит об убийстве при превышении пределов необходимой обороны, не указывая на форму вины причиняемой при эксцессе обороны смерти потерпевшему. Ст. 13 УК РСФСР 1960 г., а затем и ст. 37 УК РФ 1996 г. давали вначале определение необходимой обороны, как правомерного действия лица, совершаемого в состоянии необходимой обороны,



то есть при защите жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, требуя от обороняющегося не превышать пределы необходимой обороны. Затем законодатель определял понятие превышения пределов необходимой обороны («эксцесса обороны»), признавая таковым причинение посягающему чрезмерного, «явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности, а также обстановке посягательства вреда». И только изменения в ст. 37 УК РФ, внесенные Федеральными законами от 14.03.2002, от 8.12.2003 и от 27.07.2006, нарушили эту логику построения указанной уголовно-правовой нормы, внося в ее порядок и в ее содержание ряд спорных моментов, требующих ее совершенствования и дальнейшей оптимизации.

В общей структуре убийств и в подструктуре «привилегированных» видов убийств состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 108 УК РФ, представляет собой наименьшую общественную опасность, а виновные в убийстве при превышении пределов необходимой обороны – наименьшую субъективную опасность, поскольку их противоправное поведение имеет некую позитивную мотивацию и социально-полезную направленность.

В действующей редакции ст. 37 УК РФ определяет необходимую оборону, как вынужденное причинение уголовно-наказуемого вреда в состоянии необходимой обороны. Это состояние создается в результате общественно опасного посягательства на правоохранительные интересы данной личности, других лиц, общества и государства, если оно было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ) или возникло в результате иного общественно опасного посягательства, в процессе противодействия которому обороняющийся не превысил пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 37 УК РФ).

По закону: 1) не является преступлением причинение уголовно-наказуемого вреда любой тяжести в состоянии необходимой обороны; 2) состояние необходимой обороны, а значит, и право на защиту право-охраняемых интересов путем причинения вреда, возникает с момента начала общественно опасного посягательства; 3) если общественно опасное посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, то во всех случаях таких ситуаций имеет место состояние необходимой обороны; 4) превышение пределов необходимой обороны возможно лишь тогда, когда состояние необходимой обороны возникло в результате посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосред-

ственной угрозой применения такого насилия; 5) превышение пределов необходимой обороны образуют умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства.

Положения, предусмотренные в частях 1 и 2 ст. 37 УК РФ, имеют ключевое значение для определения конструктивного признака состава убийства при превышении пределов необходимой обороны, с наличием которого связано максимальное смягчение уголовной ответственности за данный вид «привилегированного» убийства.

Убийству, совершенному при превышении пределов необходимой обороны, присуща особая нравственно-психологическая обусловленность, социальная и нравственно-правовая природа. Это во многом «вынужденное» преступление, обусловленное необходимостью защитить свои и чужие правоохраняемые интересы от общественно опасного посягательства, хотя при этом обороняющийся применяет меры, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства.

Конструктивным признаком этого состава «привилегированного» убийства является именно превышение пределов необходимой обороны.

Оборона правомерна в случаях, когда она необходима для защиты правоохраняемых интересов от общественно опасного посягательства, и в тех пределах, которые требуются для их полной защиты. Все сверх этого является общественно опасным и расценивается законодателем, как противоправное насилие в отношении посягающего. Обороняющийся «всегда должен руководствоваться исключительно стремлением отразить посягательство, не допуская причинения посягающему вреда большего, чем необходимо для достижения указанной цели»<sup>1</sup>. Говоря о принципе пропорциональности, применяемом в международном праве, лицо, действующее в целях предупреждения преступления, не вправе применять такую силу, «какая является несоразмерной законной цели, которую нужно достичь»<sup>2</sup>. Цель защиты правоохраняемых интересов от общественно опасного посягательства – субъективное основание и основной критерий, по которому следует определять соразмерность применения ответного насилия к посягающему, а не характер и опасность посягательства, которое является лишь внешним, объективным основанием определения превышения пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 37 УК РФ).

Согласно абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступле-

---

<sup>1</sup> Сидоров Б.В. Уголовно-правовые гарантии правомерного, социально-полезного поведения. Казань, 1992. С. 26.

<sup>2</sup> Социалистическая законность. 1990. № 1. С. 72.

ние», «право на необходимую оборону сохраняется до момента фактического окончания посягательства». Таким образом, справедливо связывать допустимость и пределы оборонительных действий не столько с опасностью действий посягающего, сколько с существованием и продолжением посягательства и с необходимостью достижения цели его пресечения или прекращения.

Согласно абз. 3 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19, «состояние необходимой обороны возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства..., но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, то есть с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния». Для этого суду следует установить, что у обороняющегося «изменились основания для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства». При этом наряду с высказыванием намерения немедленно причинить смерть или причинить тяжкий вред здоровью, он демонстрирует оружие, взрывные устройства или иные опасные орудия преступления и т.п., если, судя по ситуации, есть основания опасаться осуществления высказанной и подтвержденной конклюдентными действиями угрозы, очевидно. В таких случаях правильнее говорить не о «непосредственной угрозе насилия, опасного для жизни», а об «угрозе непосредственного посягательства».

В абз. 1 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 указывается, что, совершая убийство или умышленно причиняя тяжкий вред здоровью при превышении пределов необходимой обороны, обороняющийся должен осознавать, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Необходимо отметить, что не «нарушение условий правомерности необходимой обороны...» (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а «превышение пределов необходимой обороны» является основанием смягчения ответственности и наказания в отечественном уголовном праве, поскольку нарушение других «условий правомерности необходимой обороны» будет свидетельствовать лишь об отсутствии самого «состояния необходимой обороны».

В ч. 1 ст. 108 УК РФ предусматривается ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны, а в ч. 2 ст. 108 УК РФ – за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Такая структура указанной статьи УК соединяет в одной уголовно-правовой норме различные по своей социальной и правовой природе виды убийства, совершенные при обстоятельствах, которые по-разному характеризуют состояние взаимодействия «посягающий-обороняющийся» (в ст. 37 УК РФ) и, соответственно, «задерживающий-

задерживаемый» (в ст. 38 УК РФ). Это обстоятельство дает основание рассматривать убийство лица, совершившего преступление, при его задержании, как более тяжкий вид убийства, чем совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Такое предположение небеспочвенно еще и потому, что в недалеком прошлом в судебной практике, как и в уголовно-правовой теории было распространено мнение о родственной социально-правовой природе необходимой обороны и превышения ее пределов и задержания преступника и превышения мер, необходимых для его задержания.

Немалые трудности могут возникнуть также при конструировании квалифицированных видов убийства (двух или более лиц), совершенных в случаях, предусмотренных, соответственно, ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ.

Исследование рассматриваемой проблемы показывает, что «на практике внесенные в последние годы в ст. 37 УК РФ изменения и дополнения не получили достаточного понимания и применения. Сотрудники следствия, суда, прокуратуры продолжают придерживаться прежних позиций, ориентируясь в основном на ранее действовавшую (до изменений 2002, 2003, 2006 гг.) редакцию нормы о необходимой обороне»<sup>1</sup>.

Судебная практика по делам исследуемой категории свидетельствует о наличии множества ошибок в квалификации преступлений.

Этому виду убийства, относящемуся к убийствам, совершенным при смягчающих ответственность обстоятельствах, присуща особая нравственно-психологическая обусловленность, социальная и нравственно-правовая природа. Его совершение вызвано необходимостью защитить свои и чужие правоохраняемые интересы, как правило, от внезапного общественно опасного посягательства, но сопровождается превышением пределов необходимости правомерной защиты.

В составе убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, конструктивным признаком состава преступления является то обстоятельство, что действия лица совершаются в состоянии необходимой обороны, хотя и с превышением ее пределов, то есть при отражении общественно опасного посягательства (объективное основание необходимой обороны) и с целью защиты указанных правоохраняемых интересов (субъективное основание необходимой обороны), причиняя при этом чрезмерный, более чем необходимый для отражения посягательства, вред.

Необходимая оборона, а следовательно, и превышение ее пределов возможны, как отмечалось, только в границах фактически существующего реаль-

---

<sup>1</sup> Королева И.А. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 4.

ного общественно опасного посягательства<sup>1</sup>. Они могут возникнуть и с момента угрозы непосредственного посягательства, которая немедленно реализуется в словах и действиях лица, непосредственно направленных на осуществление данной угрозы причинения уголовно-наказуемого вреда личности, правам обороняющегося или другого лица, интересам общества или государства.

В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. «действия не могут признаваться совершенными в состоянии необходимой обороны, если вред посягающему лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось обороняющимся лицом».

Только в условиях действительного посягательства возможно превышение необходимости оборонительных действий и только в виде чрезмерной, явно излишней для предотвращения посягательства обороны. Даже несвоевременное применение в состоянии необходимой обороны явно более опасных мер защиты, чем требовалось в данный момент для отражения нападения, а это основной ориентир и цель действий обороняющегося, должно рассматриваться не как «несвоевременная оборона», а как «чрезмерная оборона» – единственный допустимый вид превышения пределов необходимой обороны.

Не могут рассматриваться по правилам о необходимой обороне случаи добросовестного заблуждения относительно начала и конца фактического нападения, относительно его существования в действительности. «Обороняющийся» освобождается в таких случаях от уголовной ответственности не потому, что он находится в реальном состоянии необходимой обороны, а потому, что он действует невиновно, как бы в состоянии необходимой обороны, поскольку в сложившейся обстановке он не может сознавать ошибочности своего предположения о реальном посягательстве, на предотвращение которого и были субъективно направлены его усилия.

Целесообразно перенять опыт белорусских законодателей, которые дают юридическую оценку ошибкам обороняющегося относительно начала нападения – при «преждевременной обороне», и его окончания – при «запоздалой обороне», а также относительно «чрезмерности обороны» при явном несоответствии ответных действий обороняющегося действиям нападающего. Эта позитивная попытка легализовать как невиновные и непроступные действия «мнимого» или «несвоеременно» либо «ошибочно-чрезмерно» обороняющегося при добросовестном заблуждении лица относительно имеющегося, начавшегося или окончившегося нападения либо чрезмерности обороны при начав-

---

<sup>1</sup> При угрозе непосредственного применения опасного для жизни насилия упреждающие действия обороняющегося вызываются реальным поведением посягающего, направленным на реализацию такой угрозы.

шемся и продолжаемом нападении. В ст. 37 УК РФ оцениваются основные виды ошибок в восприятии лицом обстоятельств, исключających преступность деяния, в том числе, и прежде всего, при необходимой обороне. При оценке таких ситуаций ведущая роль принадлежит вине и субъективному вменению, то есть субъективной оценке фактически общественно опасных поступков и деяний.

Н.А. Егорова и С.А. Гордейчик, безусловно, правы в том, что в таких случаях «имеет место невинное причинение вреда (ст. 28 УК РФ)»<sup>1</sup>.

Так, Ш. и И. были признаны виновными в убийстве несовершеннолетнего Б. при таких обстоятельствах. Ночью Ш. и И., находясь в нетрезвом состоянии, на одной из улиц города встретились с ранее им незнакомым Б., А. и другими, которые тоже были в нетрезвом состоянии. Б. и А. отвели в сторону Ц., шедшего в компании с Ш. и И., и попытались его ограбить. Но тому удалось вырваться и убежать. Через некоторое время эти группы встретились вновь уже на другой улице города. При новой встрече А. набросился на М. из компании Ш. и И., ударил его камнем, а Б. нанес удар штакетником И. Началась, как указывается в приговоре, драка, во время которой Ш. ударил Б. камнем по голове и тот упал. В это время к лежащему на земле Б. подбежал И. и, вырвав из рук штакетник, нанес им несколько ударов Б. по голове. Ш. и И. нанесли еще несколько ударов Б. ногами, после чего Б. тут же скончался.

Судебные инстанции, рассматривавшие данное дело, признали действия Ш. и И. преступными, исходя из неправильной оценки фактических обстоятельств, установленных по делу. Описание событий в приговоре по делу дано неправильно, отражая происшедшее как взаимную ссору и драку. На самом деле Б. и А., совершив ночью в присутствии Ш. и И. разбойное нападение на Ц. с применением ножей, спустя некоторое время вновь напали на них и стали их избивать.

Ш. и И. во время этих столкновений вели себя сдержанно и, лишь оказавшись в крайне опасной для себя ситуации, окруженные враждебно настроенной группой и подвергшиеся прямому противоправному нападению, предприняли действия в целях своей защиты. В этих условиях следует признать, что Ш. и И. действовали в состоянии необходимой обороны, отражая совершающееся на них посягательство, причем примененные ими средства были такими же, как и у нападавших, а интенсивность обороны была соразмерна интенсивности нападения: А. бросал камнями в Ш. и И., а Б. наносил удары палкой, Ш. и И., обороняясь, действовали так же. Следовательно, Ш. и И., применяя меры по защите от нападения, не превысили пределов необходимой обороны. При этом

---

<sup>1</sup> Егорова Н.А., Гордейчик С.А. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление // Законность. 2013. № 2. С.19.

они не сознавали, что Б. после удара его камнем по голове Ш. потерял сознание и не мог оказать им сопротивление.

Состояние необходимой обороны не может считаться устраненным в случае, когда акт самозащиты последовал непосредственно за актом, хотя бы и оконченного нападения, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент окончания нападения. Как усматривается из материалов дела, Ш. и И. в первый момент не знали, что от удара камнем, брошенным Ш. в целях самозащиты, Б. получил смертельные повреждения в области головы. И. вырвал у лежащего Б. орудие нападения и ударил его потому, что тот пытался встать. Продолжение акта самозащиты после того, как Б. упал, по времени было кратким, все произошло очень быстро, в обстановке, когда угроза со стороны других лиц из окружения Б. продолжала оставаться.

Пленум Верховного Суда СССР сделал вывод, что по обстоятельствам дела для Ш. и И. не был сразу ясен момент окончания нападения со стороны Б. и его окружения и поэтому продолжение ими активных действий по обороне спустя короткое время после нанесения, как потом выяснилось, смертельного удара нападающему не должно рассматриваться как превышение пределов необходимой обороны, ни тем более как умышленное убийство. По этим основаниям дело в отношении Ш. и И. было прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления<sup>1</sup>.

Правильный вывод о социальной и нравственно-правовой природе «несвоевременной» или «мнимой» обороны позволяет отграничить эти объективно общественно вредные деяния от общественно полезных деяний, совершаемых в состоянии необходимой обороны.

Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19, применение не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно-опасных посягательств также может быть признано основанием для необходимой обороны. В условиях отсутствия общественно опасного посягательства срабатывание таких средств или приспособлений, причинившее смерть потерпевшему, подлежит квалификации на общих основаниях.

При использовании подобных средств и приспособлений применимы нормы о необходимой обороне. Главное, чтобы не создавалась опасность для третьих лиц, не имеющих отношения к общественно опасному посягательству. В этих случаях, то есть при отсутствии общественно опасного посягательства, содеянное подлежит квалификации на общих основаниях (п. 17 постановления).

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда СССР, 1981, № 2. С. 11-14.

Если использование общеопасных средств и приспособлений в условиях превышения пределов необходимой обороны привело к убийству, содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Использование запрещенных предохранительных устройств также должно рассматриваться по правилам необходимой обороны. При необходимой обороне лицо вправе использовать любые средства, лишь бы это не приводило к превышению пределов необходимой обороны. Однако регулирование использования незаконных автоматических средств или приспособлений положениями уголовного закона о необходимой обороне не исключает уголовной ответственности за незаконный оборот таких предметов, например, по ст. 222, 228, 234 УК РФ.

Следует согласиться с Г.А. Есаковым, который предлагает указать в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 также на «автоматически действующие предметы, вещества или устройства», поскольку «все они по смыслу п. 17 постановления попадают под действие ст. 37 УК РФ»<sup>1</sup>. Это яды в напитках, газы, задымления, сильнодействующие и ядовитые вещества, метательное оружие, опасные предметы, устройства и вещества, оборот которых запрещен или ограничен.

Общественно опасное посягательство и противодействие ему следует отличать от драки – физического столкновения людей, совершаемого по обоюдному, молчаливому или выраженному словесно ее участниками согласию для решения возникшего конфликта либо начатого по инициативе одного из сторон при условии, что другая сторона приняла вызов. Каждая из сторон действует в таких случаях общественно опасно из желания причинить физический вред противной стороне и получить в этом личное удовлетворение. В драке нет собственно ни нападающего, ни обороняющегося. Поэтому разумное и эффективное вмешательство третьих лиц, сотрудников правоохранительных органов с целью пресечения драки, правомерно и необходимо.

Мотивы и цели участников драки могут существенно меняться под влиянием обстоятельств и тем самым резко менять позиции сторон конфликта, трансформировать образ и характер поведения его участников. Иногда одна сторона конфликта выходит «из игры», но противная сторона, понимая это, продолжает или пытается продолжать насильственные действия в отношении «выходящих из драки» участников. С этого момента драка как поединок по согласию перестает существовать, преобразуясь в качественно иное конфликтное взаимодействие сторон по типу «посягательство-защита» («нападение-оборона»). Действия второй стороны могут в дальнейшем рассматриваться как

---

<sup>1</sup> Есаков Г.А. Использование предохранительных устройств при защите имущества и необходимая оборона // Уголовное право. 2013. № 1. С. 20.



посягательство (нападение), являющееся объективным основанием необходимой обороны для первой стороны.

Не следует, однако, забывать, что драка – не спортивное соревнование. Как правило, она проходит без правил. Как процесс неконтролируемый и неподконтрольный, драка может привести и часто приводит к непредсказуемым действиям и последствиям. Ожесточаясь, участники конфликта нередко отбрасывают все, что им мешает успешно вести «поединок» и что до этого стороны условились соблюдать, теряют чувство меры и ответственности за свое поведение, стремясь обезопасить себя и одержать верх над противником. Каждый из участников такого «поединка» должен нести ответственность за тот конкретный вред, который он причинил или стремился причинить своими общественно опасными действиями по степени его вины в развязывании «поединка» и во время его свершения. Сила закона должна в большей мере сказываться на тех лицах, которые являлись провокаторами или «зачинщиками» столкновения либо проявили сравнительно большую агрессивность и инициативу в развязывании и (или) продолжении драки. Кроме конкретного уголовно-наказуемого вреда в виде умышленного причинения смерти потерпевшему, наказуемость которого не должна вызывать сомнений, такой «поединок по согласию», если он носит массовый характер, в иных случаях можно оценивать и как массовые беспорядки или массовое хулиганство, грубо нарушающее общественный порядок. Подобные случаи часто далеки от состояния необходимой обороны.

Если лицо не прекратило посягательство, а с очевидностью для обороняющегося лица лишь приостановило его «с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам», состояние необходимой обороны продолжается, поскольку посягательство в таких случаях также следует признать продолжаемым (п. 8 постановления). Канадский законодатель прав, указывая, что «каждый имеет право применить силу с целью самообороны или защиты любого лица нападения, если при этом применяется сила, необходимая для предотвращения такого нападения или его повторения» (ст. 37 УК Канады).

Переход оружия или иного орудия нападения от посягающего к обороняющемуся «сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства, если с учетом интенсивности нападения, числа пострадавших лиц, их возраста, пола, физического развития и других обстоятельств, сохранялась реальная угроза продолжения такого посягательства» (п. 8 постановления).

Похищение человека, незаконное лишение свободы, использование рабского труда, захват заложников, истязание и другие подобные деяния, носящие длящийся или продолжаемый характер, также, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, вызывают и поддерживают состояние необходимой обороны (п. 5 абз.

1 постановления). В процессе совершения и продолжения таких деяний возникает необходимость противодействия посягающему с целью защиты потерпевшего. В последующем происходит удержание похищенного, незаконно лишеного свободы, или заложника, эксплуатация и унижение потерпевшего, поставленного в положение раба или подвергающегося физическим или психическим страданиям путем насильственных действий при истязании, то есть наблюдается продолжение общественно опасного посягательства, которое сохраняет состояние необходимой обороны и право на причинение вреда посягающему, включая убийство посягающего с целью освобождения жертвы.

Право на необходимую оборону в этих случаях сохраняется до такого момента окончания посягательства, вынуждающего потерпевшего или другое лицо пресечь его посягательство, освободиться от мучений и страданий, которые оно причиняет потерпевшему.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 указало судам, что объективным основанием, вызывающим и поддерживающим состояние необходимой обороны является общественно опасное посягательство – преступление или иное общественно опасное деяние, содержащее некоторые признаки преступления, но не являющееся таковым (например, посягательство, совершаемое невменяемым лицом, не достигшим уголовно-наказуемого возраста), совершаемое с насилием, опасным для жизни или с непосредственной угрозой применения такого насилия (п. 2 постановления), с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица, например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья (п. 3 абз. 15 постановления), а также без применения насилия к обороняющемуся или иным лицам, например, уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения, в том числе совершаемое по неосторожности, которое нельзя было предотвратить или пресечь без причинения уголовно-наказуемого вреда посягающему (п. 5 абз. 2 постановления).

В связи с этим нельзя согласиться с утверждением, что законодатель поставил препятствие «для беспредельной защиты практически всех видов сексуальных посягательств (за исключением изнасилования, совершенного с угрозой убийством)»<sup>1</sup>, или что по-прежнему на доктринальном уровне остается решение проблемы причинения смерти субъектам насильственных «допустимости посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность»<sup>2</sup>. Полагаем,

---

<sup>1</sup> Звечаровский И.Э. Кому необходима необходимая оборона? // Уголовное право. 2013. № 1. С. 30.

<sup>2</sup> Егорова Н.А., Гордейчик С.А. Указ. соч. С. 18.

определение законодателем в ст. 37 УК РФ в качестве основания возникновения состояния необходимой обороны «общественно опасного посягательства», а не «нападения», показывает возможность возникновения такого состояния в результате посягательства, совершаемого без применения насилия, на что справедливо указывает Пленум Верховного Суда РФ<sup>1</sup>.

Пленум Верховного Суда РФ прав в том, что и неосторожное посягательство может служить основанием для необходимой обороны, особенно в тех случаях, когда оно сопровождается применением оружия, иных опасных предметов и веществ или сопряжено с использованием источников повышенной опасности, способных причинить большой вред охраняемым законом интересам. Неосторожное посягательство может вызвать необходимость защиты правоохраняемых интересов, которым оно угрожает, во всех тех случаях, когда его «нельзя было предотвратить или пресечь без причинения уголовно-наказуемого вреда посягающему». К тому же, как справедливо утверждает Т.Ю. Орешкина, во многих случаях «обороняющийся вряд ли способен понять содержание вины лица, совершающего посягательство»<sup>2</sup>.

Действия, лишь формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но заведомо для лица, предпринявшего ответные действия, в силу малозначительности не представляющие общественной опасности, не могут рассматриваться как посягательство, вызывающее состояние необходимой обороны (п. 5 абз. 4 постановления). Убийство лица в ответ на такие действия квалифицируется на общих основаниях. Это справедливо, поскольку законодатель, определяя основание возникновения состояния необходимой обороны в ст. 37 УК РФ, руководствовался не формальным критерием посягательства – признаком противоправности, а материальным – общественной опасностью провоцирующего поведения посягающего.

В связи с обострением социальной ситуации в стране, распространившимися в обществе проявлениями недоверия народа к власти, правовым нигилизмом, негативной радикализацией отношений на социальной, национальной и

---

<sup>1</sup> Термин «напасть» означает «броситься на кого-что-нибудь с враждебным намерением, начать действовать против кого-нибудь с враждебной целью»: «резко и неодобрительно выступить против кого-чего-нибудь» (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 358.). Под «посягательством» же понимается попытка (незаконная или осуждаемая) сделать что-нибудь, распорядиться чем-нибудь, получить что-нибудь» (Там же. С. 571.). Чаще всего именно «нападение», то есть стремительные, насильственные действия, совершаемые с враждебной целью к кому-нибудь, вызывают состояние необходимой обороны. Однако в некоторых случаях посягательство не носит характер нападения и совершается без применения насилия к человеку.

<sup>2</sup> Орешкина Т.Ю. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Уголовное право. 2013. № 2. С. 24.

религиозной почве и резким понижением нравственно-культурного уровня населения участились случаи массовых беспорядков, групповых хулиганств, экстремистских проявлений, неповиновений законным требованиям должностных лиц. В п. 6 постановления от 27 сентября 2012 г. № 19 говорится: «Правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены с причинением вреда или угрозой его причинения, состояния необходимой обороны не образуют. Если при этом должностное лицо лишает жизни, скажем, участника массового беспорядка с целью прекращения его противоправного деяния, пытаясь принудить его к повинению или желая предотвратить его общественно опасное посягательство, оно поступает правомерно, при условии, что им не были превышены полномочия должностного лица.

Исполнение должностным лицом заведомо незаконного приказа или распоряжения либо исполнение не свойственных ему служебных обязанностей, а равно их осуществление вопреки интересам службы, сопровождающиеся убийством, следует оценивать как должностное преступление (злоупотребление должностными полномочиями или их превышение) и убийство. Заведомо незаконные действия должностных лиц при этом должны оцениваться как общественно опасное посягательство, являющееся основанием для необходимой обороны.

Правомерное применение силы, специальных средств и оружия должностными лицами при обеспечении общественной безопасности и общественного порядка предусматривается специальными законами, хотя оно должно оцениваться, прежде всего, в рамках уголовного закона по правилам, предусмотренным ст. 42 УК РФ и др. В то же время в случаях, когда сотрудник правоохранительного органа пресекает или предотвращает конкретное общественно опасное посягательство, исполняя свои служебные обязанности, его действия должны подчиняться, помимо специальных законов, регулирующих их служебную деятельность правилам, предусмотренным ст. 37 УК РФ. Если в результате превышения пределов необходимой обороны, сотрудник правоохранительного органа или военнослужащий, принимающий участие в пресечении общественно опасного посягательства, совершает убийство, содеянное при наличии всех признаков состава преступления подлежит квалификации по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Эти лица не подлежат уголовной ответственности, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основание и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники, а также физической силы.

Оборона может быть правомерно и тогда, когда обороняющийся для защиты себя, других лиц или других правоохраняемых интересов использует в

процессе обороны не только оружие, автоматические устройства и приспособления, иные орудия и предметы, повышающие и возможности насильственного отпора нападению, но и животных. Пленуму Верховного Суда РФ следовало бы указать среди средств, которые могут быть использованы в целях защиты охраняемых уголовным законом интересов, животных, например, собак, охраняющих жилище или иные объекты, детей, инвалидов или других беззащитных жертв общественно опасного посягательства<sup>1</sup>.

В п. 18 постановления от 27 сентября 2012 г. анализируется ситуация совершения лицом нового посягательства во время его задержания. Если задерживаемое лицо совершает при этом посягательство в отношении лица, которое его задерживает, то, как сказано в постановлении, противодействие такому посягательству следует оценивать по правилам о необходимой обороне, поскольку лицо, совершившее преступление, из задерживаемого трансформируется в нападающего, посягательство которого необходимо пресекать.

Возможно сочетание более двух обстоятельств или исключających преступность деяний. При этом, например, причинение посягающему вреда признается необходимой обороной, а вынужденное причинение вреда третьему лицу – крайней необходимостью (п. 25 постановления).

Признание Пленумом Верховного Суда РФ основанием для совершения оборонительных действий ненасильственного общественно опасного посягательства, соответствующего смыслу ст. 37 УК РФ, свидетельствует о допустимости необходимой обороны при защите собственности. Правда, в анализируемом постановлении Пленума Верховного Суда РФ это основание необходимой обороны упоминается косвенно, лишь в связи с характеристикой «неожиданных действий» посягавшего. Так, в п. 4 постановления, в частности, сказано: «В зависимости от конкретных обстоятельств дела неожиданным может быть признано посягательство, совершенное, например, в ночное время с проникновением в жилище, когда обороняющееся лицо в состоянии испуга не смогло объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства».

Жилище, какое-то иное недвижимое имущество имеют особую значимость и также подлежит защите по правилам о необходимой обороне. Как отмечает С.Т. Сулейманова, «при защите недвижимого имущества применение силы не ограничивается, в отличие от защиты движимого имущества (вещи), и основное условие правомерности такой защиты – соразмерность действий обороняющегося характеру нападения (применения силы не больше, чем необходимо)»<sup>2</sup>. «Превышение необходимых пределов означает применение при защите

---

<sup>1</sup> Орешкина Г.Ю. Указ. соч. С. 26.

<sup>2</sup> Сулейманова С.Т. Институт необходимой обороны в уголовном праве Канады // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 62.

силы, которая превышает пределы, необходимые для предотвращения нападения или его повторения»<sup>1</sup>.

При этом нельзя забывать, что жизнь человека не сопоставима с вещью, сколь бы ценной она ни была. «Современное российское государство, – пишет Г.А. Есаков, – не в состоянии обеспечить если не эффективную охрану собственности..., то хотя бы неотвратимость уголовной ответственности за посягательство на собственность, что вынуждает граждан прибегать к жестким мерам защиты их имущества»<sup>2</sup>.

Необходимая оборона это не «самооборона», как ее нередко именуют в средствах массовой информации, дезориентируя население относительно того, какие и чьи блага, права и интересы граждан вправе защищать от общественно опасного посягательства. Любой гражданин вправе защищать свою и чужую жизнь, свою и чужую охраняемую им и не охраняемую никем собственность, общественную безопасность и общественный порядок, охраняемые законом интересы государства и общества. Другой вопрос: какими средствами и в каких пределах.

В конечном итоге, как отмечалось, не чрезмерность сама по себе причиненного посягающему вреда, не его тяжесть и опасность для посягающего, а то, что он является излишним, ненужным для достижения основной цели обороны – предотвращения или прекращения общественно опасного посягательства, – вот главное, что составляет сущность превышения пределов необходимой обороны.

Превышение пределов необходимой обороны возможно также в виде явного несоответствия защищаемого блага, права или интереса социальной ценности и причиняемому посягающему вредному последствию в результате оборонительных действий. Такие случаи имеют место, когда цель предотвращения или пресечения посягательства могла быть достигнута иными, заведомо менее опасными методами и средствами, а обороняющийся применил способ защиты, явно несоразмерный нападению и причинил при этом чрезмерный, явно излишний для достижения указанной цели вред посягающему. Причинение при этом явно излишнего, более опасного для достижения указанной цели вреда служит объективным показателем такого превышения пределов необходимой обороны. Другим его показателем может служить обстановка и другие обстоятельства конкретного случая, показывающие любому разумному человеку, не находящемуся в состоянии аффекта, на возможность защитить себя и других жертв посягательства иным, менее опасным способом.

---

<sup>1</sup> Сулейманова С.Т. Институт необходимой обороны в уголовном праве Канады // Черные дыры в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 6.

<sup>2</sup> Есаков Г.А. Указ. соч. С. 23.

Поздно ночью М., находясь в состоянии алкогольного опьянения, с целью выяснения отношений с будущей жертвой пришел к нему в дом, где провоцировал ссору, в ходе которой между ним и хозяином дома произошла драка, которую пресек находившийся в доме Г. После этого хозяин дома, испытывая обиду к М., прошел на кухню, взял там нож и, держа его в руке, попытался нанести М. удар лезвием ножа. М. оказал нападавшему физическое противодействие: перехватив его руку с ножом, выбил из руки его нож, поднял с пола упавший нож и, держа его в своей руке, пытался остановить нападение. Однако нападающий не остановил свое посягательство, нанес М. несколько ударов кулаком по голове и лицу, применяя насилие, не опасное для жизни и здоровья. В ответ на насилие со стороны посягающего М. нанес один удар лезвием ножа в его грудную клетку, что привело к острой кровопотере и к смерти потерпевшего.

Оценив материалы уголовного дела, суд квалифицировал действия М. по ч. 1 ст. 108 УК РФ как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, обосновав это тем, что он «защищался от насилия, не опасного для его жизни, и что его действия являются чрезмерными, поскольку имелась возможность пресечения противоправного посягательства способом, не лишаящим жизни посягающего в результате оборонительных действий, учитывая пожилую возраст и особое физическое состояние последнего, незначительную интенсивность нападения». Поэтому суд сделал вывод, что «М. действовал в состоянии необходимой обороны, но применил при этом средства защиты, явно не соответствующие нападению, и причинил посягающему вред, явно не соответствующий характеру и опасности посягательства»<sup>1</sup>. В случаях физиологического аффекта, а не «испуга», как указывает Пленум Верховного Суда РФ, ибо испуг – это начальный этап только одного из видов аффекта – страха, вызванного опасностью посягательства, а не только его «неожиданностью», как указывают законодатель и Пленум Верховного Суда РФ, обороняющийся не всегда в состоянии точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты, что может иногда повлечь и более тяжкие последствия, за которые он не может нести ответственность.

Полагаем, что редакция ч. 2<sup>1</sup> ст. 37 УК РФ нуждается в существенном изменении и дополнении, которые должны более точно отразить и психическое состояние (физиологический аффект) обороняющегося, вызванное посягательством, его опасностью и внезапностью, и особенности его психической деятельности в состоянии необходимой обороны, и правовые последствия содеянного им в состоянии аффекта и в ситуации необходимой обороны.

---

<sup>1</sup> Приговор районного суда Тюменской области по делу М. от 11 января 2013 г.; уголовное дело № 1-2/2013 // Архив Бердюжского районного суда Тюменской области за 2013 г.

В судебной практике по делам исследуемой категории достаточно часто встречаются случаи, когда, по признанию суда, «отсутствовала неожиданность посягательства», поэтому делался вывод, что обороняющийся не находился в аффективном состоянии и «мог объективно оценить степень и характер нападения». В ряде случаев спорный характер такой позиции суда вполне очевиден.

Не неожиданность посягательства сама по себе, как ошибочно указывает законодатель в ч. 2<sup>1</sup> ст. 37 УК РФ, исключает возможность «объективно оценить степень и характер опасности нападения», а вызванное этим и действительно существующее состояние аффекта у обороняющегося лица, вследствие чего его действия не могут рассматриваться как превышение пределов необходимой обороны.

Встречаются случаи, когда, правильно установив фактические обстоятельства дела, суд дает им неверную правовую оценку, квалифицируя убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ), как «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Вопрос о превышении пределов необходимой обороны нередко решается лишь на основании тяжести причиненного посягающему вреда с указанием иногда на несоразмерность применяемых обороняющимся и нападающим средств защиты и посягательства или без указания на таковое, что не соответствует требованиям закона и рекомендациям Пленума Верховного Суда РФ. Не единичны случаи, когда в приговоре отсутствует какая-либо мотивировка наличия превышения пределов необходимой обороны, если посягающему причинено столь тяжкое последствие, как лишение его жизни в состоянии необходимой обороны. Так, по делу Д., защищавшейся от избиения ее супругом взятым ею с тумбочки в комнате ножом, которым она нанесла посягающему смертельное ранение в грудную клетку, в приговоре было лишь сказано: «Действия подсудимой Д. следует квалифицировать по ч. 1 ст. 108 УК РФ, поскольку она, превысив пределы необходимой обороны, совершила убийство своего супруга». В чем же состояло превышение пределов необходимой обороны, в приговоре по делу ничего не сказано<sup>1</sup>.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. учло произошедшее изменение уголовного законодательства и иного законодательства России, так или иначе касающегося необходимой обороны. Оно содержит обстоятельные разъяснения по сложным вопросам применения этого законодательства, хотя не со всеми разъяснениями Пленума можно согласиться, как и не все его разъяснения можно признать полными и отвечающими запросам судебной практики. Так, в абз. 4 преамбулы этого постановления говорится, в частно-

---

<sup>1</sup> Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы по делу Д. от 26 марта 2012 г.; уг. дело № 1-192/12// Архив Октябрьского районного суда г. Уфы за 2012 г.



сти, о том, что институт необходимой обороны призван «обеспечить баланс интересов, связанных с реализацией... задач уголовного законодательства по охране социальных ценностей, с одной стороны, и с возможностью правомерного причинения им вреда с другой».

Необходимая оборона не предполагает «баланс интересов»: предпочтение всегда должно отдаваться благам, правам и интересам обороняющегося и иным законным интересам, которые он защищает от общественно опасного посягательства, а не благам, правам, интересам нападающего лица. Поэтому требовать «минимизации» вреда посягающему, значит исказить истинную социально-правовую природу и социальное назначение необходимой обороны как особого социально полезного института. Уголовный закон не требует, чтобы из всех имеющихся у обороняющегося средств предотвращения или пресечения общественно опасного посягательства он избирал такое, которое было бы наименее вредоносным для нападающего. Важно не то, чтобы оборона соответствовала или была соразмерна характеру и опасности посягательства, а то, чтобы она была достаточной для предотвращения или пресечения посягательства, то есть была соразмерна законной цели, которую нужно достичь, и, наоборот, не была явно несоответствующей характеру и опасности посягательства. Защищая интересы участников такого конфликта, закон отдает предпочтение охране интересов обороняющегося и тех интересов, которые он защищает как правомерные и нуждающиеся в защите.

Необходимая оборона – эффективный способ защиты любых позитивных общественных интересов, прежде всего, общественной безопасности и общественного порядка.

Нельзя также признать справедливым утверждение, что государству в лице компетентных органов следует оценивать уже реализованное право обороны не с точки зрения необходимости, а с точки зрения законности, правомерности. «Компетентные органы», по нашему разумению, должны, прежде всего, оценивать «необходимость» необходимой обороны, а потом уже ее «законность, правомерность, ибо оборона законна и правомерна, если она необходима, то есть когда она нужна людям, обществу, государству с целью защиты правоохраняемых интересов.

Необходимая оборона состоит, прежде всего, в активном противодействии общественно опасному посягательству. Имея в виду именно этот сущностный признак необходимой обороны, законодатель в ч. 3 ст. 37 УК РФ специально указал, что любой гражданин вправе прибегнуть к необходимой обороне «независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти».

Объектом данного вида убийства является человек (личность) – родовой объект, жизнь другого человека – видовой и непосредственный объект преступления. Однако при убийстве, предусмотренном ст. 108 ч. 1 УК РФ, жизни лишается только то лицо, которое совершает общественно опасное посягательство в отношении охраняемых уголовным законом благ и интересов. Причем причиняемый при этом вред посягающему должен быть явно несоразмерным (несоответствующим) характеру и опасности посягательства, в том числе и тому благу, или тем интересам, на защиту которых встал обороняющийся. Только тогда наступает превышение пределов необходимой обороны и, соответственно, возможна уголовная ответственность за этот вид «привилегированного» убийства.

Потерпевшим от этого убийства является лицо, совершающее общественно опасное посягательство. Потерпевшими от убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, могут стать также два или более лица, совершающих групповое или следующее друг за другом одиночное общественно опасное посягательство, которое можно рассматривать как единое продолжаемое посягательство, создавшее и поддерживающее состояние необходимой обороны.

Потерпевшим может быть только исполнитель общественно опасного посягательства или соучастник, действия которого близки к действиям исполнителя, например, передача пособником в момент посягательства орудия убийства.

Характерным признаком объективной стороны этого вида убийства является обстановка конфликтного взаимодействия «посягательство-защита», которая отражает внешнюю сторону состояния необходимой обороны. В этом взаимодействии «посягательство», как отмечалось, становится объективным основанием необходимой обороны, которое создает возможность и дает право на защиту правоохраняемых интересов, а «защита», связанная с причинением чрезмерного или несвоевременного вреда в условиях необходимой обороны (здесь – лишение жизни) посягающему, есть основное деяние в составе объективной стороны данного преступления.

Способы его совершения, оцениваемые в рамках динамической системы «посягательство-защита», могут влиять лишь на оценку действий обороняющегося лица как правомерных, то есть совершенных в состоянии необходимой обороны, или как противоправных, то есть совершенных при превышении ее пределов.

Время и место совершения преступления, как и способ, избранный обороняющимся, вместе с другими обстоятельствами происшествия позволяют определить соотношение сил и возможностей стороны нападения и стороны защиты и таким образом также могут повлиять на оценку поведения обороняющегося как правомерного или как противоправного.

Говоря об умышленном характере превышения пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 37 УК РФ), законодатель тем самым предопределяет умысел как форму вины причинения смерти другому человеку при указанных обстоятельствах и тем самым относит это деяние к видам убийства, совершенного при указанных в ч. 1 ст. 108 УК РФ смягчающих ответственность обстоятельствах. Обороняющийся при этом должен понимать, в крайнем случае, добросовестно заблуждаться (при «мнимой обороне»), что его действия направлены на предотвращение или пресечение общественно опасного посягательства и, что в создавшейся ситуации необходимой обороны его защитные действия явно не соответствуют характеру и опасности посягательства и заведомо ведут к причинению посягающему чрезмерного, явно несоразмерного угрожающей опасности вреда в виде смерти потерпевшего, и цели защиты тех интересов, которым угрожает посягательство.

В данном составе преступления лицо сознает не только оборонительный характер своего противодействия посягательству, но и то, что результатом его действий может стать смерть посягающего (потерпевшего) – явно излишнее последствие, не вызываемое ни характером и степенью опасности посягательства, ни обстановкой его осуществления.

Если у обороняющегося вследствие неожиданности и иного стрессогенного воздействия посягательства внезапно возникло состояние физиологического аффекта, которое не позволило ему объективно оценить характер и степень опасности нападения, то вследствие отсутствия ясности для него факта причинения чрезмерного, излишнего для предотвращения или пресечения последнего вреда, его действия, как отмечалось, не являются превышением пределов необходимой обороны, а следовательно, не могут рассматриваться как преступление, в том числе предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК РФ.

При установлении и оценке факта «эксцесса обороны» необходимо учитывать, что у человека, находящегося в этом состоянии, существенно уменьшается способность адекватно оценивать происходящее и свое поведение.

Если в состоянии аффекта вред (в данном случае – смерть) посягающему причиняется после завершения посягательства, то лицо, как отмечалось, привлекается к ответственности за причинение соответствующего вреда в состоянии аффекта (в данном случае – по ст. 107 УК РФ).

Защита своих или чужих благ и законных интересов есть не только субъективное основание необходимой обороны, но и доминирующая или основная цель действий обороняющегося и при превышении ее пределов. Именно эта цель при наличии общественно опасного посягательства на правоохраняемые интересы (или блага) вынуждает обороняющегося действовать из соображений безопасности, общественного или служебного долга, из сопереживания лицу,

ставшему объектом такого посягательства, из желания помочь жертве посягательства, недопущения или пресечения происходящей на его глазах несправедливости, делает оборону необходимой и правомерной.

Едва ли можно сравнить институт необходимой обороны с каким-либо другим институтом права по своей социальной направленности и социально-полезной значимости. Даже тогда, когда мы говорим о защите частного интереса (или блага) путем оборонительных действий, имеется в виду, что институт необходимой обороны направлен на защиту законного интереса (блага) всех и каждого в обществе, а в конечном итоге на защиту общественного интереса, не говоря уже о правомерной защите интересов общества и законных интересов государства.

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, может быть любое лицо, «независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения», достигшее 16-летнего возраста. Лица в возрасте от 14 до 16 лет за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, уголовной ответственности не подлежат.

Соучастие в данном виде убийства возможно, если каждый из соучастников осознавал, что исполнитель или исполнители совершают действия, «явно не соответствующие характеру и опасности посягательства» и обстановке, сложившейся в ситуации обороны.

Убийство при превышении пределов необходимой обороны, совершенные сотрудником правоохранительного органа или иным должностным лицом при исполнении своих служебных обязанностей следует квалифицировать только по ч. 1 ст. 108 УК РФ без совокупности со ст. 286 УК РФ, поскольку убийство при превышении пределов необходимой обороны совершается в форме превышения должностными полномочиями и полностью поглощается составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, являясь составной частью способа указанного вида убийства. Согласно принципу справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ), «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Только при реальной совокупности с превышением должностных полномочий такое убийство квалифицируется также по ст. 286 УК РФ.

Юридический анализ состава убийства, совершаемого при превышении пределов необходимой обороны, позволяет установить все основные и дополнительные признаки этого вида убийства, их особенности, которые несут отпечаток его конструктивного признака – «превышения пределов необходимой обороны», идентифицировать этот состав преступления как некую самостоятельную систему и отграничить этот вид убийства от других его видов и иных смежных посягательств на жизнь другого человека.

Целесообразно предложить законодателю необходимость выделения квалифицированного вида этого убийства – убийства двух или более лиц при превышении пределов необходимой обороны – в порядке дифференциации ответственности и обеспечения большей справедливости при назначении наказания за это преступление.

Нередкие судебные ошибки при разрешении уголовных дел данной категории некоторые ученые-юристы и правоприменители склонны объяснять несовершенством уголовного законодательства о необходимой обороне. Отчасти с этим можно согласиться. Но качество судебных решений само по себе весьма далеко от оптимального. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 призвано исправить многочисленные ошибки, возникающие при рассмотрении уголовных дел, связанных с применением уголовного законодательства о необходимой обороне, обеспечить единообразие в судебной практике по делам этой категории, прежде всего, при рассмотрении дел об убийствах, совершенных при превышении пределов необходимой обороны. Однако Пленум Верховного Суда РФ в ряде случаев не в состоянии исправить недостатки судебной практики, которые так или иначе связаны с недостатками уголовного законодательства России о необходимой обороне.

#### **4.2. Вопросы совершенствования состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации, и назначение наказания за его совершение**

---

В целях обеспечения единообразия в судебной практике по делам об убийствах, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, следует оптимизировать уголовное законодательство о необходимой обороне и превышении ее пределов, исправить, прежде всего, очевидные недостатки этого законодательства как в Общей, так и в Особенной части УК РФ, которые, по нашему мнению, «бьют в глаза» и отрицательно влияют на отправление правосудия по этой категории уголовных дел. Эти недостатки УК РФ нами уже были озвучены и их устранение было, так или иначе, обоснованно.

Замечания и предложения, сделанные нами ранее, о несовершенстве уголовного законодательства о необходимой обороне и целесообразности внесения в него соответствующих изменений и дополнений в той или иной мере нашли поддержку у опрошенных нами юристов-практиков и студентов юридических вузов. Анализируя научные труды отечественных ученых-юристов и пожелания юристов-практиков, исходя из собственного опыта исследования уголовного за-

конодательства о необходимой обороне и практике его применения, считаем целесообразным редакцию ст. 37 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 37. Необходимая оборона».

1. Действие, хотя и содержащее некоторые признаки преступления, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть с целью самозащиты, защиты благ и законных интересов другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, является правомерным и социально полезным, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

2. Превышением пределов необходимой обороны признается причинение посягающему вреда, явно не соответствующего характеру и опасности посягательства и обстоятельствам его предотвращения или пресечения, а также явно излишнего и чрезмерного для достижения законной цели, которой должно следовать лицо, находясь в состоянии необходимой обороны. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случае умышленного причинения смерти или тяжкого вреда здоровью посягающего лица.

3. Не является превышением пределов необходимой обороны защита от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося, другого лица, двух или более лиц либо с угрозой непосредственного применения такого насилия, если эта угроза сопровождается действиями, направленными на непосредственное осуществление посягательства, угрожающего таким насилием (вариант: «... действиями, дающими основание опасаться осуществления такой угрозы»).

4. Лицо, объективно превысившее пределы необходимой обороны, находясь в состоянии физиологического аффекта, вызванного посягательствами психотравмирующей ситуации, не может быть признано виновным в преступлении, если оно не могло правильно оценить характер и опасность посягательства и сложившуюся при этом ситуацию.

5. Лицо имеет право на необходимую оборону независимо от возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. При наличии к тому возможности оно может или обязано принять участие в защите правоохраняемых благ и интересов от общественно опасного посягательства и его последствий.

В случаях, специально предусмотренных законодательством, неисполнение такой обязанности влечет уголовную ответственность».

Распределив по отдельным статьям Особенной части УК РФ составы убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ), и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108.1 УК РФ), в каждой из указанных ста-

тей следует предусмотреть квалифицированный вид того и другого убийства: «Убийство двух или более лиц, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ) и, соответственно, «...при превышении пределов необходимой обороны» (ч. 2 ст. 108.1 УК РФ).

Санкция ч. 1 ст. 108 УК РФ предусматривает наказание за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, в виде исправительных работ на срок до двух лет, либо ограничения свободы на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на тот же срок.

Законодатель относит это деяние к категории преступлений небольшой тяжести, причем по характеру и степени общественной опасности даже к менее тяжким, чем некоторые другие преступления этой категории, за которые он предусматривает максимальное наказание в виде трех лет лишения свободы (например, убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление). Сравнительный анализ наказаний, предусмотренных статьями УК РФ, за убийства, совершенные при смягчающих ответственность обстоятельствах, без отягчающих и смягчающих обстоятельств, дает основание утверждать, что данный вид убийства представляет собой наименьшую опасность.

Оценивая санкцию уголовно-правовой нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 108 УК РФ, Н.Г. Вольдимарова признала неоправданным в социальном, правовом и этическом отношениях установление за совершение указанного преступления такого сурового вида наказания, как лишение свободы, и предлагает исключить его из санкции данной уголовно-правовой нормы<sup>1</sup>. По ее мнению, «назначение наказания призвано оказывать, прежде всего, позитивное психологическое и нравственное воздействие на личность осужденного и общественное сознание. Она считает, что тенденция, основанная на применении жестких мер наказания за преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны, препятствует достижению целей его назначения, поскольку порождает неверие в справедливость и законность судебных решений и способна вызвать негативный социальный резонанс в обществе...»<sup>2</sup>.

Законодатель, определяя в ч. 2 ст. 15 УК РФ деяния, относящиеся к категории преступлений небольшой тяжести, имел ввиду, что все преступления этой категории разграничиваются с преступлениями средней тяжести указанием в санкциях соответствующих уголовно-правовых норм в качестве максимального

---

<sup>1</sup> Вольдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 25-26.

<sup>2</sup> Там же. С. 26.

наказания лишение свободы, не превышающее трех лет. В санкции ч. 1 ст. 108 УК РФ срок максимального наказания в виде лишения свободы за это преступление был даже снижен до двух лет. Нельзя не учитывать и то, что речь в данной статье идет об убийстве, то есть о преступлении, которое, по словам Ю.А. Васильева, «влечет необратимые последствия и невосполнимый вред в виде наступления смерти человека»<sup>1</sup>. Недооценка такой утраты при умышленном лишении жизни другого человека даже при наиболее смягчающих ответственность обстоятельствах в уголовном законе как раз и «способна вызвать негативный социальный резонанс в обществе к закону и государству в целом». Следует также учитывать вопиющее несовершенство следственной и судебной практики, связанной с частыми ошибками при квалификации убийств, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны, которое, в основном, и «порождает неверие в справедливость и законность судебных решений».

Еще в советское время отмечалось несовершенство практики назначения наказания за преступления, совершаемые при превышении пределов необходимой обороны. Так, было указано, что по 55% изученных дел данной категории назначали виновным лишение свободы, а исправительные работы были применены лишь к 16% осужденным<sup>2</sup>. И сейчас исследователи пишут «о несовершенстве современной практики назначения наказания по делам об убийствах»<sup>3</sup>, отмечая «тенденцию, основанную на применении жестких мер наказания за преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны»<sup>4</sup>.

Едва ли также можно согласиться с мнением Н.Г. Вольдимаровой, по мнению которой «назначение наказания, прежде всего, призвано оказывать позитивное психологическое и нравственное воздействие на личность осужденного и общественное сознание»<sup>5</sup>. Есть большое сомнение, что уголовное наказание способно оказывать такое «позитивное психологическое и нравственное воздействие» «на личность осужденного», вместо тревоги и страха породить в нем удовлетворение и радость, даже когда оно справедливое, ибо справедливое для осужденного – это, прежде всего, мягкое, гуманное, а не «соразмерное характеру и степени общественной опасности преступления» наказание. Относительно строгое, но справедливое наказание, назначенное, как правило, в рамках санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 108 УК РФ, и сознанием осужденного, и особенно общественным сознанием обычно воспринимается в целом позитивно.

---

<sup>1</sup> Васильев Ю.А. Практика назначения наказания по делам об убийствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 17.

<sup>2</sup> Право на необходимую оборону. Обзор судебной практики // Бюллетень Верховного суда СССР. 1983. № 3. С. 22.

<sup>3</sup> Васильев Ю.А. Указ. соч. С. 21.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Вольдимарова Н.Г. Указ. соч. С. 26.



Заслуженное наказание это в своей основе и эффективное наказание. Нечего пенять на закон, если несовершенна практика его применения. Восстановление социальной справедливости, которое воплощается в заслуженном наказании, создает предпосылки для исправления осужденного, служит достижению общей превенции, обращенной ко всем гражданам, и специальной превенции, направленной на лицо, ответственное за совершение преступления, чтобы вызвать мотив воздержания от совершения новых преступлений.

Анализ судебных приговоров, вынесенных по делам об убийствах, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, позволил установить значительное число недочетов и нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, действующего в этой сфере осуществления уголовного правосудия.

Так, при назначении наказания Д. за убийство своего супруга, совершенное ею при превышении пределов необходимой обороны, суд учел в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, «противоправность поведения потерпевшего, послужившего поводом к совершению преступления»<sup>1</sup>.

В п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, учитывается «противоправность или аморальность поведения, явившегося поводом для преступления». Однако в соответствии с ч. 3 ст. 61 УК РФ в случаях, когда «смягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания». Ст. 108 ч. 1 УК РФ предусматривает в качестве обязательного признака преступления «общественную опасность и противоправность поведения (посягательства) потерпевшего, являющегося не «поводом», а основанием возникновения состояния необходимой обороны и совершения соответствующего преступления. Лишь в ст. 107 УК РФ «противоправность поведения потерпевшего» является «поводом» к убийству». Таким образом, «противоправность поведения потерпевшего» как смягчающее ответственность обстоятельство: во-первых, не может учитываться как смягчающее наказание обстоятельство, поскольку оно максимально учтено как признак указанного преступления, являющегося не столько поводом, сколько основанием, причиной вынужденного ответного насилия со стороны лица, виновного в убийстве при «эксцессе обороны»; во-вторых, предусмотренное в конструкции п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, оно должно быть изменено по своему содержанию и не должно ограничиваться лишь случаями, когда оно являлось «поводом для преступления». Это смягчающее наказание обстоятельство можно было бы указать в следующей редакции: «... з)

---

<sup>1</sup> Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы по делу от 26 марта 2012 г.; уг. дело № 1-1 92/12 // Архив Октябрьского районного суда г. Уфы за 2012 г.

общественная опасность, противоправность или аморальность поведения потерпевшего, содействовавшего совершению преступления».

Недопустим формальный подход при назначении наказания за совершение данного, как и любого другого вида преступления. В приведенном выше примере суд указал в приговоре, что «при назначении наказания подсудимой суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного ею деяния, личность виновной...» Но какова общественная опасность деяния, ее характер и степень, что в личности виновной может как-то повлиять на назначение ей справедливого и целесообразного наказания, в приговоре не раскрывается<sup>1</sup>.

В другом случае суд, принимая решение о назначении Д. за убийство К., совершенное при превышении пределов необходимой обороны, наказания, указал в приговоре не только то, что учитывает при этом «характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного» и другие обстоятельства совершенного преступления, но и разъяснил, что под «характером и степенью общественной опасности преступления» суд понимает то, что Д. «совершено преступление небольшой тяжести», и то, что «совершенное преступление направлено против жизни человека, конституционно закрепленного блага, как высшей ценности государства, с причинением смерти потерпевшему», а говоря об учете «личности виновного», он указал на его «молодой возраст», «положительные характеристики по месту жительства и учебы», «награждение его почетными грамотами и медалями»<sup>2</sup>.

Отмечая положительные моменты в приговоре по делу, касающиеся учета «характера и степени общественной опасности преступления» и «личности преступника» – основных величин в системе общих начал назначения наказания, нельзя не сказать о несправедливости назначенного Д. наказания в виде 1 года 4 мес. лишения свободы с реальным его отбыванием, поскольку наряду с положительными характеристиками личности подсудимого суд учел совокупность смягчающих обстоятельств: совершение впервые преступления небольшой тяжести, признание им вины, явку с повинной и активное содействие раскрытию и расследованию преступления. При отсутствии отягчающих обстоятельств и наличии совокупности смягчающих обстоятельств, данных, положительно характеризующих подсудимого, мера назначенного ему наказания не должна быть связана с лишением свободы – наиболее строгим видом наказания из четырех, предусмотренных в ч. 1. ст. 108 УК РФ, да еще с реальным его

---

<sup>1</sup> Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы от 26 марта 2012 г.; уг. дело № 1 – 192/12.

<sup>2</sup> Приговор Дзун-Хемчинского районного суда Республики Тыва по делу Д. от 9 октября от 2012 г. // Архив Дзун-Хемчинского районного суда Республики Тыва 2012 г.

отбыванием. Вопреки требованию уголовного закона (ч. 1 ст. 60 УК РФ) о том, что «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания», суд обосновал свое решение в этой части лишь тем, что раз «совершенное преступление направлено против жизни и здоровья человека», он «полагает необходимым и справедливым назначить Д. наказание в виде лишения свободы с реальным его отбыванием».

Предусматривая наказание за этот вид «привилегированного» убийства в виде исправительных работ (до 2 лет), ограничения свободы (до 2 лет), принудительных работ (до 2 лет) и лишения свободы (до 2 лет), законодатель исходил прежде всего из того, что данное преступление «направлено против жизни человека». Однако в какой мере назначенное Д. наказание связывалось с его исправлением и достижением других целей наказания, суд ничего в приговоре так и не сказал. Вследствие этого законность, справедливость и целенаправленность назначенного Д. наказания вызывает сомнение. Кроме того, нельзя забывать, как отмечалось, что согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ «наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьей 63 настоящего Кодекса..., или только если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания».

При небольшой тяжести рассматриваемого преступления, наличии данных, положительно характеризующих личность подсудимого, совокупности смягчающих обстоятельств и отсутствии отягчающих обстоятельств, лицу, совершившему убийство при превышении пределов необходимой обороны следует назначать сравнительно более мягкое наказание в пределах санкции ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Так, при назначении наказания Ж., совершившей убийство своего мужа Ж. при превышении пределов необходимой обороны, суд, учитывая «положительную характеристику подсудимой» и то, что она «имеет постоянное место жительства», «трудоустроена», «на иждивении имеет двоих малолетних и одного несовершеннолетнего детей, является их единственным кормильцем», «оказание ею «иной» помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления», «признание вины и раскаяние», «активное содействие расследованию преступления», а также учитывая «мнение потерпевшей» и отсутствие отягчающих обстоятельств, нашел возможным назначить Ж. «более мягкое наказание в пределах санкции ч. 1 ст. 108 УК РФ», назначив ей наказа-

ние в виде исправительных работ на срок в 1 год по основному месту работы с удержанием 10 процентов заработка в доход государства<sup>1</sup>.

В целом принятое судом решение о назначении Ж. «более мягкого наказания в пределах санкции ч. 1 ст. 108 УК РФ» представляется правильным, в том числе и относительно учета тех обстоятельств, что виновная «имеет постоянное место жительства» и «трудоустроена», поскольку ей предстояло назначить наказание в виде исправительных работ по месту работы. Однако указание в приговоре на такое смягчающее обстоятельство, как «оказание «иной» помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления», когда речь идет о том, что непосредственно после нанесения потерпевшему смертельного ножевого ранения она сильно расстроилась, плакала и старалась оказать ему медицинскую помощь, вызвала скорую помощь и стремилась как-то предотвратить его гибель, то есть о конкретном позитивном постпреступном поведении, которое можно было учесть как смягчающее обстоятельство, характеризующее личность подсудимой, следует признать не совсем удачным определением этого смягчающего обстоятельства как с позиции здравого смысла, так и с позиции закона.

Мнение потерпевшей (потерпевшего) при убийстве, где нет возможности услышать мнение прямой жертвы преступления или потерпевшего от преступления в уголовно-правовом его понимании, мнение косвенной жертвы или потерпевшего в уголовно-процессуальном смысле не должно, по нашему убеждению, играть сколько-нибудь значительную роль в избрании подсудимому меры наказания за совершенное им преступление. К тому же, мнение потерпевшего, как таковое, не указано среди общих начал назначения наказания (может быть, и напрасно) и само по себе не может рассматриваться как самостоятельная величина общих начал назначения наказания, тем более по такой категории уголовных дел.

Анализ практики назначения наказания по исследуемой категории дел также показывает, что некоторые судьи в качестве самостоятельных величин общих начал назначения наказания выделяют «тяжесть совершенного преступления» и одновременно «характер и степень общественной опасности совершенного преступления», а иногда и «категорию преступления».

Так, при назначении наказания М, осужденной по ч. 1 ст. 108 УК РФ, суд учел «тяжесть совершенного преступления», «характер и степень его общественной опасности» и то, что «совершенное ею преступление относится к кате-

---

<sup>1</sup> Приговор Татышлинского районного суда Республики Башкортостан от 23 января 2013 г. по делу Ж-ой; уг. дело № 1-5/2013. Архив Татышлинского районного суда Республики Башкортостан за 2013 г.

гории небольшой тяжести»<sup>1</sup>. Из сказанного можно понять, что суд рассматривал указанные понятия, как различающиеся между собой элементы общих начал назначения наказания. Но в ч. 3 ст. 60 УК РФ судам указывается на необходимость учитывать из названных понятий лишь «характер и степень общественной опасности преступления». Что касается «категории преступления», то, согласно ст. 15 УК РФ, в основе подразделения преступлений на категории по их тяжести лежит именно «характер и степень общественной опасности деяния, предусмотренного настоящим Кодексом».

Вообще под «общественной опасностью деяния», как пишет И.А. Королева, следует понимать «его свойство причинять реальный вред общественным отношениям либо в результате его осуществления предполагать объективную возможность причинения вреда»<sup>2</sup>. Общественная опасность это объективный признак и показатель преступления, его характера и степени. Но сам по себе этот признак, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, не придает деянию преступный характер и не может служить показателем тяжести преступления без учета «виновности» лица, совершившего преступление. Не удивительно, что законодатель, указав в ст. 15 УК РФ в основе подразделения преступлений на категорию «характер и степень общественной опасности деяния», на самом деле в основу их подразделения поставил и такой содержательный признак, как «виновность», то есть учел совершение преступления по умыслу или неосторожности, и формальный признак – «наказуемость», то есть вид и размер наказания (главным образом – лишение свободы), которое предусматривает УК РФ за данный вид преступления. Это и понятно, поскольку «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» (ч. 1 ст. 5 УК РФ).

Установление вины предполагает определение содержания и степени вины лица в совершенном общественно опасном и уголовно-наказуемом деянии. В связи с этим можно понять желание некоторых судей учесть при назначении наказания субъективный фактор преступления – виновность подсудимого, степень его вины в содеянном. Этим, по-видимому, и вызваны ссылки некоторых судов при назначении наказания на учет соответствующих смягчающих или отягчающих вину обстоятельств. Так, в упомянутом нами выше приговоре по обвинению М-вой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108

---

<sup>1</sup> Приговор Ярославского районного суда Ярославской области по делу М-вой от 27 декабря 2012 г.; уг. дело № 1-173 / 2012 // Архив Ярославского районного суда Ярославской области за 2012 г.

<sup>2</sup> Королева И.А. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, по российскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С.17.

УК РФ, суд при назначении ей наказания учел также «наличие смягчающих вину обстоятельств и отсутствие отягчающих вину обстоятельств», назначив ей по данной статье наказание в виде ограничения свободы сроком в 1 год и 3 мес. и установив в течение этого срока определенные ограничения.

Учет смягчающих или отягчающих вину обстоятельств, которые помогают определению степени вины лица в совершенном преступлении (его формы, вида умысла или неосторожности, степени низменности мотива и цели преступного деяния и т.п.), вместе с обстоятельствами, оказывающими существенное влияние на степень общественной опасности деяния, являются теми объективными и субъективными факторами, которые смягчают или отягчают ответственность и наказание подсудимого. Поэтому законодатель определил их как обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 63 УК РФ) или уголовную ответственность (ч. 3 ст. 61 и ч. 2 ст. 63 УК РФ). Пока это так, суд при назначении наказания за совершенное преступление должен ссылаться на обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание, а при квалификации преступлений там, где в этом есть необходимость, – на обстоятельства, смягчающие или отягчающие уголовную ответственность.

Учитывая обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, суд должен понимать, что справедливость наказания, то есть его соответствие характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного, во многом зависит от обстоятельств, характеризующих деяние, и лица, его совершившего (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Среди обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, есть только те обстоятельства, которые характеризуют или деяние (преступление) или личность виновного. Это вытекает из смысла того положения, которое предусматривается в ч. 3 ст. 60 УК РФ и заключается в словах: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание...». Необходимо лишь подразделить эти обстоятельства на те, что отражают степень общественной опасности (и виновности) преступления – с одной стороны, и опасность или степень опасности личности виновного, его потенциальную способность и готовность к исправлению – с другой. Первые из них играют основную роль при определении заслуженного наказания, поскольку основным мерилom наказания должно быть само совершенное деяние. Вторые в большей мере должны служить показателями эффективности будущего наказания, помочь суду прогнозировать возможность исправления виновного в определенных условиях отбывания того или иного наказания.

Например, при назначении наказания М. за совершенное им убийство при превышении пределов необходимой обороны, суд учел: «характер и сте-

пень общественной опасности совершенного им преступления, которое является умышленным и относится к категории небольшой тяжести»; «личность подсудимого, который ранее не судим»; «имеет на иждивении двоих малолетних детей»; «по месту жительства характеризуется положительно»; «к административной ответственности не привлекался»; «на учете у врачей нарколога и психиатра не состоял»; «жалоб на него не поступало»; «является активным участником региональной общественной организации азербайджанцев «Мост дружбы»; «замечаний по поведению не имеет»; «общественный порядок не нарушал».

В качестве обстоятельств, смягчающих наказание подсудимому, суд также учел «наличие у М. двоих малолетних детей», «противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления», «явку с повинной», «признание вины», «активное содействие расследованию преступления», «раскаяние в содеянном».

При изложенных обстоятельствах суд назначил М. наказание в виде исправительных работ на срок в 1 год 8 мес. с удержанием из заработка осужденного в доход государства 10%. В соответствии со ст. 73 УК РФ это наказание суд указал «считать условным с испытательным сроком на 1 год»<sup>1</sup>.

Анализ обстоятельств происшествия и обстоятельств, характеризующих личность виновного, которые также должны быть учтены в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, или обстоятельств, оказывающих влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, указанных в приведенном выше приговоре по конкретному делу, дает возможность в единичном видеть нечто общее, что обнажает определенные типичные плюсы и минусы, характерные для практики применения наказания за совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны.

Во-первых, общие начала назначения наказания, учет которых, по мнению законодателя (ст. 60 УК РФ), призван гарантировать справедливое наказание за совершенное преступление, представляют собой единую целостную систему, в которой одни обстоятельства составляют основу, ядро, наиболее важную часть данной системы. Это обстоятельства, отражающие характер и степень общественной (и субъективной) опасности совершенного преступления, которые, в первую очередь, влияют на оценку содеянного как обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание. От их наличия и соотношения (по количественным и, в большей мере, по качественным характеристикам) в подсистеме этих обстоятельств в решающей степени зависит общее смягчение или отягчение (уже сточение) наказания в пределах, предусмотренных соответствующей статьей

---

<sup>1</sup> Приговор Бердюжского районного суда Тюменской области по делу М. от 11 января 2013 г.; уг. дело №1-2/2013 Архив Бердюжского районного суда Тюменской области за 2013 г.

Особенной части УК РФ, а в случаях, предусмотренных ст. 64 УК РФ, – назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. Следующую, более низкую ступеньку в структуре общих начал назначения наказания занимают обстоятельства, характеризующие личность виновного, прежде всего, те из них, которые проявились в совершенном преступлении, а также те, что способны оказать влияние на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Из приговора по делу М. системный подход при назначении наказания виновному отсутствует. Вместо этого в нем дается некий бессистемный набор обстоятельств, которые, по мнению суда, в разной мере характеризуют деяние и личность виновного и могут влиять на смягчение наказания либо на выбор оптимального наказания, способного создать благоприятные условия для исправления осужденного или существенно ухудшить условия жизни его семьи, а также обстоятельства, не способные как-то повлиять на назначение заслуженного и эффективного наказания. Правда, указывая на «учет характера и степени общественной опасности совершенного преступления», суд правильно разъяснил, что совершенное М. преступление относится к категории небольшой тяжести и было умышленным, поскольку ч. 2 ст. 15 УК РФ относит к категории небольшой тяжести как умышленные, так и неосторожные преступления. Вполне справедливо было бы указать и на объект посягательства, на то, что им является жизнь человека – особо ценное благо, защита которого стоит на первом месте в Особенной части УК РФ. Если обратиться непосредственно к перечню обстоятельств, которые суд учел при назначении наказания по данному делу, то в нем перечисляются в беспорядке и обстоятельства, характеризующие личность виновного, – «ранее не судим», «по месту жительства характеризуется положительно», «является активным участником региональной общественной организации азербайджанцев «Мост дружбы» – и обстоятельства, способные оказать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, – «наличие у М. двух малолетних детей», хотя в приговоре оно ошибочно отнесено к обстоятельствам, смягчающим наказание (к деянию это обстоятельство не имеет никакого отношения), и обстоятельства, собственно смягчающее наказание, – «противоправное поведение потерпевшего, явившегося поводом для преступления», «явка с повинной», «признание вины», «активное содействие расследованию преступления» и «раскаяние в содеянном», обстоятельства, которые едва ли следовало выделять при назначении М. наказания, – «к административной ответственности не привлекался», «жалоб на него не поступало», «замечаний по поведению не имеет»; «общественный порядок не нарушал», «на учете у врачей нарколога и психиатра не состоял».



Суд, используя разрешение законодателя учитывать в качестве смягчающих обстоятельства, непосредственно не предусмотренные в уголовном законе (ч. 2 ст. 61 УК РФ), проявил ненужную изобретательность в данном деле и помимо того, что при назначении М. наказания учел в качестве смягчающих такие обстоятельства, как «явка с повинной», «активное содействие расследованию преступления» и «раскаяние в содеянном», еще и «признание вины», как будто без признания вины в принципе возможны все три предыдущих акта позитивного постпреступного поведения, в которых признание вины предполагается, как обязательный первоначальный шаг «повинившегося» и «раскаявшегося» преступника, который к тому же активно способствует расследованию преступления.

Еще большую «изобретательность» проявил суд при определении обстоятельств, характеризующих личность виновного. Наряду с положительной характеристикой М., его активной позитивной общественной деятельностью, суд указал также на такие самостоятельные обстоятельства: «к административной ответственности не привлекался», «общественный порядок не нарушал», «жалоб на него не поступало», «замечаний по поведению не имеет», что может служить лишь подтверждением положительной социальной характеристики виновного.

Указание же в приговоре на то, что М. «на учете у врачей нарколога и психиатра не состоял», нередко встречающееся в приговорах по делам данной категории, вызывает недоумение. В данном приговоре повторилась та же ошибка, о которой ранее нами уже было сказано при анализе решения о наказании виновного по другому делу рассматриваемой категории, – о признании в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, «противоправного поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления», где автор уже разъяснил, что это смягчающее обстоятельство предусмотрено ч. 1 ст. 108 УК РФ «в качестве признака преступления» и согласно ч. 3 ст. 61 УК РФ «не может повторно учитываться при назначении наказания».

Об этом же, в сущности, говорится, например, в кассационном определении по делу Ш., осужденного по ч. 1 ст. 108 УК РФ к 8 месяцам ограничения свободы. Отвечая на доводы адвоката осужденного, выразившего в своей жалобе несогласие с приговором суда в части назначения наказания подзащитному в том, что при назначении наказания Ш. «суд не учел неправомерное поведение потерпевшего», кассационная судебная инстанция не признала их обоснованными и указала, что «противоправное поведение потерпевшего установлено судом как одно из обстоятельств объективной стороны преступления, обусловившее квалификацию содеянного по ч. 1

ст. 108 УК РФ, поэтому не подлежит повторному учету при назначении наказания»<sup>1</sup>.

Иногда суды неправильно признают в качестве отягчающего обстоятельства «наступление тяжких последствий» (п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ) в виде смерти потерпевшего, хотя это обстоятельство является необходимым признаком состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, и поэтому не должно дополнительно учитываться как отягчающее обстоятельство. Вместе с тем считаем правильным, когда суд при назначении наказания за данный «привилегированный» вид убийства, ссылаясь на характер и степень общественной опасности преступления, учитывает не только категорию преступления, но и намеренное (умышленное) причинение смерти другому человеку, то есть посягательство на самый ценный (согласно Конституции РФ и УК РФ) объект охраны – жизнь человека, поскольку в определении категорий преступления допускается различная степень вины (в зависимости от формы вины) и различные по своей ценности объекты посягательства.

Таким образом, при назначении наказания за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, допускаются следующие типичные ошибки, препятствующие назначению справедливого и соответствующего требованиям уголовного закона наказания.

Во-первых, в нарушение ч. 1 ст. 60 УК РФ нередко необоснованно назначается более строгий вид наказания (например, лишение свободы или ограничение свободы вместо исправительных работ) в случаях, когда менее строгий вид наказания способен обеспечить достижение целей наказания.

Во-вторых, при назначении наказания за такое убийство отсутствует системный подход, когда в первую очередь необходимо учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления и, соответственно, обстоятельства, характеризующие деяние и способные в связи с этим существенно повлиять на наказание, а затем учитывать личность виновного и обстоятельства, характеризующие его и поведение лица до и после совершения убийства, а затем учитывать обстоятельства, способные оказывать воздействие назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Непонимание структуры общих начал назначения наказания мешает реализации принципа справедливости и достижению целей наказания на стадии его назначения.

---

<sup>1</sup> Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Бурятия по делу Ш. от 10 января 2013 г., уг. дело № 22-2700 // Архив Верховного суда Республики Бурятия за 2013 г.

В-третьих, учитывая характер и степень общественной опасности преступления при назначении наказания за данное преступление, суд иногда не учитывает то, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести, а если и учитывает это обстоятельство, то не учитывает такие обстоятельства, как умышленный характер его совершения и его направленность на особо ценный объект посягательства – на жизнь человека, которые позволяют учесть в назначенном наказании степень вины и степень общественной опасности совершенного преступления.

В-четвертых, нередко суд учитывает в качестве обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, те обстоятельства, которые уже учтены в ч. 1 ст. 108 УК РФ в качестве признака преступления и сами по себе повторно не могут учитываться при назначении наказания (например, «противоправное поведение потерпевшего», вызвавшее ответные действия обороняющегося, или «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления»).

В-пятых, используя положение, предусмотренное ч. 2 ст. 61 УК РФ, о том, что «при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи», суды часто учитывают в качестве самостоятельных такие обстоятельства, которые, по своей сути, не способны оказывать влияние на смягчение наказания либо лишь повторяют или дополняют содержание уже учтенных судом обстоятельств, характеризующих личность или облегчающих прогнозирование условий исправления осужденного при назначении соответствующего наказания.

Наибольшее отрицательное воздействие на способность суда назначить справедливое наказание, как показывает анализ приговоров по делам исследуемой категории, оказывает то, что он не выполняет обязанность выяснять все фактические обстоятельства, имеющие значение для правильной квалификации совершенного преступления, или при установлении этих обстоятельств не может дать им правильную юридическую оценку, что, естественно, влечет назначение несправедливого наказания в рамках санкции статьи УК РФ, которая ошибочно вменяется виновному либо не устанавливает все те обстоятельства, которые имеют значение для назначения наказания при правильной квалификации содеянного. Возвращение дела на доследование даже там, где этого требует закон, как и вынесение оправдательного приговора, – крайне редкие виды судебных решений.

Несправедливость приговоров судов нередко связана со сложностью ситуаций, в которых совершаются рассматриваемые преступления, неполнотой собранных на предварительном следствии и в судебных заседаниях данных, что не позволяет в ряде случаев восстановить в полной мере реальную обстановку и другие обстоятельства этого вида убийства, правильно квалифицировать и подготовить судей для рассмотрения таких дел. Нельзя исключать и коррупционную составляющую судейского усмотрения при решении вопросов установления виновности и назначения наказания виновным, поскольку речь идет об убийствах, сама ответственность, пределы ответственности и наказания за которые, зависят от добросовестности следователей и судей, их способности правильно оценить имеющиеся в деле обстоятельства, в том числе исключаящие преступность деяния, смягчающие или отягчающие ответственность или наказание за содеянное.

**ГЛАВА V.**  
**ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО,**  
**СОВЕРШЕННОЕ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ МЕР,**  
**НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА,**  
**СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ**  
**(ЧАСТЬ 2 СТАТЬИ 108 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА**  
**РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

**5.1. Вопросы исторического становления и развития**  
**института убийства, совершенного при превышении мер,**  
**необходимых для задержания лица, совершившего преступление,**  
**конструктивные признаки и особенности состава преступления,**  
**предусмотренного частью 2 статьи 108 Уголовного кодекса**  
**Российской Федерации**

---

Первое упоминание о задержании преступника в российском уголовном законодательстве содержится в Соборном Уложении 1649 г., причем в тех же нормах, что и необходимая оборона. Задержание преступника и необходимую оборону в некоторых случаях признавали юридической обязанностью. Согласно ст. 1471 Соборного Уложения об ответственности за «смертоубийство», «нанесение ран» и «изувечий при исполнении обязанностей», освобождались от ответственности «стражи при покушении заключенного к побегу из тюрьмы или из-под стражи».

Артикул Петра I 1715 г. не содержал положения о праве на задержание преступника и сам этот вид правомерного поведения.

Дореволюционное законодательство царской России не содержало указаний об ответственности и квалификации действий лица, которое причинило при задержании лицу, совершившему преступление, вред. В отечественном уголовном законодательстве этот вид убийства, совершенного при смягчающих обстоятельствах, появился впервые в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.

Ст. 145 УК РСФСР 1922 г. впервые признала наказуемым убийство лица, совершившего преступление, застигнутого на месте преступления, «с превышением необходимых для его задержания мер». Как справедливо отмечает Г.Н. Борзенков, особенность этой нормы об убийстве при задержании преступника заключалась в том, что: ответственность за совершение такого убийства в ней была сопряжена с убийством при превышении пределов необходимой обороны, что не позволяло определить собственные границы необходимости (правомерности) задержания преступника, сопряженного с причинением вреда задерживаемому; ответственность за насильственное задержание преступника смягчалось лишь при убийстве последнего, когда он «застигнут на

месте преступления»; отсутствие указания на форму вины допускало возможность привлечения к уголовной ответственности и за неосторожное лишение жизни задерживаемого, поскольку законодатель признавал убийством как умышленное, так и неосторожное причинение смерти другому человеку<sup>1</sup>. Отсутствие в Общей части УК РСФСР 1922 г. нормы, определяющей понятие и признаки (основания и условия) правомерного причинения вреда при задержании преступника (состояние необходимости насильственного задержания преступника) и сопряженности убийства «с превышением необходимых при его задержании мер» с убийством при превышении пределов необходимой обороны, не позволяли признать институт задержания как самостоятельный институт уголовного права и самостоятельное обстоятельство, исключаящее, а в случаях превышения пределов необходимости задержания – смягчающее ответственность и наказание обстоятельство.

В уголовных кодексах РСФСР 1926 г. и 1960 г. институт задержания преступника и нормы об ответственности за причинение тяжкого или особо тяжкого вреда при задержании преступника «с превышением необходимых для его задержания мер» не нашли своего отражения. В судебной практике эти вопросы разрешались на основании разъяснений Пленумом Верховного Суда СССР в 1956, 1969, 1977 и 1984 гг.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении уголовной ответственности за хулиганство» говорилось о том, что действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, не влекут уголовной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику<sup>2</sup>.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» предусматривалось, что действия сотрудников милиции, природоохранительных органов, народных дружинников и граждан, выполняющих свой служебный и общественный долг по задержанию преступников, следует рассматривать, как совершенные в состоянии необходимой обороны<sup>3</sup>.

Согласно Закону Советского Союза от 6 марта 1991 г. «О советской милиции», сотрудники милиции, выполняющие свои служебные обязанности по выявлению и розыску лиц, совершивших преступления, скрывающихся от следствия, дознания и суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, или осуществлению задержания таких лиц, имеют право применять в необходимых

---

<sup>1</sup> Борзенков Г.Н. Указ. соч. С. 151-152.

<sup>2</sup> Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 32. С. 699.

<sup>3</sup> Бюллетень Верховного Суда СССР. 1973. № 30. С. 674.

случаях силу, а в случаях и в порядке, предусмотренных ст. 14 и 15 Закона, – специальные средства и оружие (ст. 11 п. 9 Закона). Применению специальных средств при задержании преступника, исключая необходимость задержания лиц, подозреваемых в совершении умышленных преступлений, должно предшествовать предупреждение о намерении применить такие средства (ст. 4 Закона), а применению оружия, не исключая случаев задержания подозреваемого в совершении умышленного преступления, – предупреждение о намерении его применить (ст. 15 Закона). Запрещалось применять оружие в отношении женщин и несовершеннолетних, а специальные средства – в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности и малолетних, кроме случаев оказания задерживаемыми вооруженного сопротивления<sup>1</sup>.

Таким образом, личному составу внутренних войск и сотрудникам милиции предоставлялось право применять оружие лишь для задержания лиц, оказывающих вооруженное сопротивление при задержании либо застигнутых при совершении тяжкого преступления, а также преступников, совершающих побег из-под стражи. В соответствии со ст. 7 Закона СССР от 26 марта 1990 г. личный состав внутренних войск для задержания указанных лиц, совершивших преступления, может применять оружие в исключительных случаях в качестве крайней меры, когда другими способами и средствами подавить сопротивление и задержать преступника невозможно. В законе же от 6 марта 1991 г. говорилось о праве сотрудника милиции в качестве крайней меры применять оружие для выполнения своих обязанностей, в том числе для задержания в необходимых случаях преступника (ст. 15 Закона).

В международном уголовном праве, например, в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка<sup>2</sup>, предусматривается, что последние при проведении правомерного задержания преступника или иные лица при оказании помощи в таком задержании вправе применять силу, которая является разумно необходимой при данных обстоятельствах, «в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей»<sup>3</sup>. Когда задерживаемый оказывает вооруженное сопротивление либо другие меры, имеющие менее исключительный характер, для задержания недостаточны, допускается применение оружия<sup>4</sup>.

Согласно ст. 8 закона от 6 марта 1991 г. «О Советской милиции», общественные объединения, трудовые коллективы и граждане СССР обязаны были

---

<sup>1</sup> Известия. 1991. 18 марта.

<sup>2</sup> Социалистическая законность. 1990. № 1. С. 72.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Социалистическая законность. 1990. № 1. С. 72-73.

оказывать помощь милиции, всемерно содействовать ей в охране общественного порядка. По смыслу Закона от 26 марта 1990 г. при охране общественного порядка участие народных дружинников и иных лиц в задержании лица, совершившего преступление, оказывающего вооруженное сопротивление либо застигнутого при совершении преступления или совершающего побег из-под стражи, рассматривалось как выполнение ими общественного долга по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, за исключением специальных случаев применения табельного оружия.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. предусмотрели задержание лица, совершившего преступление, в качестве самостоятельного вида правомерного социально полезного поведения. В ст. 24 Основ 1991 г. говорилось: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но направленное на задержание лица в момент или непосредственно после совершения им преступления в целях передачи задержанного органам власти, если при этом не было допущено явного несоответствия мер задержания характеру и степени общественной опасности содеянного и обстоятельствам задержания».

Таким образом, история развития отечественного уголовного законодательства о задержании преступника и практика его применения показали, что правовая оценка таких деяний, как актов необходимой обороны или превышения ее пределов, не учитывала того, что «отдельные признаки действий по задержанию преступника хотя и совпадают с необходимой обороной, однако в совокупности они отражают качественное своеобразие задержания преступника, позволяющее выделить его в самостоятельный вид правомерного поведения наряду с необходимой обороной<sup>1</sup>, а также целесообразность включения в Уголовный кодекс РФ нормы о правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния<sup>2</sup>, и в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность и наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Сущность и социальное назначение необходимой обороны и задержания преступника, обстоятельства причинения вреда, а, следовательно, основания и пределы применения мер защиты и мер задержания настолько отличаются, что не позволяют рассматривать их по одним правилам. Приравнивая задержание преступника к необходимой обороне в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. и в указанных постановлениях Пленума Верховного

---

<sup>1</sup> Баулин Ю.В. Право граждан на задержание преступника. Харьков, 1986. С. 17.

<sup>2</sup> Королева И.А. Указ. соч. С. 15.



Суда СССР, законодатель и высший судебный орган страны не только распространили ее правила на действия лиц, осуществляющих задержание в момент совершения задерживаемым общественно опасного, а не только преступного посягательства, но и на случаи задержания, осуществляемого непосредственно после предотвращения или пресечения, одним словом, после окончания такого посягательства, в момент, когда, как указал сам Пленум, состояние необходимой обороны фактически прекращается<sup>1</sup>.

В отличие от ст. 38 УК РФ в Основах 1991 г. не указывалась такая цель задержания как пресечение возможности совершения задерживаемым лицом новых преступлений. Согласно ст. 24 Основ 1991 г., задержание совершается «в момент или непосредственно после совершения задерживаемым преступления, но всегда в конечном итоге после окончания или пресечения совершаемого им преступного посягательства. На это обстоятельство ясно указывает уже само название данного вида правомерного поведения, именуемого в заголовке статьи как «задержание лица, совершившего преступление». Указание в ст. 24 Основ 1991 г. на правомерность задержания именно «в момент или непосредственно после совершения» преступления задерживаемым – результат поиска законодателем обстоятельств, которые бы со всей очевидностью свидетельствовали о причастности жертвы задержания к совершенному им преступлению.

Под «превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», в Основах 1991 г. (само название эксцесса задержания преступника там отсутствует) понимается «явное несоответствие мер задержания характеру и степени общественной опасности содеянного и обстоятельствам задержания». В этом определении указывается лишь на явную несоразмерность действий лица, осуществляющего задержание, «характеру и степени общественной опасности преступления», совершенного задерживаемым лицом, а также «обстоятельствам задержания», но ничего не сказано о причинении «без необходимости явно чрезмерного не вызываемого обстановкой вреда». Однако положения ст. 24 Основ 1991 г., связанные с оценкой правомерности задержания и причинением вреда жизни и здоровью подвергнувшегося задержанию лица, в отечественном уголовном законодательстве не получили своего развития вплоть до принятия нового Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, становится правомерным и социально полезным лишь тогда, когда есть необходимость в задержании преступника и если при этом «не были превышены меры, необходимые для такого задержания».

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5. С. 10.

Задержание преступника, таким образом, правомерно постольку, поскольку оно необходимо, а причинение при этом вреда задерживаемому является вынужденным, допускаемым, прежде всего, «в целях его задержания для доставления в органы власти». Подобно актам необходимой обороны и крайней необходимости задержание лица, совершившего преступление, причинение при этом уголовно-наказуемого вреда допустимы и желательны, если они совершаются в состоянии необходимости задержания преступника.

Превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, как конструктивный элемент состава убийства, предусмотрен ч. 2 ст. 108 УК РФ.

Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, происходит в момент нахождения задерживаемого лица в состоянии необходимости задержания преступника, когда и действия этого лица, и причинение смерти задерживаемому образуют превышение пределов такой необходимости. Превышение пределов необходимости задержания преступника, другими словами превышение мер<sup>1</sup>, необходимых для его задержания, как его именует законодатель, является конструктивным элементом данного состава убийства. При наличии этого элемента и его доминирующего влияния на другие элементы и признаки состава убийства, существенно затрагивающего психологическую деятельность и внешнюю подструктуру поведения убийцы, содеянное должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 108 УК РФ. Превышение, как отмечалось, имеет место лишь тогда, когда лицо, осуществляющее задержание преступника, в момент его убийства, находясь в состоянии соответствующей необходимости, выходит при этом за границы дозволенного в своих действиях и их последствиях.

Применительно к рассматриваемому обстоятельству наиболее удачным представляется определить его как «необходимость задержания преступника», а в качестве смягчающего ответственность или наказание обстоятельства – «превышение необходимости задержания преступника». В таком случае, среди правомерных и социально-полезных деяний не окажется (как сейчас) деяния, именуемого «причинением вреда при задержании лица, совершившего преступле-

---

<sup>1</sup> В определенном смысле «мера» – это «предел, граница проявления чего-нибудь» (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 350). Поэтому понятия «превышение пределов необходимости» и «превышение мер, необходимых для...» означают по существу одно и то же, а именно: «выход за пределы нужного, допустимого, разрешенного; сделать что-нибудь, больше чем требуется» (Там же «превышение» (С. 579); «предел» (С. 580); «необходимость» (С. 408). Однако по аналогии с понятиями «превышение пределов необходимой обороны» или «превышение пределов крайней необходимости» логичнее было бы использовать в данном случае понятие «превышение пределов необходимости задержания преступника».

ние» (преступника), из названия которого скорее можно усмотреть не социальную полезность, а общественную опасность и вредоносность такого поведения. В то же время следует связать правомерность и социальную полезность задержания преступника, в первую очередь, не с тяжестью и характером причиняемого ему вреда, а с целями действий задерживающего лица (задержание лица, совершившего преступление, «для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений»).

Согласно ч. 1 ст. 38 УК РФ, «не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер».

В ч. 2 ст. 38 УК РФ определяется понятие «превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», под которым законодатель понимает «явное несоответствие» этих мер характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда». К сожалению, законодатель не указал напрашивающегося дополнения к последнему предложению данной уголовно-правовой нормы: «...и только в случаях, специально предусмотренных в Особенной части настоящего Кодекса».

В статьях Особенной части УК РФ предусматриваются лишь два таких специальных состава: убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ), и умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда при аналогичных обстоятельствах (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Состояние необходимости задержания преступника это фактически возникающая и существующая система вне зависимости от того, указывает ли на это законодатель или нет, основу которой составляет конфликтное взаимодействие лица, производящего насильственное задержание, и лица, задерживаемого за соответствующее преступление и оказывающего противодействие задержанию. Обязательной предпосылкой и составной частью данной системы является наличие необходимости в таком задержании, связанном с причинением уголовно-наказуемого вреда, которая возникает лишь в случае совершения задерживаемым преступления, допускающего его насильственное задержание и не образующего «явного несоответствия характеру и степени общественной опасности совершенного им преступления». Это комплекс или целостное единство признаков объективного и субъективного характера, включающее в себя, наряду

с внешним поведением и соответствующей психической деятельностью, связанной с осуществлением задержания, также поведение самого задерживаемого преступника, препятствующие задержанию криминогенно-виктимные свойства его личности и условия, в которых происходит задержание, оказывающие непосредственное воздействие на позицию задерживающего и задерживаемого в конкретной обстановке задержания.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, и сами насильственные действия по его задержанию исходят из правомерности осуществления самого акта задержания. Эти действия должны быть необходимыми, поскольку правомерное задержание преступника – всегда необходимое, всегда вынужденное, и меры по его задержанию «должны быть вызваны необходимостью задержания»<sup>1</sup>.

Умышленное лишение жизни преступника при его задержании предполагает осознание задерживаемым лицом того, что «иного выхода нет»<sup>2</sup>. Необходимость причинения наиболее опасного вреда при задержании преступника вызывается совершением задерживаемым тяжкого и наиболее тяжкого преступления, как правило, связанного с насильственным посягательством на жизнь и причинением тяжкого вреда здоровью, а также таким его поведением при задержании и такими обстоятельствами задержания, которые показывают, что «иными средствами задержать такое лицо не представляется возможным» (ч. 1 ст. 38 УК РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 сказано, что при рассмотрении данной категории уголовных дел судам следует «выяснить обстоятельства, свидетельствующие о невозможности иными средствами задержать лицо». В случае совершения преступления несколькими лицами причинение вреда возможно только в отношении тех соучастников, которых задержать иными средствами не представлялось возможным» (п. 21).

Оперативный дежурный ОВД, получив сообщение о том, что Ю. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 116 УК РФ, направил на его задержание сотрудников милиции А. и С. Когда последние прибыли по указанному в сообщении адресу, где находился Ю., тот закрылся в помещении бани и отказался проехать с ними в ОВД для разбирательства по существу сообщения. А. и С., используя кувалду, выбили переднюю часть дверей бани и пытались насильно вывести или вынести Ю. из бани, чтобы доставить его в ОВД. Но он оказал им сопротивление, отталкивал их, наносил им удары руками и ногами, отбивался от них кирпичами, чтобы избежать задержания. Когда сотрудникам милиции

---

<sup>1</sup> Тишкевич И.С. Борьба с преступностью – дело каждого. Минск, 1979. С. 33; Якубович М.И. Необходимая оборона и задержание преступника. М., 1976. С. 50.

<sup>2</sup> Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 222.

удалось вывести задерживаемого из помещения бани, он продолжал наносить задерживаемым его А. и С. удары руками и ногами, пытался вырваться от них и убежать. Несмотря на то, что, как говорится в приговоре по делу, «своими действиями, направленными на то, чтобы избежать задержания, Ю. никакой непосредственной и реальной опасности для жизни и здоровья А. и С. не создавал», последние, вместо того, чтобы «свести к минимуму причинение задерживаемому вреда при силовом задержании», поскольку он задерживался за преступление небольшой тяжести – самой минимальной категории преступлений, «превысили меры, необходимые для задержания лица, совершившего преступление, поскольку их действия явно не соответствовали характеру и степени опасности совершенного задерживаемым Ю. преступления и обстоятельствам его задержания, и причинили ему без достаточной необходимости явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред, а именно: тупую травму тела в виде закрытой тупой травмы груди с двухсторонними переломами девяти (2-9) ребер по различным анатомическим линиям, перелом грудины, ушиб переднего средостения с кровоизлияниями в загрудинную клетчатку, закрытую тупую травму живота с ушибами органов брюшной полости с кровоизлияниями в брыжейку и стенки кишечника, разрыв брыжеечной вены с развитием забрюшной гематомы и гемоперитонеума и др.

Избитого и полуживого Ю. на милицейской автомашине А. и С. доставили в ОВД, откуда он вскоре на автомашине скорой медицинской помощи был доставлен в районную больницу, где скончался от несовместимых с жизнью телесных повреждений, полученных им во время задержания.

Кассационная судебная инстанция оставила приговор суда в части квалификации действий А. и С. по ч. 2 ст. 108 УК РФ без изменения<sup>1</sup>.

Так трагически закончилась для Ю. история с того момента, когда он брызнул из газового баллончика в лицо малолетнего ребенка, которому, согласно ч. 1 ст. 116 УК РФ, он причинил физическую боль, не повлекшую причинения даже легкого вреда его здоровью, а при задержании его за это минимальное уголовно-наказуемое насилие был смертельно избит сотрудниками правоохранительного органа, стремившимся во что бы то ни стало задержать преступника и доставить в ОВД. Получилось, как говорится, «много шума из ничего», или «на ровном месте» разыгралась смертельная драма «при смягчающих обстоятельствах».

Приведенный пример дает пищу для размышлений. Напрашиваются весьма злободневные вопросы: так ли уж справедлива и совершенна правовая

---

<sup>1</sup> Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 16 июня 2011 г. Архив Краснокамского городского суда Пермского края за 2011 г.; дело № 22-3972-2011.

система, которая позволяет представителям власти, используя формально законное основание, но малозначительное обстоятельство (совершение в прошлом лицом преступления небольшой или даже средней тяжести) во что бы то ни стало, даже путем лишения жизни или причинения тяжкого вреда здоровью этого лица, задерживать его и при этом еще надеяться на снисхождение (смягчение ответственности) или признание изначально и по результатам правомерными, фактически ненужных и по существу общественно опасных действий, связанных с задержанием такого «преступника»? А действительно ли наше законодательство, регламентирующее правила задержания лица, совершившего преступление, и осуществление такого задержания должностными лицами или гражданами при превышении мер, необходимых для задержания, то есть при смягчающих ответственность обстоятельствах, позволяет применять задерживающим лицом к задерживаемому насилие, заведомо опасное для жизни или связанное с причинением ему тяжкого вреда, ради задержания и доставления в органы власти? Не путаем ли мы законодательство о задержании преступника с законодательством о необходимой обороне, а юридическую и социально-психологическую природу первого деяния с последним, при котором наличие любого общественно опасного посягательства и вызванного им состояния необходимой обороны изначально дает основание обороняющемуся в меняющейся ситуации причинять вред посягающему для предотвращения или пресечения посягательства либо его повторения?

Несмотря на некоторую схожесть социально-правовой природы задержания преступника и необходимой обороны, а следовательно, и превышения соответствующей необходимости при осуществлении того и другого деяния, они в деталях и в целом значительно различаются между собой.

Превышение пределов необходимой обороны есть умышленные действия лица, находящегося в состоянии необходимой обороны, которые явно не соответствуют характеру и опасности совершаемого посягательства, а превышение мер, необходимых для задержания преступника (превышение пределов необходимости его задержания) – умышленные действия задерживающего, явно не соответствующие характеру и опасности совершенного задерживаемым преступления; в отличие от превышения пределов необходимой обороны, превышение мер, необходимых для задержания преступника, законодатель связывает также с причинением задерживаемому без необходимости явно чрезмерного, не вызываемого обстановкой вреда; для того чтобы причинение вреда при задержании преступника было правомерным (ч. 1 ст. 38 УК РФ), как и при крайней необходимости (ч. 1 ст. 39 УК РФ), требуется, чтобы насилие к потерпевшему в таких случаях применялось в исключительных случаях, когда «иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным».

По сути дела, и состояние необходимой обороны, и превышение ее пределов – непосредственно действующая система, существующая пока существует посягательство (нападение), требующее защиты правоохраняемых интересов любыми средствами, целиком продиктованными необходимостью предотвратить или пресечь посягательство, не допустить его повторения в данной конкретной ситуации. Что касается состояния необходимости задержания преступника и превышения ее пределов, то здесь следует учитывать допустимость причинения уголовно-наказуемого вреда, соразмерного совершенному им ранее преступлению и то, что лицо противодействует задержанию или пытается его избежать. Требование того, чтобы при задержании преступника вред последнему причинялся лишь тогда, когда «иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным», подтверждает правильность и справедливость позиции Пленума Верховного Суда РФ, который в п. 22 постановления от 27 сентября 2012 г. рекомендует судам при рассмотрении уголовных дел данной категории исходить из того, что задержание лица, совершившего преступление, должно сопровождаться «минимальным причинением вреда задерживаемому».

Таким образом, при задержании преступника характер и опасность совершенного им в прошлом преступления является первоначальным и основным показателем допустимого при насильственном задержании вреда задерживаемому. Противодействие же (активное или пассивное) последнего задержанию в конкретной обстановке – лишь производный показатель предельно допустимого вреда, который позволяет определить, соблюдалось ли в том или ином случае правило, согласно которому «иными средствами задержать лицо, совершившее преступление не представлялось возможным». Кроме того, минимальная опасность совершенного преступления (преступление небольшой или средней тяжести) не создает изначально состояния необходимости задержания преступника путем лишения его жизни – максимально опасного деяния и причинения ему наиболее тяжкого вреда здоровью. Причинение такого вреда задерживаемому лицу может быть правомерным деянием лишь при совершении им тяжкого или особо тяжкого преступления или при задержании особо опасного преступника, когда задержать такое лицо путем минимально необходимого причинения вреда не представлялось возможным. В связи с этим нельзя не согласиться с Л.Л. Кругликовым, по мнению которого «при задержании лица причинение ему смерти недопустимо, поскольку смысл института задержания состоит в доставлении преступника органам власти, чтобы он предстал перед правосудием. Лишение жизни задерживаемого – крайняя мера, применяемая по фактам совер-

шения только тяжких преступлений и задержания особо опасных преступников, когда задержать их иным путем не представляется возможным»<sup>1</sup>.

Необходимость и правомерность причинения вреда при задержании преступника или причинения «чрезмерного, не вызываемого обстановкой» вреда при превышении мер, необходимых для его задержания, должны быть достаточно обоснованы в приговоре суда, определении и постановлении высших судебных инстанций по каждому уголовному делу данной категории, что в судебной практике не всегда делается.

Так, М. был осужден за убийство Н. при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В приговоре суда по данному делу было лишь сказано: «Действия М. не являлись необходимыми для задержания Н. При этом не было необходимости причинения задерживаемому явно чрезмерного, не вызываемого обстановкой вреда, а именно применения иных средств его задержания»<sup>2</sup>.

Суд не только не обосновал квалификацию содеянного М., но и спутал одно из обязательных условий состояния необходимости (правомерности) задержания преступника – наличие иных средств задержания (ч. 1 ст. 38 УК РФ) с превышением мер, необходимых для такого задержания (ч. 2 ст. 38 УК РФ), которое не входит в содержание условий правомерности действий задерживаемого лица. Отсутствие условия, что «иными средствами задержать преступника не представлялось возможным», исключает состояние необходимости такого задержания и не позволяет квалифицировать его как убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Если при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, последнему причиняется вред, не связанный с лишением его жизни, то действие задерживаемого лица направлено как на доставление задержанного в органы власти, так и на пресечение возможности совершения им новых преступлений. В случаях совершения убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ, виновный может преследовать, главным образом, такую цель: не дать лицу, совершившему опасное (тяжкое или особо тяжкое) преступление, или особо опасному преступнику возможности совершить новое преступление. Конечно, основной целью насильственного задержания преступника всегда яв-

---

<sup>1</sup> Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., Волтерс Клувер, 2005. С. 298.

<sup>2</sup> Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярска от 29 июля 2010 г. по делу М. // Архив Железнодорожного районного суда г. Красноярска за 2010 г.



ляется доставление его в органы власти для последующего осуществления над ним правосудия.

Начавшееся и продолжающееся нападение, последствия которого, как правило, бывают непредсказуемыми, мотивация и целевое содержание необходимой обороны как бы предполагают ожесточение противостояния наличному посягательству с применением, возможно, более опасных средств и способов защиты, с причинением все более опасных последствий как для обороняющегося, так и для нападающего, включая причинение смерти. При задержании преступника, даже в тех случаях, когда оно является фактом реализации служебной обязанности задерживающего лица, инициатива задержания принадлежит ему. В условиях, когда задерживаемое лицо оказывает противодействие задержанию, мотивация (желание выполнить соответствующий общественный долг или соответствующую служебную обязанность) и целевое содержание (задержание преступника для того, чтобы он предстал перед правосудием) этого деяния в отличие от необходимой обороны дают возможность лицу, осуществляющему задержание, сделать выбор между продолжением насильственного задержания, которое чревато опасными для жизни и здоровья задерживаемого последствиями, и перерастанием противодействия задержанию в соответствующих случаях в противоправное насилие в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), вызванное своеобразным «провокационным» поведением задерживаемого представителя власти, и прекращением все более ожесточающегося и не всегда предсказуемого по своим последствиям насильственного задержания. В случаях, если лицо задерживается за совершение преступления небольшой или средней тяжести, заведомое причинение ему смерти или тяжкого вреда его здоровью при задержании недопустимо и подлежит квалификации, по нашему мнению, на общих основаниях. В таких случаях представитель власти не должен следовать правилу: во что бы то ни стало выполнить свою служебную обязанность по задержанию преступника. Он может остановить процесс задержания, передать повестку о вызове в органы власти задерживаемого, наконец, попытаться осуществить задержание в другое время и в других условиях и т.п. Важнее в таких случаях следовать более важному правилу (принципу): соблюсти законные права и интересы обеих сторон особенно тогда, когда речь идет о таком бесценном благе, как жизнь человека. Если противодействие задержанию перерастает в нападение, то задерживающий, очевидно, становится обороняющимся и действует по правилам о необходимой обороне. Но во всех случаях, когда противодействие задержанию еще не началось или было прекращено, убийство задерживаемого при отсутствии состояния необходимости задержания следует рассматривать на общих основаниях.

Лицо задерживается, а затем доставляется в органы власти для выяснения причастности задержанного к преступлению. В случаях, когда при доставлении задержанного или при конвоировании арестованного или заключенного задержанный или конвоируемый преступник окажет сопротивление или попытается скрыться от лица, осуществляющего его доставку или конвоирование, действия последнего следует приравнивать к задержанию преступника и оценивать по правилам, предусмотренным ст. 38 УК РФ, а убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания доставляемого или конвоируемого преступника, квалифицировать по ч. 2 ст. 108 УК РФ. Если противодействие доставляемого или конвоируемого лица будет носить характер нападения и при этом в действиях лица, осуществляющего доставку или конвоирование, будет установлено превышение пределов необходимой обороны, содеянное подлежит квалификации по ч. 1 ст. 108 УК РФ, а ситуация и конфликтное взаимодействие сторон в таких обстоятельствах оценивается по правилам, предусмотренным ст. 37 УК РФ.

Совершение убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, как конструктивный признак преступления предусмотрен ч. 2 ст. 108 УК РФ, оказывает решающее влияние на все необходимые элементы и признаки этого состава преступления, придавая ему вид «привилегированного» убийства.

Непосредственным объектом данного преступления является жизнь лица, совершившего преступление, в связи с которым осуществляется его задержание. Это лицо совершило преступление и в ситуации задержания вновь ведет себя неправомерно. Жизнь такого человека несколько теряет свою социальную ценность из-за своего «провоцирующего» поведения, что проявляется в снижении пределов уголовной ответственности и наказания.

Юридическая природа жертвы превышения пределов необходимости задержания имеет двойственный характер. Это не просто «потерпевший», а «потерпевший-преступник», которому задерживающее его лицо причиняет смерть. В таких случаях потерпевший как непосредственный участник уголовного процесса фактически отсутствует. Близкие родственники лица, погибшего при задержании, не становятся потерпевшими. Лишь права погибшего потерпевшего в таких случаях «переходят к одному из его близких родственников» (ч. 2 ст. 42 УК РФ). Эти косвенные и опосредственные жертвы такого преступления лишь представляют интересы убитого потерпевшего, как бы являются его законными представителями, действуя в уголовном процессе его именем. Только прямая и непосредственная жертва вправе высказать суду или органам предварительного расследования свое мнение о применении уголовного закона, в том числе о назначении виновному меры наказания или прекращении уголовного дела.

Потерпевший, как составная часть объекта и объективной стороны преступления, в данном составе убийства имеет, таким образом, свои специфические особенности. Это физическое лицо, в прошлом (до задержания) совершившее преступление. Следовательно, это лицо, достигшее соответствующего возраста уголовной ответственности и вменяемое, поэтому законные требования, предъявляемые ему лицом, осуществляющим задержание, должны быть понятны такому потерпевшему и выполнимыми при его желании подчиниться этим требованиям.

Задерживаемый – это лицо, в действиях которого, совершенных им до задержания, содержатся все признаки состава преступления, в том числе и признаки субъекта соответствующего преступления.

В ситуации (состоянии) задержания потерпевший по факту не подчиняется законным требованиям задерживающего его лица и оказывает активное (насильственное сопротивление) или пассивное (старается спастись бегством или иным образом уклониться от задержания) противодействие задержанию. Это не только «преступник-потерпевший», но и «преступник-provocator».

Особенностью объективной стороны убийства, предусмотренного ст. 108 ч. 2 УК РФ, является то, что оно совершается в ситуации конфликтного взаимодействия, в котором лицо, осуществляющее задержание, путем применения насилия пытается преодолеть противодействие задерживаемого им преступника с целью его задержания и доставления в органы власти и преследующего пресечение возможности совершения им нового преступления, но при этом превышает меры, необходимые для задержания, и причиняет несоразмерный характеру и опасности совершенного им до задержания преступления и не вызываемый необходимостью задержания явно чрезмерный вред.

Потерпевшими от убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ, являются «лица, совершившие преступление» (как оконченное, так и неоконченное, или соучастники преступления – п. 20 постановления от 27 сентября 2012 г.), и оказывающие противодействие лицу, осуществляющему их задержание. В случаях когда смерть причиняется лицам, которые не оказывали сопротивление, а лишь пытались уклониться от задержания, убийство таких лиц не следует квалифицировать как убийство без смягчающих обстоятельств, соответственно, при отсутствии признаков ст. 107 и ч. 2 ст. 105 УК РФ, как считает С.В. Бородин<sup>1</sup>. Необходимость в насильственном задержании лица, совершившего преступление, возникает не только при активном, но и при пассивном противодействии задержанию. С.В. Бородин и сам в другом

---

<sup>1</sup> Бородин С.В. Преступления против жизни. М., С. 225 – 226.

месте своей работы не отрицает допустимость крайних мер в обоих указанных случаях, указывая лишь на то, что в тех случаях, когда преступник пытается скрыться от задерживающего его лица, необходимо применение таких мер, которые «должны согласовываться с характером совершенного общественно-опасного посягательства, личностью виновного и с обстановкой, в которой происходит задержание»<sup>1</sup>.

Законодатель требует, чтобы причинение вреда при задержании преступника имело место лишь тогда, когда «иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным». Пленум Верховного Суда РФ, как отмечалось, требует от задерживающего лица «причинения минимального вреда при задержании», убийство общепасным способом или способом, связанным с проявлением особой жестокости, не соответствуют положениям ст. 38 УК РФ. Указанные способы, применяемые при совершении убийства в ситуации превышения мер, необходимых для задержания преступника, могут свидетельствовать не о желании задержать преступника, а о желании убить его по мотиву мести за оказанное противодействие задержанию. В таких случаях желательно провести судебно-психологическую экспертизу с целью установления того, не находился ли задерживающий в состоянии аффекта, вызванного незаконным противодействием потерпевшего.

Превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, имеет место лишь тогда, когда необходимость в применении мер насильственного задержания такого лица не миновала, то есть пока задерживаемое лицо оказывает противодействие задержанию и пока существует необходимость применения мер насильственного задержания такого лица.

При характеристике особенностей субъективной стороны данного преступления особого внимания заслуживает исследование специфики вины, мотивов и целей этого «привилегированного» вида убийства.

Согласно ч. 2 ст. 38 УК РФ, превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, «влечет уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда». Только «умышленное причинение смерти другому человеку» законодатель определяет как убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Сказанное, соответственно, касается и убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ.

Полагаем, что такое убийство может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом, хотя некоторые авторы допускают возможность его совершения только с косвенным умыслом, считая, что прямой умысел противо-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 222, 230.

речит цели препровождения задержанного преступника в органы власти<sup>1</sup>. Считаем, что желание лишить задерживаемого жизни связано, прежде всего, с целью пресечения возможности совершения им нового преступления, поскольку в данной ситуации задержать опасного преступника и доставить его в органы власти, чтобы осуществить над ним правосудие, не представляется возможным. Убийство здесь выступает как вынужденная, но чрезвычайная мера.

Причинение смерти лицу при его правомерном задержании – вынужденная, необходимая и достаточная, а при превышении пределов необходимости задержания – более чем необходимая и достаточная мера. Применительно к достижению такой цели задержания, как «пресечение возможности совершения лицом новых преступлений», убийство при превышении необходимости задержания преступника может рассматриваться как мера, заслуживающая снисхождения в рамках санкции ч. 2 ст. 108 УК РФ, хотя достижение цели доставления задерживаемого в органы власти живым считается невозможным.

Убийство при превышении мер, необходимых для задержания преступника, совершено из желания выполнить свои служебные обязанности или моральный долг так, чтобы задерживаемое лицо было привлечено к уголовной ответственности и понесло заслуженное наказание. Стремление добиться этой цели – основная побудительная сила в мотивации поведения лица, осуществляющего задержание преступника, в том числе и с привлечением необходимых для этого мер.

Общими признаками субъекта рассматриваемого убийства является то, что им может быть любое физическое лицо независимо от его гражданства и служебного или должностного положения, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Если лицо, совершившее деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 108 УК РФ, достигло к моменту его совершения лишь 14 или 15 лет, оно не может быть привлечено к уголовной ответственности за отсутствием в его действиях состава указанного и любого иного преступления.

Сотрудники правоохранительных органов или иные должностные лица и военнослужащие чаще, чем простые граждане, по характеру своих служебных обязанностей осуществляют задержание преступника. В соответствии с п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. положения ст. 38 УК РФ распространяются на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, которые «в связи с исполнением своих служебных обязанностей могут принимать участие... в задержании лица, совер-

---

<sup>1</sup> Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. С. 15.

шившего преступление. При этом если в результате превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, указанные лица совершают убийство..., содеянное ими при наличии соответствующих признаков подлежит квалификации по ст. 108 ч. 2 УК РФ». Оценка действий указанных лиц с позиции специальных нормативных правовых актов (законов, уставов, инструкций и т.п.), предусматривающих правила задержания преступника, не освобождает их от оценки с позиции уголовного закона (ст. 38 и 108 ч. 2 УК РФ), поскольку указанные там правила и требования к лицу, осуществляющему задержание преступника, распространяются и на этих лиц как приоритетные и общие для всех лиц, осуществляющих задержание преступника. Поэтому нельзя согласиться с теми учеными, которые считают, что «положения ст. 38 УК РФ не охватывают работников правоохранительных органов и иных должностных лиц, для которых задержание преступников - это осуществление властных полномочий»<sup>1</sup>.

В случаях когда задержание преступников, их доставление в органы власти или конвоирование является служебной обязанностью осуществляющего эту обязанность должностного лица, полномочия которого касающиеся применения при этом физической силы, специальных средств, специальной техники и оружия, предусматриваются специальными федеральными законами или иными нормативными правовыми актами, причинение уголовно-наказуемого вреда при таком задержании с нарушением требований этих нормативных правовых актов необходимо квалифицировать по ст. 286 УК РФ, а убийство – с учетом также ст. 38 и 108 УК РФ. Убийство при этом не охватывается ст. 286 УК РФ, а требует квалификации по совокупности со ст. 108 ч. 2 УК РФ.

Задержание преступника, совершающего побег при доставлении в органы власти или при его конвоировании, является, по существу, таким же задержанием, о котором говорится в ст. 38 УК РФ, и также преследует цель не только доставления его в эти органы, но и цель лишить его возможности совершить новое преступление, поэтому убийство в таких случаях при превышении мер, необходимых для задержания преступника, очевидно, следует квалифицировать по ч. 2 ст. 108 УК РФ. В порядке оптимизации действующего уголовного закона о задержании преступника считаем целесообразным внести соответствующее дополнение в ст. 38 УК РФ, указав в ч. 3 данной статьи, что ее положения распространяются также на случаи причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, если это происходит во время доставления в органы власти или его конвоировании и др.

---

<sup>1</sup> Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 293.

## **5.2. Вопросы совершенствования состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 108 Уголовного кодекса Российской Федерации, и назначение наказания за его совершение**

---

Пункт «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ определяет в качестве отягчающего ответственность обстоятельства «убийство двух или более лиц», выделяя, таким образом, квалифицированный вид убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Из других видов убийств, совершенных при указанном отягчающем обстоятельстве, только ч. 2 ст. 107 УК РФ предусматривает данный вид квалифицированного убийства – «убийство двух или более лиц в состоянии аффекта». Во всех других случаях совершения повторных убийств со смягчающими ответственность обстоятельствами, включая состав убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ, содеянное подлежит квалификации только по статье УК РФ, предусматривающей основной состав соответствующего «привилегированного» убийства (ст. 106, 108 чч. 1 и 2 УК РФ), а вышеуказанное отягчающее обстоятельство должно учитываться судом при назначении наказания. Полагаем, что несправедливость такой дифференциации ответственности и индивидуализации наказания в уголовном законе очевидна. Каждый из «привилегированных» видов убийства должен иметь квалифицированный состав по признаку «убийства двух или более лиц». Это тем более очевидно, поскольку при сложившемся положении речь фактически может идти о совокупности преступлений («специальная повторность»), при которой «лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса» (ч. 1 ст. 17 УК РФ). Следовательно, и наказание за каждое новое убийство, предусмотренное, например, санкцией ч. 2 ст. 108 УК РФ (максимум до трех лет лишения свободы), не может ограничиваться этим пределом, а должно быть сравнительно более строгим, чем это определяется в рамках санкции данной уголовно-правовой нормы.

Если оставить без изменений настоящую редакцию этой уголовно-правовой нормы, то создается впечатление, что законодатель предполагает причинение в таких случаях «без необходимости» не только «явно чрезмерного», но и любого другого, «не вызываемого обстановкой задержания» уголовно-наказуемого вреда, ибо в самом анализируемом определении ничего не говорится о том, что причинение указанного в ч. 2 ст. 38 УК РФ вреда происходит в ситуации, когда необходимость в задержании преступника уже и еще существует в данный момент, то есть в момент ее превышения. Полагаем, что вполне логично и более правильно было бы, подобно необходимой обороне и крайней необходимости, в ч. 1 ст. 38 УК РФ в определении понятия «задержание лица, совер-

шившего преступление», или проще – «задержание преступника» (так следовало бы озаглавить ст. 38 УК РФ), внести изменения, указав, например: «не является преступлением причинение вреда в состоянии необходимости задержания преступника, то есть при насильственном задержании лица, совершившего преступление, с целью доставления его в органы власти и...».

Кроме того, «необходимая оборона» – наиболее близкое «задержанию преступника» понятие и «крайняя необходимость» – термины, наиболее точно характеризующие социально-правовую природу этих правомерных и социально-полезных актов поведения, и никому не приходит в голову назвать каждое из них «причинением вреда при необходимой обороне или крайней необходимости». В то же время законодатель предусматривает в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, «причинение вреда при задержании преступника» (в названии ст. 38 УК РФ). Впрочем, в этом он непоследователен, указывая в п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, «совершение преступления при нарушении условий правомерности... задержания лица, совершившего преступление...», наряду с нарушением «условий правомерности необходимой обороны..., крайней необходимости...» и других подобных обстоятельств.

Предлагаемые изменения редакции ст. 38 УК РФ способны, по нашему мнению, придать анализируемой уголовно-правовой норме большую ясность и реально помочь правильно оценить подобные случаи при практическом ее применении.

Первым основанием необходимости насильственного задержания лица в порядке ст. 38 УК РФ является не «обнаружение преступника в обстановке, когда иными средствами, т.е. без причинения вреда, задержать его не представлялось возможным»<sup>1</sup>, а совершение задерживаемым лицом преступления, представляющего повышенную общественную опасность. Поскольку законодатель предусматривает задержание «лица, совершившего преступление» первым основанием насильственного задержания, то есть задержанием, сопряженным с причинением лицу уголовно-наказуемого вреда, что является наличием совершенного им преступления, а условием правомерности такого задержания, относящимся к данному основанию задержания, – большая опасность совершенного задерживаемым лицом преступления.

Основанием для задержания и доставления в органы власти может служить совершение лицом любого преступления. Возможны также случаи задержания лица, совершившего общественно опасное посягательство, которое не достигло возраста уголовной ответственности или признано невменяемым. Не-

---

<sup>1</sup> Российское уголовное право. Общая часть. М., 2014. С. 293.



которые ученые считают, что такие случаи должны оцениваться по правилам, предусмотренным ст. 38 УК РФ, ибо главное здесь, «чтобы совершенное им деяние попадало под признаки преступления».<sup>1</sup> Но дело в том, что при этом в содеянном даже при наличии таких признаков преступления, как общественная опасность и противоправность деяния, отсутствует признак виновности. Как известно, невменяемость и недостижение уголовно-наказуемого возраста субъектом законодатель связывает с возможностью лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. В ч. 3 ст. 20 УК РФ говорится о том, что даже лицо, достигшее возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, не подлежит уголовной ответственности. Незнание или добросовестное заблуждение лица, осуществляющего задержание таких лиц, относительно их невменяемости или недостижения уголовно-наказуемого возраста позволяет рассматривать подобные случаи как «мнимое» задержание преступника.

«Если при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно характера совершенного задерживаемым лицом противоправного деяния, приняв за преступление административное правонарушение или деяние лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, либо лица, совершившего преступления в состоянии невменяемости, – указывается в абз. 2 п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г., – в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершалось преступление, и лицо, осуществляющее задержание, не осознавало и не могло осознавать действительный характер совершившегося деяния, его действия следует оценивать по правилам ст. 38 УК РФ, в том числе и о допустимых пределах причинения вреда».

Оптимальным решением этой актуальной проблемы было бы указание в уголовном законе также на правомерность задержания лиц, невменяемых или не достигших возраста уголовной ответственности, совершивших общественно опасное деяние, содержащее некоторые признаки преступления. Если можно обороняться от общественно опасного посягательства, совершаемого такими лицами, то почему же нельзя осуществлять их насильственное задержание, чтобы пресечь возможности совершения ими новых общественно опасных деяний?

---

<sup>1</sup> Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 293.

Если исходить из характера и степени общественной опасности совершенного задерживаемым преступления как основания для его правомерного задержания, то следует в чем-то согласиться с теми авторами, которые считают, что «не за каждое преступление следует задерживать»<sup>1</sup>.

При насильственном задержании преступника следует соблюдать его соразмерность с тем преступлением, в связи с которым такое задержание совершается. Соразмерность здесь является условием правомерности задержания лица, относящимся к совершенному им преступлению, к характеристике его общественной опасности. Эта соразмерность не может быть абсолютной. Правомерность насильственного задержания лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, полагаем, не должна вызывать сомнений.

Соразмерным может быть признан лишь вред, соответствующий, прежде всего, «характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления». Так, лишение жизни активно противодействующего задержанию преступника или пытающегося скрыться, избежать задержания, как справедливо отмечает С.В. Бородин, «оправдано только тогда, когда он является совершившим новое преступление, особо опасным известным преступником или лицом, совершившим убийство, бандитизм, разбой, изнасилование или другое особо тяжкое преступление. Круг этих преступлений должен быть ограничен преступлениями, отнесенными... к тяжким и особо тяжким»<sup>2</sup>. По мнению автора, «лишение жизни лица, совершившего особо тяжкое или тяжкое преступление, при невозможности его задержания, следует рассматривать как средство пресечения деятельности, опасной для общества. Такие действия есть все основания считать правомерными»<sup>3</sup>. В то же время лишение жизни при задержании, например, «лица, подозреваемого в совершении преступления средней или небольшой тяжести, не может быть признано правомерным»<sup>4</sup>.

По мнению некоторых других ученых, «причинение смерти задерживаемому лежит за пределами правомерного задержания, поскольку исключает достижение его наиглавнейшей цели – передачу органам правопорядка»<sup>5</sup>.

Предпочтение автор отдает позиции Г.Н. Борзенкова, который полагает, что в тех случаях, когда задерживающий преследует при задержании цель «доставления задерживаемого преступника в органы власти», убийство последнего с

---

<sup>1</sup> Якубович М.И. Необходимая оборона и задержание преступника. М., 1976. С. 54.

<sup>2</sup> Бородин С.В. Указ. соч. С. 222-223.

<sup>3</sup> Там же. С. 223.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коня и М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 295.

прямым умыслом исключается. «Такое убийство должно квалифицироваться только по ч. 1 или 2 ст. 105 УК РФ»<sup>1</sup>.

Согласно п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г., «сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы» (абз. 1). Однако вопросы уголовной ответственности таких лиц за причинение вреда при задержании преступника должны, как отмечалось, решаться в полном соответствии со ст. 38 УК РФ и никакие изъятия из установленных ею правил и положения, противоречащие этим правилам, в специальных федеральных законах и иных нормативных правовых актах недопустимы. Если промедление в применении указанных предметов в данной конкретной обстановке создавало опасность упустить опасного преступника, их немедленное применение без соблюдения правил и процедур, предусмотренных специальными нормативно-правовыми актами, для достижения целей задержания, становится необходимым в рамках тех общих оснований и условий правомерности задержания преступника, которые предусмотрены ст. 38 УК РФ. Интересы правосудия, правопорядка и общественной безопасности надо охранять, хотя, конечно, не во что бы то ни стало, не любой ценой, а в рамках правил, установленных уголовным законом. Согласно п. 2 ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., лишение жизни при задержании преступника является правомерным, если оно было «абсолютно необходимым» или если применение при этом силы было вызвано необходимостью осуществления законного задержания либо было связано с предотвращением побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях. В практике Европейского суда по правам человека при оценке случаев задержания преступника с причинением ему смерти упоминаются не граждане или представители общественности, а сотрудники полиции, военнослужащие, правительственные органы или некие «власти»<sup>2</sup>.

Задержание преступника с причинением ему уголовно-наказуемого вреда правомерно лишь тогда, когда у лица, осуществляющего задержание, нет сомнений в том, что он задерживает лицо, совершившее преступление. Как ука-

---

<sup>1</sup> Борзенков Г.Н. Указ соч.

<sup>2</sup> Конвенция о защите прав человека и основных свобод (4 ноября 1950 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

зывается в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г., «исходя из положений статьи 38 УК РФ, задерживаемое лицо должно быть уверено, что причиняет вред именно тому лицу, которое совершило преступление (например, когда задерживающий является пострадавшим либо очевидцем преступления, на задерживаемого прямо указали очевидцы преступления, как на лицо, его совершившее, когда на задерживаемом или на его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления).

В тех случаях, когда «при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно того, кто именно совершил преступление, а обстановка давала ему основание полагать, что преступление было совершено задержанным им лицом, и при этом лицо, осуществляющее задержание, не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения», содеянное следует оценивать по правилам статьи 38 УК РФ (абз. 3 п. 24 постановления).

Наличие уверенности у лица, совершающего задержание, в том, что оно задерживает с причинением при этом вреда именно то лицо, которое совершило преступление, является субъективным условием правомерности насильственного задержания, относящимся к характеристике преступного посягательства, в связи с которым осуществляется такое задержание.

Уверенность в том, что задерживаемый причастен к совершению преступления, представляется вполне оправданной как тогда, когда он подозревается в совершении преступления и задерживается в порядке ст. 91 УПК РФ, так и тогда, когда он является обвиняемым, подсудимым, осужденным или лицом, хотя и совершившим преступление, но официально еще не получившим соответствующий официальный статус, и задерживается при любых обстоятельствах, показывающих, что такая уверенность имеет глубокие объективные основания. В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. прямо указывается, что «наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора в отношении таких лиц не является обязательным условием при решении вопроса о правомерности причинения им вреда в ходе задержания». Иными словами, не юридический факт признания задерживаемого лицом, совершившим преступление (преступником), а «уверенность лица в том, что он «причиняет вред именно тому лицу, которое совершило преступление», то есть не подозрение или «предположение»<sup>1</sup>, а «убежденность, твердая вера»<sup>2</sup> в то, что задерживаемый и есть преступник, является субъективным условием необходимости задержания лица, совершившего преступление, относящимся к совершенному преступлению. Вот почему добросовестное заблуждение или субъек-

---

<sup>1</sup> «Подозрение» – «предположение о возможности чего-нибудь» // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 539.

<sup>2</sup> «Уверенность» – «твердая вера в кого-что-нибудь, убежденность» // Там же. С. 822.

тивная ошибка<sup>1</sup> задерживающего лица относительно наличия факта совершения задерживаемым лицом преступления приравнивается к необходимости задержания преступника и рассматривается по правилам, предусмотренным ст. 38 УК РФ.

Вторым объективным основанием необходимости задержания лица, совершившего преступление, является противодействие последнего задержанию: активное, путем оказания физического сопротивления или противодействия задержанию, или пассивное, путем бегства или иного способа уклониться, избежать задержания и тем самым скрыться от следствия и суда.

Задержание преступника с причинением ему вреда – не только необходимый, но и вынужденный акт поведения. Как известно, термин «вынужденный» означает «вызванный какими-нибудь обстоятельствами»<sup>2</sup>. В таких случаях насильственное задержание вызывается тем противодействием, которое оказывает при этом лицо, совершившее преступление и не желающее по своей воле предстать перед правоохранительными органами и (или) судом. В ст. 38 УК РФ об этом непосредственно ничего не сказано, но то, что законодатель указывает на причинение вреда задерживаемому преступнику как на необходимую меру его задержания, которая к тому же «не является преступлением», как раз и указывает на вынужденный характер насильственного задержания, то есть на то, что лицо, совершившее преступление, противится задержанию, не желает быть доставленным в органы власти. Преступник не подчиняется требованиям лиц, осуществляющих задержание, пытается убежать, оказывает им сопротивление, а иногда и нападает на них. Согласно абз. 3 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г., в тех случаях, когда «в процессе задержания задерживаемое лицо совершает общественно опасное посягательство, ... причинение вреда в отношении задерживаемого лица следует рассматривать по правилам о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ)».

Противодействие преступника задержанию должно быть реальным, то есть иметь место в действительности и непосредственно в момент задержания. Это и есть условие правомерности задержания преступника, относящееся к поведению последнего в ситуации задержания. Состояние необходимости задержания преступника возникает сразу же после окончания им преступления или фактического прекращения предварительной преступной деятельности и существует до того момента, пока возможно и допустимо привлечение его к уголовной ответственности, или, если он осужден, – до приведения в исполнение обвинительного приговора, вынесенного в отношении задерживаемого лица.

---

<sup>1</sup> «Заблуждение» – «ошибка, ложное мнение» // Там же. С. 197. «Добросовестное заблуждение» – это «честно допускаемая ошибка» // Там же. С. 169.

<sup>2</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 115.

Все это при том условии, что в момент задержания преступник реально противодействовал задержанию. Задержание правомерно, если оно своевременно, то есть осуществляется тогда, когда лицо уже совершило преступление и в момент задержания оказывает противодействие задержанию. Причинение вреда лицу, которое при задержании фактически не оказывало задерживаемому сопротивления и не пыталось уклониться от задержания, не может рассматриваться как вынужденное, совершенное в состоянии необходимости задержания преступника.

При «мнимом» задержании, когда задерживаемый фактически не пытался уклониться от задержания после совершения преступления или иным образом противодействовать задержанию, и лицо, осуществляющее задержание, лишь предполагало такое поведение, содеянное не может рассматриваться как вынужденное причинение вреда в состоянии необходимости задержания преступника. При добросовестном заблуждении относительно обстоятельств, характеризующих реальное поведение лица в момент его задержания, задерживающее лицо, находящееся в ситуации «мнимого» задержания, освобождается от уголовной ответственности за отсутствием в его действиях вины, а следовательно, и состава преступления.

Еще Пленум Верховного Суда СССР признавал, что причинение вреда задерживаемому, когда такие действия не являлись вынужденными или необходимыми, например, вследствие его сопротивления задержанию, должно рассматриваться как противоправный акт поведения<sup>1</sup>.

Запрещается применение таких мер насильственного задержания преступника, в которых нет непосредственной необходимости с точки зрения целей задержания. При задержании преступника, как и при необходимой обороне, решающее значение имеет направленность действий задерживающего лица, их целевое содержание.

Если умысел на причинение смерти преступнику при его задержании возник у задерживающего лица не под влиянием исключительных обстоятельств задержания и не был изначально продиктован необходимостью его задержания для доставления в органы власти, в таких случаях имеет место самосуд или убийство, уголовно-наказуемое на общих основаниях. Насильственные действия по задержанию преступника лишь тогда носят вынужденный и необходимый характер, когда их общественная полезность перекрывает их общественную опасность, а в основе поведения задерживающего лежит социально значимая необходимость защиты сравнительно более важных общественных интересов путем причинения вреда индивидуальным интересам задерживаемого. Со-

---

<sup>1</sup> Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5. С. 10.

вершая такие действия, задерживающий должен руководствоваться исключительно интересами общественной безопасности, уголовного правосудия и предупреждения преступности.

В ч. 1 ст. 38 УК РФ говорится о правомерном причинении вреда преступнику «при его задержании для доставления органам власти...». А по каким правилам оценивать причинение ему вреда при доставлении в органы власти, если он оказывает сопротивление или попытается спастись от этого доставления бегством, либо окажет эффективное противодействие при конвоировании арестованного или осужденного и в других подобных случаях. Очевидно, положения ст. 38 и ст. 108 ч. 2 УК РФ распространяются и на такие случаи, поскольку состояние необходимости задержания преступника, которое как некая система правил, определяющих правомерность причинения вреда при задержании преступника, предусматривается указанными уголовно-правовыми нормами.

Чтобы задержание лица, совершившего преступление, было правомерным, оно должно быть соразмерным не только характеру и степени общественной опасности совершенного им преступления, но по закону, также обстановке (обстоятельствам) задержания. Под обстановкой (обстоятельствами) задержания преступника некоторые авторы усматривают те условия, которые характеризуют реальные силы возможности и средства потерпевшего или иных лиц для успешного задержания преступника<sup>1</sup>.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 22 постановления от 27 сентября 2012 г. справедливо указывает, что «под обстоятельствами задержания (обстановкой задержания), которые должны учитываться при определении размеров допустимого вреда, следует понимать все обстоятельства, которые могли повлиять на возможность задержания с минимальным причинением вреда задерживаемому (место и время преступления, непосредственно за которым следует задержание, количество, возраст и пол задерживаемых, их физическое развитие, вооруженность, наличие сведений об агрессивном поведении задерживаемых, их вхождении в состав банды, террористической организации и т.п.)». Речь здесь идет о соотношении сил и возможностей задерживающего или задерживающих и задерживаемого или задерживаемых в данных конкретных условиях задержания. Стержнем или ядром динамической системы «задерживающее лицо – задерживаемый преступник» является взаимодействие именно этих лиц, а основанием насильственного задержания последнего в ситуации задержания является его противодействие задержанию, подобно тому, как основанием необходимой обороны является общественно опасное посягательство (нападение). Пределы вынужденного причинения вреда при задержании преступника, как отмечалось,

---

<sup>1</sup> Уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 295.

определяются не только предшествующим преступным поведением потерпевшего от задержания, но и его настоящим поведением, препятствующим задержанию, в зависимости от сил и возможностей, которыми располагали в данной обстановке задерживающий и задерживаемый».

Не сами по себе обстоятельства (обстановка) задержания определяют пределы допустимого причинения вреда при задержании преступника, а характер и степень общественной опасности противодействия последнего в конкретной обстановке задержания и, конечно, те ресурсы, которыми располагало лицо, осуществляющее задержание, а также то намерение и те цели, которыми были продиктованы действия причинителя вреда при задержании преступника.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, не является преступлением, если при этом не было допущено превышение необходимых для этого мер. Ч. 2 ст. 108 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, является ярким примером того, как за умышленное причинение уголовно-наказуемого вреда, даже особо тяжкого (смерти), при превышении таких мер уголовная ответственность существенно смягчается, а превышение этих мер выступает в качестве конструктивного элемента состава преступления.

Считаем, что норма о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, является поощрительной, а не управомочивающей, как считают некоторые ученые. Не являясь преступными, действия, направленные на задержание преступника, главное позитивное уголовно-правовое последствие – исключение уголовной ответственности даже за убийство задерживаемого преступника, а при убийстве, совершенном при превышении мер, необходимых для задержания преступника, – резкое смягчение уголовной ответственности за содеянное.

Именно потому, что «действия, направленные на задержание преступника», сопряженные с причинением ему вреда, «не являются преступными», а также ни административными, ни гражданскими, ни какими-либо другими правонарушениями<sup>1</sup>, они влекут положительные уголовно-правовые последствия, и, следовательно, норма УК, предусматривающая их как таковые, является не только управомочивающей, но и поощрительной. Если уж нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности, признаются поощрительными, то нормы, исключающие преступность деяния и уголовную ответственность за его совершение, можно охарактеризовать как в высшей степени поощрительные. Большого поощрения уголовный закон едва ли может предусмот-

---

<sup>1</sup> Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 12.



реть, учитывая, что указанные действия «могут быть охарактеризованы только как желательные для общества, т.е. общественно-полезные»<sup>1</sup>. В человеке, по словам Н.А. Добролюбова, ценно, прежде всего, то, что он действует «сознательно, по уважению к добру и правде, а не из... корыстных выводов похвалы и награды...»<sup>2</sup>.

Законодатель предусмотрел уголовную ответственность лишь за причинение лицу при задержании вреда явно сверх существующей необходимости, когда конкретные обстоятельства задержания свидетельствовали о возможности задержания преступника гораздо менее опасным способом, путем причинения ему значительно менее тяжкого вреда. Превышение мер, необходимых и допустимых для задержания преступника, – это действия, влекущие наступление заведомо более значительного или более тяжкого вреда, чем причинены преступлением, либо сопоставимого, но явно более чем достаточного для задержания при данных конкретных обстоятельствах.

Задержание преступника, связанного с причинением уголовно-наказуемого вреда, в состоянии необходимости такого задержания, является не только правомерным, но и социально-полезным деянием. Указание на это в уголовном законе (ст. 38 УК РФ), подкрепленное возможностью легального поощрения и вознаграждения за случаи успешного задержания преступников, как предлагает Б.В. Сидоров<sup>3</sup>, позволило бы активизировать участие граждан в совершении таких социально-полезных поступков.

Законодатель установил за совершение данного преступления наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет либо принудительных работ на срок до трех лет, либо лишения свободы на тот же срок.

Это преступление относится к преступлениям небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ). Однако законодатель, думается, не до конца учел характер его общественной опасности, прежде всего то, что основным непосредственным объектом данного преступления является жизнь человека – высшая социальная и биологическая ценность. Особая сложность юридической оценки состояния необходимости задержания лица, совершившего преступление, и превышения пределов такой необходимости (мер, необходимых для задержания), их отграничения от состояния необходимой обороны и превышения ее пределов, от некоторых отягчающих обстоятельств квалифицированных видов убийства, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, и от «простого» убийства существенно затрудняют возможности назначения справедливого наказания в случае ошибки в

---

<sup>1</sup> Баулин Ю.В. Указ. соч. С. 13.

<sup>2</sup> Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 т. М., 1961. Т. 1. С. 514.

<sup>3</sup> Сидоров Б.В. Уголовно-правовые гарантии правомерного, социально-полезного поведения. С. 120-121.

квалификации убийства с признаками преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ. Основная роль в назначении заслуженного и целесообразного наказания за совершенное принадлежит правильной его квалификации и отграничению правомерного от противоправного задержания преступника, а последнего от «простого» убийства или убийства, совершенного при отягчающих ответственность обстоятельствах и т.д. Поэтому понятно стремление Пленума Верховного Суда РФ уделить внимание в своем постановлении от 27 сентября 2012 г. вопросам квалификации правомерного и противоправного задержания преступника, их отличия от необходимой обороны и превышения ее пределов, квалификации убийства, имеющего признаки преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 108 УК РФ, и др. К сожалению, вопросы наказания за убийство при превышении мер, необходимых для задержания преступника, как и при превышении пределов необходимой обороны, в данном постановлении никак не затрагивались. Лишь в постановлении Пленума Верховного Суда от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) в п. 20 было сказано: «При назначении наказания за убийство необходимо учитывать все обстоятельства, при которых оно совершено: вид умысла, мотивы и цель, способ, обстановку и стадию совершения преступления, а также личность виновного, его отношение к содеянному, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Равным образом должны быть исследованы данные, относящиеся к личности потерпевшего, его взаимоотношения с подсудимым, а также поведение, предшествовавшее убийству».

Наказание назначается в соответствии с общими началами назначения наказания (ст. 60 УК РФ), которые тесно связаны с принципами уголовного права, предусмотренными ст. 3-7 УК РФ. Особая роль среди этих принципов принадлежит принципу справедливости (ст. 6 УК РФ). Поэтому в ч. 1 ст. 60 УК РФ подчеркивается: «Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и с учетом положений Общей части настоящего Кодекса».

Согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ, справедливость наказания проявляется в его «соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Суд назначает за это преступление наказание в пределах, предусмотренных ч. 2 ст. 108 УК РФ, то есть учитывает санкцию этой части статьи. В этом тоже проявляется принцип справедливости, поскольку он реализуется в процессе дифференциации ответственности в уголовном законе, прежде всего при определении видов и размеров наказания в санкциях статей Особенной части УК, предусматривающих ответственность за конкретные виды (составы) преступ-

лений. Этим подчеркивается особая роль правильной квалификации преступлений, определяющей общие правила назначения законного и справедливого наказания, его соразмерность характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. Индивидуализация наказания в каждом конкретном случае корректируется с учетом степени вины подсудимого (принцип справедливости и вины), обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, при возможности учета первых, не учтенных ст. 61 УК РФ (принципы равенства и гуманизма), личности виновного (принципы справедливости и гуманизма), а также с учетом положений Общей части УК (принцип законности) и влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (принцип гуманизма).

Принцип справедливости реализуется в реальном претерпевании ответственности и наказания, начиная с их неотвратимости, когда все лица, совершившие преступления, несут уголовную ответственность и наказание независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (уравнивающая функция справедливости), и кончая назначением наказания, соразмерного характеру и степени общественной опасности совершенного преступления и степени субъективной опасности содеянного виновным (распределительная функция справедливости), при опоре на достоверные объективные обстоятельства во всей их совокупности, в их единстве и соотношении как некоей системы.

Практика назначения наказания по делам исследуемой категории показывает, что требование справедливости, связанное, в первую очередь, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, не всегда определенно и предметно обосновывается в приговорах по конкретным делам.

Так, назначая наказание М., который вначале пытался предотвратить хищение имущества из его квартиры, а затем задержать двух убегающих от него грабителей, и в процессе задержания убивший одного из них, нанеся ему смертельные ножевые ранения, суд указал в приговоре, что учитывает общественную опасность совершенного деяния, данные, характеризующие личность подсудимого и состояние его здоровья. Но в ч. 1 ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ для справедливости наказания законодатель требует, чтобы суд учитывал «характер и степень общественной опасности преступления», а не просто его общественную опасность. Однако и о том, в чем суд видит общественную опасность совершенного деяния, в приговоре по данному делу ничего не говорится. Кроме того, указывая на «тяжесть совершенного деяния», суд должен был, очевидно,

назвать категорию данного вида преступления, которое в соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ признается преступлением небольшой тяжести.

Если обратиться к другим элементам общих начал назначения наказания (личности подсудимого, обстоятельствам смягчающим и отягчающим наказание, а также влиянию назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи), то в приговоре об этом многое не удовлетворяет требованиям законодателя. Говоря об учете «данных, характеризующих личность подсудимого», суд не раскрывает эти «данные», за исключением указания на «состояние здоровья подсудимого», хотя и здесь следовало указать на «состояние его нездоровья». Несмотря на плохое состояние здоровья М., «наличие родителей-инвалидов», «чистосердечное признание и активное содействие раскрытию преступления, отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, суд сделал вывод, что «исправление осужденного возможно лишь в условиях изоляции от общества» и назначил ему наказание по ч. 2 ст. 108 УК РФ в виде лишения свободы сроком на шесть месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении. При этом основанием для назначения наиболее строгого вида наказания из числа предусмотренных санкцией ч. 2 ст. 108 УК РФ послужило то, что совершенное М. преступление представляет собой «высокую общественную опасность» и то, что подсудимый «не имеет постоянного места работы»<sup>1</sup>. Законным и справедливым такое наказание едва ли можно признать.

Не является образцовым примером и назначение наказания А. и С. – сотрудникам милиции, осужденным по ч. 2 ст. 108 УК РФ за убийство при задержании лица, совершившего преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 116 УК РФ, с целью доставления его в ОВД, к наказанию в виде 1 года лишения свободы каждому (условно с испытательным сроком 1 год каждому). При назначении наказания суд учел «социальную опасность совершенного преступления», смягчающие обстоятельства – нахождение на иждивении у С. несовершеннолетнего сына, добровольное частичное возмещение ущерба А., «противоправность и аморальность действий потерпевшего, явившихся поводом для преступления», раскаяние подсудимых и «данные, характеризующие обоих подсудимых»<sup>2</sup>.

О какой «социальной опасности совершенного преступления» говорит суд и о чем свидетельствуют «данные, характеризующие обоих подсудимых», об этом в приговоре умалчивается. Можно ли рассматривать в качестве обстоя-

---

<sup>1</sup> Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 7 ноября 2011 г. по делу осужденного М., осужденного по ч. 2 ст. 108 УК РФ // Архив Железнодорожного районного суда г. Красноярск за 2011 г.

<sup>2</sup> Приговор Краснокамского городского суда Пермского края от 9 августа 2011 г. // Архив Краснокамского городского суда Пермского края за 2011 г.

тельства, смягчающего наказание, «добровольное частичное возмещение ущерба», если в п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ в качестве такового законодатель называет «добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда», также неочевидно. Странно выглядит указание в приговоре на «противоправные аморальные действия потерпевшего, явившиеся поводом для преступления», как на смягчающее наказание обстоятельство. В п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ действительно называется в качестве такового «противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления». Однако в составе убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ, неправомерное поведение задерживаемого «потерпевшего-преступника», которое выражается в его противодействии вполне правомерному, хотя и насильственному задержанию, является необходимым признаком данного преступления, поэтому «само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания» (ч. 3 ст. 61 УК РФ). Кроме того, ненадлежащее (противоправное) и провокационное поведение потерпевшего при задержании является здесь не «поводом», а «основанием» для вынужденного задержания и причинения ему вреда, в том числе и смерти, при задержании с превышением необходимых для этого мер.

В судебной практике по делам исследуемой категории при назначении наказания смягчающее наказание обстоятельство, предусмотренное п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, учитывается довольно часто и, как уже выше отмечалось, незаконно.

Так, при назначении наказания Н. – охраннику ведомственной охраны Минсвязи России, выстрелом из служебного оружия убившего при задержании одного из лиц, похитивших имущество с охраняемого им объекта, суд учел «характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность подсудимого, смягчающие наказание обстоятельства, в том числе противоправное поведение потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления, что предусмотрено п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ». При этом в приговоре не раскрывается содержание такого элемента общих начал назначения наказания, как «характер и степень общественной опасности совершенного преступления», ничего не говорится о категории данного преступления. Лишь учитывая «личность подсудимого», суд достаточно обстоятельно раскрыл эту самостоятельную величину общих начал назначения наказания, указав на то, что Н. «ранее не судим, имеет постоянное место жительства и работы, где положительно характеризуется, в том числе имеет благодарности». Было также учтено «его отношение к содеянному: «признание им вины и раскаяние в совершенном преступлении», – как обстоятельства, смягчающие наказание, характеризующие личность виновного, его постпреступное поведение. Указав в приговоре на то, что он учитывает «влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, суд в то же время решил не учитывать «в каче-

стве самостоятельного смягчающего обстоятельства наличие в семье Н. несовершеннолетнего ребенка» на том основании, что ребенок его фактической супруги не является ему родным, но при этом принял данное обстоятельство, как положительно характеризующее личность Н.»<sup>1</sup>. Однако в ч. 3 ст. 60 УК РФ законодатель, говоря о необходимости учитывать при назначении наказания «характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного», далее по тексту подчеркивает: «в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание...». Иными словами, обстоятельства, в частности, смягчающие наказание, могут служить показателями не только «характера и степени общественной опасности преступления», но и «личности виновного», и, конечно, рассматриваться «как положительно характеризующие личность виновного». Одно другому не противоречит, а лишь разъясняет первое положение последним.

Требование справедливости связано с учетом при назначении наказания не только и даже не столько «характера и степени общественной опасности преступления», то есть объективной опасности деяния, отразившейся в действиях лица, его совершившего, и во вредных последствиях деяния, сколько «степени вины», точнее «степени субъективной опасности преступного поведения и субъекта, проявившего в нем соответствующие нравственно-психологические свойства личности, то есть качественный социально-правовой и нравственно-психологической оценки психической деятельности лица, в процессе мотивации («предрешения»), возникновения и формирования умысла на совершение преступления («принятия решения») и совершения преступления («исполнения принятого решения»). Этим и объясняется указание Пленума Верховного Суда РФ о необходимости, как отмечалось, учитывать при назначении наказания за убийство «вид умысла, мотивы и цель... совершения преступления» (ч. 20 постановления от 27 января 1999 г.), то есть все признаки субъективной стороны преступления, которые характеризуют степень субъективной опасности преступления и лица его совершившего, которые проявились в процессе его совершения. Тем самым реализуется не столько принцип вины, предусматривающий уголовную ответственность (а значит, и наказание) лица «только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» (ч. 1 ст. 5 УК РФ), но и принцип справедливости, который требует, чтобы исходя из положений уголовного закона о субъективном характере вменения, когда уголовная ответственность допускается лишь за виновное причинение вреда, при назначении справедливого наказания необходимо, наряду с характером и степенью общест-

---

<sup>1</sup> Приговор Курчатовского районного суда г. Челябинска от 16 марта 2011 г.; уг. дело № 1-150 // Архив Курчатовского районного суда г. Челябинска за 2011 г.

венной опасности преступления, учитывать степень вины лица, его совершившего (вариант: «степень субъективной опасности содеянного виновным»).

К сожалению, в ст. 6 и 60 УК РФ это положение не нашло отражения. В порядке оптимизации указанных уголовно-правовых норм предлагаем внести в ч. 1 ст. 6 УК РФ также изменения: «Уголовная ответственность, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать как характеру и степени общественной опасности преступления, так и степени вины лица, его совершившего (вариант: «степени его субъективной опасности», а также обстоятельствам его совершения и личности виновного»). Не только наказание и иные меры уголовно-правового характера, но и привлечение к уголовной ответственности, определение ее пределов в уголовном законе, освобождение от нее, – все эти вопросы должны решаться по справедливости. Законодатель в ч. 2 ст. 2 УК РФ указал, что для осуществления задач, предусмотренных в ч. 1 данной статьи, он «устанавливает основание и принципы уголовной ответственности...».

Соответствующие изменения следовало бы внести и в ч. 3 ст. 60 УК РФ: после слов «степень общественной опасности преступления» добавить слова «...степень его субъективной опасности...» (вариант: «...степень вины лица, его совершившего...») и далее по тексту.

Рекомендация Пленума Верховного Суда РФ судам учитывать при назначении наказания за убийство «вид умысла» означает, что Пленум требует от них, чтобы они выяснили и учитывали при этом различия в опасности прямого и косвенного умысла. Было бы несправедливо не видеть это различие, поскольку законодательное определение прямого и косвенного умысла (ст. 26 УК РФ) по-разному характеризует соотношение интеллектуальных и волевых элементов в содержании психической деятельности того и другого: при прямом умысле лицо предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия) и желает их наступления (ч. 2), а при косвенном умысле – предвидит лишь возможность наступления таких последствий и сознательно допускает их наступление или безразлично к тому, что они наступят (ч. 3). Степень предвидения и степень участия воли, как разумной активности, а значит, и степень вины при прямом умысле, безусловно, выше, чем при косвенном, в связи с чем прямой умысел следует оценивать согласно ст. 26 УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства, характеризующего субъективную сторону преступления, в тех составах преступлений, которые могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, как отмечалось, может быть совершено не только с

косвенным, но и с прямым умыслом. Оно не может быть только предумышленным. По делам данной категории как раз и следует учитывать «вид умысла» (прямой – как отягчающее, а косвенный – как смягчающее обстоятельство) при назначении наказания за убийство, предусмотренное ч. 2 ст. 108 УК РФ.

Мотив и цель преступного поведения лица также должны учитываться при индивидуализации наказания. Однако при совершении данного вида убийства эти признаки субъективной стороны преступления важны, прежде всего, для отграничения рассматриваемого убийства от убийства, предусмотренного ст. 105 УК РФ, поскольку первое не может быть совершено по мотиву мести или по тем мотивам, которые являются квалифицирующими признаками убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, и, наоборот, совершается с целью пресечения возможности совершения задерживаемым лицом новых преступлений.

Пленум Верховного Суда РФ также требует учитывать при назначении наказания за убийство виктимологические характеристики преступления: «данные, относящиеся к личности потерпевшего, его взаимоотношения с подсудимым, а также поведение, предшествующее убийству». К сожалению, в судебной практике по делам исследуемой категории данные, характеризующие жертву такого убийства, как правило, не устанавливаются, не анализируются и при назначении наказания виновному не учитываются, хотя имеют существенное значение для установления, прежде всего, мотивов и целей совершенного в ситуации задержания преступника убийства и при назначении наказания подсудимому. Основное внимание следствия и суда сосредотачивается на установлении и оценке ненадлежащего поведения задерживаемого лица, без характеристики которого (поведения) как противодействия задержанию и совершенного им ранее преступления квалификация содеянного по ч. 2 ст. 108 УК РФ невозможна. При этом как не раз отмечалось, суд незаконно учитывает в качестве смягчающего наказания обстоятельства противоправность поведения потерпевшего в ситуации задержания, как повода к преступлению, хотя противоправное поведение жертвы является учтенным признаком данного преступления и одновременно – основанием, а не поводом к совершению его насильственного задержания, сопровождающегося превышением пределов необходимости задержания преступника.

При рассмотрении этой категории уголовных дел особое значение имеет то поведение потерпевшего, предшествовавшее убийству, которое вызывает необходимость в его насильственном задержании. Совершение лицом преступления, его характер и степень общественной опасности, сравнительная тяжесть содеянного становятся наряду с противодействием этого лица правомерному задержанию преступника, основанием причинения ему вреда при задержании,



основанием для смягчения уголовной ответственности и наказания за убийство при превышении мер, необходимых для его задержания, в рамках ч. 2 ст. 108 УК РФ. При наличии достаточных оснований для насильственного задержания преступника с причинением ему уголовно-наказуемого вреда при назначении наказания в таких случаях следует учитывать как смягчающее обстоятельство тяжесть совершенного задерживаемым лицом преступления, скажем, относящегося к тяжкой и, тем более, особо тяжкой категории или вызвавшего тяжкие последствия, поскольку возникновение состояния необходимости задержания преступника, а значит, и превышение такой необходимости, в принципе, возможны и при совершении лицом преступления сравнительно меньшей тяжести или с менее тяжкими последствиями.

Назначая наказание лицу, виновному в убийстве при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, суд, к сожалению, не может учесть мнение самого потерпевшего, убитого при задержании, мнение прямой и непосредственной жертвы такого убийства, обязательного признака состава любого вида убийства. Хотя, согласно ч. 8 ст. 42 УПК РФ, по таким делам в случае гибели потерпевшего его права переходят к одному из его близких родственников, последний уполномочен лишь представлять его интересы, используя предоставленные ему права потерпевшего, в том числе вытекающее из смысла ст. 42 УПК РФ (пп. 15, 16 и др. ч. 2) право высказывать свое мнение относительно меры наказания, назначаемого виновному. Чтобы наказание было назначено по справедливости, суд должен учитывать все обстоятельства «за» и «против», в том числе мнение сторон-участников уголовного процесса, включая потерпевшего как участника процесса со стороны обвинения. При этом следует учитывать, что «взгляды на справедливость наказания, с одной стороны, родственников виновного в убийстве и самого осужденного, а с другой – родственников потерпевшего, а при покушении и самого потерпевшего чаще всего противоположны»<sup>1</sup>. Нельзя также утверждать, что мнение самого потерпевшего и его родственников по данному вопросу будут совпадать, поскольку последние претерпевают в результате преступления лишь моральный и (или) имущественный и к тому же вторичный (опосредованный) вред.

Среди обстоятельств, смягчающих наказание, в приговорах по таким делам чаще говорится о совершении преступления впервые, явке с повинной, раскаянии и активном способствовании раскрытию и расследованию преступления, частичном возмещении причиненного вреда, хотя все это в основном относится, судя по ч. 1 ст. 75 УК РФ, к характеристике деятельного раскаяния, которое невозможно без указанных обстоятельств и признания лицом своей вины.

---

<sup>1</sup> Бородин С.В. Указ. соч. С. 335.

Часто говорится также об учете данных, положительно характеризующих личность виновного.

В приговорах, как правило, делается ссылка на отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание. Неудивительно, что за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, лишь в редких случаях назначается лишение свободы и то на короткий срок, реально отбываемое осужденным, а в подавляющем числе случаев – ограничение свободы или принудительные работы, либо лишение свободы с применением ст. 73 УК РФ (условно).

К проблемам обеспечения справедливости наказания за убийство, предусмотренное ч. 2 ст. 108 УК РФ, и его оптимальной индивидуализации в уголовном законе автор относит не только выделение указанных ранее квалифицированных видов этого преступления (убийство двух или более лиц либо совершенное общеопасным способом) с увеличением размера и сроков наказания за эти виды убийства (например, лишения свободы до пяти лет), но и включение в перечень наказаний в Общей части и в соответствующие статьи Особенной части, в том числе в ст. 108 УК РФ, такого вида дополнительного наказания, как возложение обязанности загладить причиненный вред, которое включало бы возмещение имущественного и морального вреда. Поскольку нельзя вернуть к жизни убитого потерпевшего, то указание на обязанность виновного возместить имущественный и загладить моральный вред, выраженную в этом наказании, отвечало бы принципу справедливости. С.В. Бородин, несомненно, был прав, утверждая, что «не было достаточных оснований для исключения из видов наказаний возложения обязанности загладить причиненный вред»<sup>1</sup>. При таком подходе к оценке данного вида позитивного постпреступного поведения виновного из приговоров по делам об убийстве исчезли бы указания на «частичное возмещение причиненного ущерба (вреда)» и даже «добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда», как на обстоятельство, смягчающее наказание, так как последнее стало бы легальным основанием не назначать лицу дополнительное наказание в виде обязанности загладить причиненный вред, естественно, путем возмещения имущественного ущерба и морального вреда, причиненных убийством близким потерпевшему лицам.

---

<sup>1</sup> С.В. Бородин. Указ. соч. С. 347.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

---

Настоящая работа является результатом продолжения исследования, ранее проведенного автором в связи с написанием докторской диссертации по вопросам совершенствования уголовного законодательства России и правоприменительной практики в части ответственности за преступления против жизни.

Значимость исследования не умаляет то обстоятельство, что проблемы ответственности за преступления, посягающие на жизнь человека, многократно становились предметом научных изысканий. Тем не менее фундаментальные труды, посвященные системному анализу преступлений против жизни, немногочисленны и стали достоянием научной общественности еще в первое десятилетие после вступления в силу действующего Уголовного кодекса РФ (А.Н. Попов, 2003; Э.В. Кабурнеев, 2007) и, следовательно, не учитывают ни произошедших с тех пор в социуме изменений, ни сложившихся на сегодняшний день правовых реалий.

С учетом изложенного тема исследования представляется крайне актуальной и весьма своевременной.

В монографии путем анализа доктринальных положений, законодательства и правоприменительной практики доказана необходимость кардинального реформирования правового регулирования ответственности за «привилегированные» убийства, теоретически обоснован ряд положений, связанных с законодательной регламентацией ответственности за указанные преступления на основе проведенного анализа российского и зарубежного законодательства, научной литературы, судебной практики и статистических данных, разработаны предложения и практические рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Так, существование ст. 106 УК РФ, необоснованно смягчающей ответственность матери за убийство новорожденного ребенка, в сочетании с отсутствием запрета на освобождение виновной от уголовной ответственности на основании положений главы 11 УК РФ в ряде случаев приводит к тому, что женщина вообще не несет ответственности за совершенное убийство. Автором выявлено и решено множество дискуссионных вопросов квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, развиты теоретические положения, касающиеся толкования понятий «психотравмирующая ситуация», «новорожденный ребенок», «сразу же после родов».

Детально рассмотрены проблемы ответственности за убийство в состоянии физиологического аффекта (ст. 107 УК РФ), убийство при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ).

Конструкция ст. 108 УК РФ определяет уголовную ответственность за убийства при смягчающих обстоятельствах, имеющих значительные различия по своей социально-правовой природе и типовой степени общественной опасности, что предполагает размещение двух этих видов убийства в отдельных статьях УК РФ. Целесообразно эти два вида убийств расположить в УК РФ друг за другом, сначала статью об ответственности за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, как сравнительно более опасный вид «привилегированного» убийства, а далее статью об ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны, как менее опасный вид убийства при смягчающих обстоятельствах.

Особое внимание уделено автором законодательной и практической пенализации убийств, совершенных при обстоятельствах, смягчающих ответственность. Обоснованы пределы санкций за указанные преступления, дан анализ практики их применения.

Автор полагает, что отношение законодателя и лиц, применяющих уголовный закон к оценке убийств со смягчающими обстоятельствами, чрезмерно либерально, и приводит аргументацию в пользу ужесточения наказания, базирующуюся на анализе как научных взглядов, так и богатой судебной практики.

Положения и выводы, сформулированные автором, теоретически и практически значимы и могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности при разработке проекта нового УК РФ и актов толкования уголовно-правовых норм, в научно-исследовательской работе и учебном процессе юридических вузов.

Автор будет благодарен ученым, юристам-практикам в случае их участия в обсуждении изложенных предложений и продолжении дискуссии по настоящей теме на страницах юридической печати.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

### Законодательные, нормативные и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 08.01.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.12.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
6. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г № 400 // Собр. законодательства РФ. – 2021. – № 27. (часть II). Ст. 5351 [Электронный ресурс] // URL:<https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002021027020&docid=164> (дата обращения: 08.01.2022).
9. Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека: постановление Правительства РФ от 20 сентября 2012 № 950 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
10. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи: приказ Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 года № 1687н (ред. от 15.04.2021) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
11. Устав князя Владимира Святославовича (Синодальная редакция) // Российское законодательство X – XX вв. в 9 т., Т. 1. Законодательство Древней Руси. – Москва, 1984.
12. Устав Ярослава Мудрого (Пространная редакция) // Российское законодательство X – XX вв. в 9 т., Т. 1. Законодательство Древней Руси. – Москва, 1984.
13. Свод законов Российской Империи 1832. Т. 2: Законы гражданские. Санкт-Петербург, 1833. Ст. 657 – 658.
14. Номоканон // Российское законодательство X-XX вв. в 9 т., Т. 2. Законодательство Древней Руси. – Москва, 1984.
15. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX вв. в 9 т., Т. 3. Акты Земских соборов. – Москва, 1985.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / 16-е изд., пересмотр. и доп. Санкт-Петербург: Издано Н.С. Таганцевым., 1912. – 1218 с.
17. Артикул воинский Петра I 1715 г. // Российское законодательство X-XX вв. в 9 т., Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. – Москва, 1986.

18. Проекты Уголовного уложения 1754-1766 гг. Новоуложенная книга, часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены. / под ред. А.А. Востокова – Санкт-Петербург, 1882.
19. Свод законов уголовных 1832. Кн. 1. // Российское законодательство X-XX вв. в 9 т. Т.6. Законодательство периода становления абсолютизма. – Москва, 1986.
20. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X – XX вв. в 9 т. Т. 7. – Москва, 1987.
21. Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X – XX вв. в 9 т. Т. 9. – Москва, 1994.
22. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. // Сборник законодательства СССР. 1936, № 40. ст. 338.
23. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. – Москва, 1923.
24. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. – Москва, 1930.
25. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. – Москва, 1958.
26. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. – Москва, 1989.
27. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1990 г. – Москва, 1990.
28. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
29. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24.06.2013) вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
30. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 года [Электронный ресурс] // URL:[http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/raceconv.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml) (дата обращения: 10.09.2021).
31. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» URL:[http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_law\\_5531/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_5531/) (дата обращения: 10.09.2021).
32. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 года о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе резолюции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года [Электронный ресурс] // URL:<http://base.garant.ru/2565457/>(дата обращения: 10.09.2021).
33. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года [Электронный ресурс] // URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT&n=10208&req=doc> (дата обращения: 10.09.2021).
34. Модельный уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств: принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года: постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 года) [Текст] // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств участников СНГ. 1996. № 10. С. 86-215.
35. Примерный уголовный кодекс США [Электронный ресурс] // <http://constitutions.ru/?p=5849> (дата обращения: 10.09.2021).

## Монографии, учебники и учебные пособия

36. Агафонов А.В. Уголовная ответственность за убийство: монография [Текст] / А.В. Агафонов. – Москва: Юрлитинформ, 2011. – 190 с.
37. Андриюшко П.А. Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины: монография [Текст] / П.А. Андриюшко, А.А. Арямов, Н.А. Бабий: отв. ред. Чучаев А.И. – Москва, Проспект, 2014. – 680 с.
38. Анианц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик [Текст] / М.К. Анианц. – Москва: Юрид. лит., 1964. – 212 с.
39. Анохин П.К. Проблема принятия решения в психологии и психофизиологии [Текст] / В кн.: Проблемы принятия решения: сборник. – Москва: Наука, 1976. – 319 с.
40. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // очерки сравнительного права [Текст] / М. Ансель. Отв. ред. В.А. Туманов – М., 1981. – 285 с.
41. Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество: монография [Текст] / Ю.М. Антонян. – Москва: Логос, 2001. – 104 с.
42. Антонян Ю.М. Психология убийства [Текст] / Ю.М. Антонян. – Москва: Юрист, 1997. – 301 с.
43. Антонян Ю.М. Убийства ради убийства [Текст] / Ю.М. Антонян. – Москва: Щит, 1998. – 232 с.
44. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии [Текст] / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин. – Москва: Наука, 1987. – 206 с.
45. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности [Текст] / В.Г. Асеев. – Москва: Мысль, 1976. – 158 с.
46. Акопов В.И. Судебная медицина в вопросах и ответах: справочное пособие для юристов и врачей [Текст] / В.И. Акопов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 448 с.
47. Акушерство и гинекология [Текст]: [Пер. с англ.] / под общ.ред. Г.М. Савельевой, Л.Г. Сичинова. – Москва: ГЭОТАР, 1997. – 738 с.
48. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. [Текст] / А.И. Алексеев. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Щит-М, 2005. – 340 с.
49. Бабий Н.А. Убийства при привилегирующих обстоятельствах и иные преступления против жизни: монография [Текст] / Н.А. Бабий. – Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 250 с.
50. Баулин Ю.В. Право граждан на задержание преступника: монография [Текст] / Ю.В. Баулин. – Харьков: Вища. шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1986. – 156 с.
51. Базаров Р.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против жизни: учеб. пособие [Текст] / Р.А. Базаров. – Челябинск, 1998. – 98 с.
52. Большая медицинская энциклопедия / отв. ред. Е. Начетян. – М., 2002. – 536 с.
53. Бородин С.В. Преступления против жизни [Текст] / С.В. Бородин. – Москва: Юристъ, 1999. – 356 с.
54. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву [Текст] / С.В. Бородин. – Москва: Юрист, 1994. – 216 с.
55. Бородин С.В. Преступления против жизни [Текст] / С.В. Бородин. – Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2003. – 467 с.
56. Бородин С.В., Полиашвилли А.Я. Вопросы теории и практики судебной экспертизы: монография [Текст] / С.В. Бородин, А.Я. Полиашвилли. – Москва, 1963. – 261 с.
57. Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни: монография [Текст] / С.В. Бородин. – Москва, 1977. – 240 с.
58. Бородин С.В. Квалификация убийств по советскому уголовному праву: монография [Текст] / С.В. Бородин. – Москва, 1963. – 236 с.
59. Бородин С.В. Рассмотрение судом уголовных дел об убийстве: монография [Текст] / С.В. Бородин. – Москва, 1964. – 237 с.

60. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. Учебно-практическое пособие [Текст] / Г.Н. Борзенков. – Москва: ИКД Зерцало, 2013. – 256 с.
61. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений [Текст] / В.К. Вилюнас. – Москва: Изд-во МГУ, 1976. – 143 с.
62. Гернет М.М. Детоубийство в русском праве [Текст] / М.М. Гернет // «А се грехи злые, смертные»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX в.; Выпуск 2: в 3 кн. Кн. 1 / подг. Н.Л. Пушкаревой и Л.В. Бессмертных. – Москва, 2004. – 941с.
63. Глухарева Л.И. Уголовная ответственность за детоубийство: Монография [Текст] / Л.И. Глухарева. – Москва, 1984. – 245 с.
64. Голубовский В.Ю. Межнациональные, религиозные отношения и будущее России: конфликты и потенциал гражданского общества: монография [Текст] / В.Ю. Голубовский, Е.В. Кунц. – Москва, Проспект, 2017. – 141 с.
65. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве [Текст] / М.С. Гринберг. – Москва: Госюриздат, 1963. – 132 с.
66. Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы: монография [Текст] / П.С. Дагель. – Москва, Юрид. лит., 1977. – 144 с.
67. Даль В.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / В.И. Даль. – Москва: Эксмо-Пресс, 2001. – 640 с.
68. Дарвин Ч. Выражение душевных волнений [Текст] / Ч. Дарвин. Пер. д-ра философии М. Филиппова. – Санкт-Петербург: тип. А. Пороховщикова, 1896. – 221 с.
69. Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 т. – Т. 1 [Текст] / Н.А. Добролюбов. – Москва: Гослитиздат, 1961. – 651 с.
70. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер., с фр. с сокр. [Текст] / Э. Дюркгейм. под ред. В.А. Базарова. – Москва: Мысль, 1994 – 399 с.
71. Егоров Т.Г. Психология [Текст]: учеб. пособие / проф. Т.Г. Егоров. – 2-е изд., доп. – Москва: Воениздат, 1955. – 264 с.
72. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь: справочное издание [Текст] / М.И. Еникеев. – Москва: Велби: Проспект, 2006. – 560 с.
73. Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России [Текст] / В.И. Зубкова. – Москва: Норма, 2005. – 256 с.
74. Иванов П.И. Психология [Текст] / П.И. Иванов. – Москва, 1956. – 140 с.
75. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения: учебное пособие [Текст] / К.Е. Игошев. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 168 с.
76. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / Авт. кол.: Г.Н. Борзенков, В.П. Верин, Б.В. Волженкин и др.; Отв. ред. В.М. Лебедев; Верховный Суд РФ. – 3-е изд., доп. и испр., науч.-практ. – Москва: Юрайт, 2004. – 917 с.
77. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. – Москва, Проспект, 2021. – 1536 с.
78. Комментарий к Уголовному кодексу РФ [Текст] / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – 3-е изд., изм. и доп. – Москва: НОРМА (ИНФРА-М), 2001. – 896 с.
79. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны [Текст] / А.Ф. Кони. – Москва: Острожье, 1996. – 112 с.
80. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны [Текст] / Н.И. Коржанский. – Москва: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 248 с.
81. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография [Текст] / А.И. Коробеев. – Москва, Юрлитинформ, 2012. – 320 с.
82. Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву [Текст] / А.Н. Красиков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 124 с.



83. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России: монография [Текст] / А.Н. Красиков. – Саратов, 1996. – 211 с.
84. Крылова Н.Е. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии): учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. [Текст] / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. – Москва: Зерцало, 1998. – 208 с.
85. Криминология: Учебник студ. вузов, обуч. по спец. «Юриспруденция»: доп. М-вом образования РФ. [Текст] / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминовой. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Москва: Юристъ, 2004. – 734 с;
86. Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: природа, причины, предупреждение: монография [Текст] / Е.Б. Кургузкина. – Воронеж, 1999. – 155 с.
87. Курс российского уголовного права. Особенная часть [Текст] / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – Москва: Спартак, 2002. – 1040 с.
88. Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления. В 6 томах: Часть особенная. Т. 5 [Текст] / Г.Л. Кригер, А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин. – М.: Наука, 1971. – 572 с.
89. Курс уголовного права России. Общая часть. Избранные лекции / под общ. ред. Б.В. Сидорова. – Казань, 2007. – 143 с.
90. Ланге К. Аффекты (душевные движения): психофизиол. этюд [Текст] / К. Ланге. – Санкт-Петербург: 1896. – 89 с.
91. Левитов М.Д. О психических состояниях человека [Текст] / Н.Д. Левитов. – Москва: Просвещение, 1964. – 344 с.
92. Левина А.М. Право на жизнь: монография [Текст] / А.М. Левина. – Москва, 1925.
93. Лопашенко Н.А. Убийства: монография [Текст] / Н.А. Лопашенко – Москва, Юрлитинформ, 2013. – 544 с.
94. Лунц Д.Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии: монография [Текст] / Д.Р. Лунц. – Москва: Медицина, 1966. – 236 с.
95. Наенко Н.И. Психическая напряженность [Текст] / Н.И. Наенко. – Москва: Изд-во Московс. ун-та, 1976. – 112 с.
96. Наенко Н.И. Психология [Текст] / Н.И. Наенко. – Москва, 1956. – 155 с.
97. Наумов А.В. Комментарий к Уголовной Кодексу РФ [Текст] / С.В. Бородин, О.Л. Дубовик, О.Л. Келина и др.; под ред. А.В. Наумова; Институт государства и права РАН. – Москва: Юристъ, 1996. – 823 с.
98. Наумов А.В. Мотивы убийств [Текст] / А.В. Наумов. – Волгоград: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел Высшей следственной школы МВД СССР. 1969. – 406 с.
99. Неклюдов Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права: Преступления и проступки против личности. Т. 1. [Текст] / Н.А. Неклюдов. – Санкт-Петербург: Тип. П.П. Меркульева, 1876. – 555 с.
100. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Изд. 4-е, доп. – Москва: Азбуковник, 1997. – 939 с.
101. Ольшевская О.И. Роль и значение эмоций [Текст] / О.И. Ольшевская. – Минск: Беларусь, 1968. – 80 с.
102. Пионтковский А.А. Избранные труды. Т. 2 [Текст] / А.А. Пионтковский; сост.: Ф.Р. Сундуров, М.В. Талан. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. – 280 с.
103. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография [Текст] / Т.А. Плаксина; под науч. ред.: В.Д. Филимонов. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. универ., 2006. – 432 с.
104. Плаксина Т.А. Объективные признаки убийства: общая характеристика: монография [Текст] / Т.А. Плаксина, Л.С. Ярцева. Алтайский экономико-юридический ин-т. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – 115 с.

105. Побегайло Э.Ф. Избранные труды [Текст] / Э.Ф. Побегайло; Ассоциация Юридический центр. – Науч. изд. – Санкт-Петербург: «Юридически центр Пресс», 2008. – 1066 с.
106. Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии [Текст] / Н.Н. Полянский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрид. лит., 1969. – 399 с.
107. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах [Текст] / А.Н. Попов. – Санкт-Петербург, Юридический центр Пресс, 2001. – 465 с.
108. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / Моск. гос. юрид. акад.; под ред. А.И. Чучаева. – Москва: ИНФРА-М, 2004. – 795 с.
109. Репецкая А.С. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной практике: монография [Текст] / А.С. Репецкая. – Иркутск: Изд-во. Иркут. ун-та, 1994. – 152 с.
110. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – Москва, 1946. – 704 с.
111. Рибо Т. Гнев. Психофизиологический этюд [Текст] / Пер. с франц. 2-го изд. с доп. и примеч. И.П. Рапгофа; Теодор Рибо, проф. CollegedeFrance и ред. Revuephilosophique. – Санкт-Петербург: В.И. Губинский, 1899. – 80 с.
112. Романовский Г.Б. Право на жизнь: монография [Текст] / Г.Б. Романовский. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2002. – 167 с.
113. Святенюк Н.И. Особенности правовой оценки отдельных квалифицированных и привилегированных составов убийства: учеб. пособие [Текст] / Н.И. Святенюк. – Москва: Моск. ун-т МВД России, 2005. – 101 с.
114. Сидоров Б.В. Уголовно–правовые гарантии правомерного, социально полезного поведения [Текст] / Б.В. Сидоров. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 147 с.
115. Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Социально-психологическое и правовое исследование [Текст] / Б.В. Сидоров. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 160 с.
116. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность [Текст] / Б.В. Сидоров. – Казань, 1998.
117. Ситковская О.Д. Аффект: криминально-психологическое исследование [Текст] / О.Д. Ситковская. – Москва: Юрлитинформ, 2001. – 240 с.
118. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности [Текст] / О.Д. Ситковская. – Москва: Издательство НОРМА, 1998. – 285 с.
119. Советский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – Москва, 1982. – 1599 с.
120. Современный философский словарь [Текст] / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – Москва: Изд-во: Панпринт, 1998. – 1065 с.
121. Сташис В.В. Уголовно-правовая охрана личности: научно-практический комментарий действующего уголовного законодательства УССР [Текст] / В.В. Сташис, М.И. Бажанов. – Харьков: Вища шк., 1976. – 220 с.
122. Суворова В.В. Психофизиология стресса [Текст] / В.В. Суворова. – Москва: Педагогика, 1975. – 208 с.
123. Справочник по акушерству и гинекологии [Текст] / В.И. Кулаков и др.; под ред. Г.М. Савельевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Медицина, 1996. – 382 с.
124. Судебная медицина: учебник [Текст] / под ред. В.Н. Крюкова. – Москва, 1998. – 464 с.
125. Судебная психиатрия: учебник. [Текст] / под ред. Г.В. Морозова, Д.Р. Лунц. Москва, 1971. – 432 с.
126. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Текст] / Н.С. Таганцев. – Санкт-Петербург. 1908. – 959 с.
127. Тишкевич И.С. Борьба с преступностью – дело каждого [Текст] / И.С. Тишкевич. – Москва: Юрид. лит., 1981. – 120 с.

128. Тишкевич И.С. Право граждан на задержание преступника [Текст] / И.С. Тишкевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 112 с.
129. Ткаченко В.И. Квалификация преступлений против жизни и здоровья по советскому уголовному праву: учебное пособие [Текст] / В.И. Ткаченко / под ред.: Б.В. Здравомыслов. – Москва: РИО ВЮЗИ, 1977. – 100 с.
130. Теплов Б.М. Психология [Текст] / Б.М. Теплов. – Москва, 1946. – 254с.
131. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления: Монография [Текст] / А.Н. Трайнин. – Москва, 1957. – 131 с.
132. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть: учебное пособие [Текст] / Н.А. Голованова и др.; под ред. И.Д. Козочкина. – Москва: Камерон. 2004. – 527 с.
133. Уголовное право. Особенная часть [Текст] / под ред. В.Н. Рарога. – Москва: Юрист, 1997. – 480 с.
134. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник [Текст] / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. – Москва: «Статут», 2012. – 943 с.
135. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник [Текст] / под ред. А.И. Рарога. – Москва: Проспект, 2004. – 691 с.
136. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник [Текст] / под общ.ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. – Москва, 1997. – 752 с.
137. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов [Текст] / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. – Москва: Контракт, 2014. – 560 с.
138. Уголовное право. Общая часть [Текст] / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Наумова. – Москва: Норма, Инфра-М, 1997. – 516 с.
139. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов [Текст] / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – Москва, «Норма», 2001. – 960 с.
140. Уголовное право. Особенная часть: учебник [Текст] / под ред. Л.Д. Гаухмана и проф. С.В. Максимова. – Москва: Эксмо, 2004. – 704 с.
141. Уголовное право. Особенная часть: учебник [Текст] / Н.Н. Афанасьев / под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. – Москва: Новый юрист, 1998.– 768 с.
142. Уголовный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий [Текст] / под ред.: Кругликов Л.Л., Тенчов Э.С. – Ярославль: Влад: ОрМак, 1994. – 671 с.
143. Философский энциклопедический словарь. [Текст] / Главная редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.Н. Ковалёв, В.Г. Панов. – Москва: Советская энциклопедия. 1989 г. – 815 с.
144. Франк Л.В. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии [Текст] / Л.В. Франк. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 237 с.
145. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Текст] / ред. Логвинова Т.М., Правилова В.М., Сергеева И.Н. – Альта-Принт, 2009 г. – 1239 с.
146. Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем [Текст] / Е.Е. Центров. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 160 с.
147. Шестаков Д.А. Супружеские убийства как общественная проблема [Текст] / Д.А. Шестаков; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1992. – 91 с.
148. Шур Э.М. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. Пер. с англ. [Текст] / Э.М. Шур; под ред.: В.Н. Кудрявцев (Предисл.); пер.: Ю.А. Неподаев. – Москва: Прогресс, 1977. – 326 с.
149. Энциклопедия мысли. Кн. первая [Текст] / сост. И.Б. Беляева и др. – СПб., 2001. – 139 с.
150. Энциклопедия мысли. Собрание афоризмов и изречений от древности до наших дней. Кн. 2 [Текст] / сост. И.Б. Беляева и др. – Санкт-Петербург: Кристалл; Респекс 2000. – 589 с.
151. Юридический энциклопедический словарь [Текст] / А.И. Алексеев, Л.П. Ануфриева, В.А. Белов и др. – Москва: ИНФРА-М, 2001. – 450 с.

152. Яковлев А.М. Преступность и социальная психология: Социально-психологические закономерности противоправного поведения [Текст] / А.М. Яковлев. – Москва: Юридическая литература, 1971. – 248 с.

153. Якубович М.И. Необходимая оборона и задержание преступника : пособие для слушателей [Текст] / М.И. Якубович, д-р юрид. наук, проф.; Нар. ун-т: Фак. правовых знаний. – Москва: Знание. – 1976. – 80 с.

### Статьи

154. Авдеева Г.М. Детоубийство [Текст] / Г.М. Авдеева // Социалистическая законность. – 1937. – № 8. – С. 53-70.

155. Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: вопросы совершенствования [Текст] / Н.Е. Аленкин // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. – Москва: Изд-во Моск. ун-та. – 2012. – № 4. С. 44-54.

156. Антонов В.Ф. Некоторые вопросы квалификации убийств [Текст] / В.Ф. Антонов // Журнал российского права. – Москва: Норма. – 2004. – № 12. С. 40-45.

157. Ахмедханова С.Т. Преступления против жизни и здоровья, совершаемые женщинами в семье и проблемы их профилактики [Текст] / С.Т. Ахмедханова // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2012, № 5. – С. 90-92.

158. Багмет А.М. К вопросу об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ [Текст] / А.М. Багмет, А.В. Трощанович // Российский следователь. – Москва: Юрист. – 2014. – № 11. – С. 18-20.

159. Барышева В. Уголовно-правовое значение «аномального аффекта» [Текст] / В. Барышева // Законность. – Москва, 2003. – № 12. – С. 35-36.

160. Бородин С.В. Защита личности в России: криминологический и уголовно-правовой аспекты [Текст] / С.В. Бородин, Л.Р. Клебанов // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 105-111.

161. Бородин С.В. Убийство из сострадания [Текст] / С.В. Бородин, В.А. Глушков // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. – С. 138-145.

162. Бояров С.А. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве [Текст] / С.А. Бояров // Российская юстиция. – 2005. – № 3. – С. 58-59.

163. Васьков П.Ф. Вопросы определения смерти / П.Ф. Васьков, М.И. Ковалев // Социалистическая законность. – 1982. – № 6. – С. 14.

164. Волженкин Б.В. Модельный уголовный кодекс и его влияние на формирование уголовного законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств. [Текст] / Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сб. науч. ст.; под ред. Л.Л. Кругликова, Н.Ф. Кузнецовой. – Москва: «ЛексЭст», 2002. – С. 7.

165. Дагель П.С. Потерпевший в советском уголовном праве / Потерпевший от преступления: тематический сборник, Т. 85 [Текст] / отв. ред. П.С. Дагель. – Владивосток, 1974. – С. 18-20.

166. Дерябин В.С. Аффективность и закономерность высшей нервной деятельности [Текст] / В.С. Дерябин // Журнал высшей нервной деятельности. – 1951. – Т. 1. – Вып. 6. – С. 889-901.

167. Дмитриев Ю.А. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии [Текст] / Ю.А. Дмитриев, Е.В. Шленева // Государство и право. – Москва: Наука. – 2000. – № 11. – С. 52-59.

168. Донцов С. Правомерность причинения вреда в критических условиях борьбы с преступностью [Текст] / С. Донцов // Советская юстиция. – М.: Юрид. лит. – 1990. – № 6. – С. 13-15.

169. Дубинина М.И. Вина в убийстве совершенном в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения / М.И. Дубинина, А.А. Чугунов // Реформирование законодательства в сфере противодействия преступности и проблема его применения: сб. науч-

ных статей по материалам межвузовского научно-методического семинара / отв. ред. М.Г. Жилкин. Московский областной филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, 2015. – С. 119-120.

170. Егорова Н.А. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление [Текст] / Н.А. Егорова, С.А. Гордейчик // Законность. 2013. № 2. – С. 15-20.

171. Есаков Г. Использование предохранительных устройств при защите имущества и необходимая оборона [Текст] / Г. Есаков // Уголовное право. – Москва: АНО «Юридические программы». – 2013. – № 1. – С. 17-23.

172. Звечаровский И.Э. Кому необходима необходимая оборона? [Текст] / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. – Москва: АНО «Юридические программы». – 2013. – № 1. – С. 28-30.

173. Кабурнеев Э.В. Развитие законодательства об ответственности за убийство [Текст] / Э.В. Кабурнеев // Журнал российского права. – Москва: Норма. – 2007. – № 8. – С. 99-106.

174. Карасова А.Л. Влияние личностных особенностей женщин-детоубийц на квалификацию уголовной ответственности [Текст] / А.Л. Карасова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. – 2012. – № 1. – С. 73-79.

175. Капица Т.А. Характеристика личности преступницы по делам об убийстве матери новорожденного ребенка [Текст] / Т.А. Капица // Закон и право. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА. – 2014, № 4. – С. 119-120.

176. Ковалев М.И. Вопросы определения смерти [Текст] / М.И. Ковалев // Социалистическая законность. – 1982. № 6 – С. 14.

177. Коробеев А.И. Обсуждение нового уголовного законодательства [Текст] / А.И. Коробеев // Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 215.

178. Конюшкина Ю.А. Об эвтаназии [Текст] / Ю.А. Конюшкина // Юрист. – Москва: Юрист, 2002, – № 9. – С. 59-60.

179. Константинов П.Ю. Объект убийства: проблемы теории и практики [Текст] / П.Ю. Константинов // Уголовное право. – Москва: АНО «Юридические программы». – 2005. – № 2. – С. 37-39.

180. Крылова Н.В. Эвтаназия: уголовно-правовой аспект [Текст] / Н.В. Крылова // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. – Москва: Изд-во Моск. ун-та. – 2002. – № 2. – С. 17-37.

181. Куванова Ю.А. Психические расстройства, не исключающие вменяемости: теория и практика [Текст] / Ю.А. Куванова // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. – Москва: Изд-во Моск. ун-та. – 2001. – № 2. – С. 87-95.

182. Кузнецов В.И. Понятие убийства в Российском уголовном праве. [Текст] / В.И. Кузнецов // ЭЖ-Юрист. – 2003. – № 19.

183. Кулешова И.В. К вопросу о квалификации убийства двух или более лиц // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. Рязань: ООО «Концепция» – 2015. – № 3. – С. 77-79.

184. Лимова Е.А. Убийства на бытовой почве [Текст] / Е.А. Лимова // Научные труды SWorld. – Иваново: ООО «Научный мир», 2012. – Т. 36. – № 4. – С. 7-8.

185. Лукницкий П.Н. Милосердие с летальным исходом: [об эвтаназии] [Текст] / П.Н. Лукницкий // Чудеса и приключения. 2005. – № 6. – С. 52-54.

186. Лунева А.В. Проблемы законодательной регламентации ответственности за убийство. [Текст] / А.В. Лунева // Черные дыры в российском законодательстве. – Москва: К-Пресс. – 2013. – № 5. – С. 66-70.

187. Маликов Б.З. Наказание – основная форма реализации уголовной ответственности [Текст] / Б.З. Маликов // Уголовное право. – Москва: Интел-Синтез. – 2003. – № 3. С. 39-40.

188. Малиновский А.А. Имеет ли человек право на смерть? [Текст] / А.А. Малиновский // Российская юстиция. – Москва: Юридическая литература. – 2002. – № 8. – С. 54-55.
189. Мальцев В.З. Необходимая оборона при посягательствах на свободу, здоровье, половую свободу и неприкосновенность [Текст] / В.З. Мальцев // Законность. – 2012. – № 2. – С. 32-34.
190. Марчук В.В. Уголовно-правовая оценка деяний, инспирирующих суицид [Текст] / В.В. Марчук // Судебный вестник. – 2003. – № 2. – С. 29-32.
191. Михайлова И.А. Право на жизнь: актуальные проблемы законодательства, теории и практики [Текст] / И.А. Михайлова // Российский судья. Москва: Издательская группа «Юрист». – 2005. – № 8. – С. 39-43.
192. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов [Текст] / Н.И. Матузов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та. – 1998. – № 1. – С. 198-212.
193. Орешкина Т.Ю. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Текст] / Т.Ю. Орешкина // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 23-28.
194. Плаксина Т.А. Дополнительные критерии установления умысла на убийство [Текст] / Т.А. Плаксина // В сборнике: Правовая система общества: преемственность и модернизация: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2013. – С. 148-151.
195. Плаксина Т.А. Основание повышения уголовной ответственности за убийство женщины, находящейся в состоянии беременности [Текст] / Т.А. Плаксина / Уголовное право, 2006, № 2. – С. 66-67.
196. Побегайло Э.Ф. Проблемы уголовной политики в сфере обеспечения безопасности жизни граждан (законотворческий аспект) // – Москва: Интел-Синтез, 2001, № 1. – С. 35-39.
197. Под видом эвтаназии будут просто убивать людей // Известия. 2004. 9 дек.
198. Попов А.Н. Ответственность за вновь совершенное убийство в законодательстве [Текст] / А.Н. Попов // Законодательство. – 2002. – № 1. – С. 51-55.
199. Право на необходимую оборону (Обзор судебной практики) // Бюллетень Верховного Суда СССР, 1983, № 3. – С. 16.
200. Романовский Г.Б. Момент смерти как юридическая фикция [Текст] / Г.Б. Романовский // Юрист. – 2002. – № 1. – С. 60-62.
201. Румынина В.В. Нужен ли России закон об эвтаназии? (коммент. к проекту закона Н.А. Ардашевой (Тюмень) «Об эвтаназии и условиях ее применения» [Текст] / В.В. Румынина // Основы государства и права. – 1999. – № 2. – С. 49-54.
202. Сафуанов Ф. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка /Ф. Сафуанов // Российская юстиция. – 1998, – № 3. – С. 29-30.
203. Сидоров Б.В. Причинение вреда при задержании преступника [Текст] / Сидоров Б.В. // Советская юстиция. – Москва: Юрид. лит. – 1990, – № 3. – С. 34-25.
204. Стромиллова Н.П. Развитие норм об уголовной ответственности за убийство [Текст] / Н.П. Стромиллова // История государства и права. – 2002. – № 6. – 30-35.
205. Сулейманова С.Т. Институт необходимой обороны в уголовном праве Канады [Текст] / С.Т. Сулейманова // Черные дыры в российском законодательстве. – 2013. – № 4. – С. 60-62.
206. Тасаков С.В. Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство [Текст] / С.В. Тасаков // Российская Юстиция. – 2003. – № 2. – С. 40-42.
207. Ткаченко В.И. Квалификация убийств и причинения телесных повреждений, совершенных в состоянии душевного волнения [Текст] / В.И. Ткаченко // Вопросы криминалистики. – М.: Юрид. лит. – 1964. – 12(27). – С. 39-49.

208. Тухбатуллин Р.Р. Субъект и субъективная сторона преступлений против жизни и здоровья, совершенных в состоянии аффекта [Текст] / Р.Р. Тухбатуллин // Российский следователь. – Москва: Юрист. – 2005 г. – № 8. – С. 26-30.

209. Чернега К.А. Правовые проблемы эвтаназии в России [Текст] / К.А. Чернега // Гражданин и право. – Москва: Новая правовая культура. – 2003. – № 1. – С. 37-55.

210. Шарапов Р.Д. Уголовно-правовое значение юридического определения момента рождения ребенка [Текст] / Р.Д. Шарапов // Уголовное право, – 2012 – № 3. – С. 75-78.

211. Шнитенков А. Новая редакция статьи о необходимой обороне требует дополнения [Текст] / А. Шнитенков // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 38.

212. Щербакова Л.М. Убийство матерью новорожденного ребенка как проявление гендерной асимметрии в уголовном праве России [Текст] / Л.М. Щербакова // Системность в уголовном праве: Материалы II Российского Конгресса уголовного права (31 мая – 7 июня 2007 г.). – Москва: Проспект. – 2007. – С. 547-550.

### Диссертации и авторефераты

213. Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: проблемы совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Н.Е. Аленкин. – Москва, 2017 – 32 с.

214. Васильев Ю.А. Практика назначения наказания по делам об убийствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Ю.А. Васильев. – Омск, 2011. – 23 с.

215. Васяев Д.Н. Уголовная ответственность за убийство с учетом мотива и цели: проблемы правотворчества и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Д.В. Васяев. – Самара, 2014. – 20 с.

216. Вольдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Н. Г. Вольдимарова. – Москва, 2003. – 22 с.

217. Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Е.И. Грубова. – М., 2009. – 27 с.

218. Демидов Ю.А. Умысел и его виды по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. [Текст] / Демидов Ю.А. – Москва: Моск. гос. ун-т, 1964. – 19 с.

219. Доронина Е.Б. Беспомощное состояние потерпевшего в структуре состава убийства: теория, закон, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. [Текст] / Доронина Е.Б. – Екатеринбург, 2004. – 28 с.

220. Заря А.В. Условия и пределы правомерности необходимой обороны по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / А. В. Заря; Московский ин-т экон., политики и права. – Москва, 2009. – 24 с.

221. Зырянова Н.Г. Нейродинамические характеристики взрослого человека и их связи с интеллектуальными чувствами: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.02 [Текст] / Н.Р. Зырянова. – Ленинград, 1970. – 26 с.

222. Кабурнеев Э.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни по уголовному праву России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Э. В Кабурнеев. – Москва, 2007. – 47 с.

223. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление (уголовно-правовые проблемы): автореф. дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). О.С. Капинус. – Москва, 2006. – 58 с.

224. Касторнова В.Ю. Уголовно-правовая характеристика и криминологический анализ убийства матерью новорожденного ребенка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / В.Ю. Касторнова. – Ростов-на-Дону, 2004. – 23 с.

225. Королева И.А. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, по российскому уголовному праву: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / И.А. Королева. – Москва, 2007. – 25 с.
226. Краев Д.Ю. Убийство, сопряженное с иными преступлениями: законодательная регламентация и квалификация: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Д.Ю. Краев. – Санкт-Петербург, 2009. – 25 с.
227. Кургузкина Е.Б. Предупреждение убийства матерью новорожденного ребенка: Криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Е. Б. Кургузкина. – Москва, 1999. – 25 с.
228. Лабунская В.А. Психологическое исследование условий, влияющих на успешность опознания эмоциональных состояний по выражению лица: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 [Текст] / В.А. Лабунская. – Л.: ЛГУ, 1976. – 20 с.
229. Малешина А.В. Ответственность за преступные деяния против жизни в странах общего права (на примере Англии, США и Канады): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / А. В. Малешина. – Москва, 2009. – 30 с.
230. Манойлова С.А. Эмоции в уголовном праве: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / С.А. Манойлова. – Ярославль, 2005.
231. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дис. на соискание ученой степени доктора юридических наук: 12.00.08 [Текст] / Т.А. Плаксина. – Томск: Томский государственный университет, 2006. – 46 с.
232. Попов А.Н. Умышленные преступления против жизни (проблемы законодательной рекомендации и квалификации): автореф. дис. ...док. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / А.Н. Попов. – Москва, 2003. – 50 с.
233. Сидоров Б.В. Поведение потерпевшего от преступления и уголовная ответственность: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право; Криминология; Уголовно-исполнительное право. / Б.В. Сидоров. – Казань, 1998. – 336 с.
234. Стельмах Т.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика способа совершения убийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.08 [Текст] / Т. А. Стельмах. – М., 2012. – 33 с.
235. Спиридонова Л.Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки при квалификации преступлений против жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Л.Э. Спиридонова. – СПб., 2013. – 30 с.
236. Сысоева Т.В. Убийство совершенное в состоянии аффекта уголовно-правовые и виктимологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.08 [Текст] / Т.В. Сысоева. – Екатеринбург, 2000. – 24 с.
237. Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / С.М. Старых – Москва, 2003. – 30 с.
238. Тасаков С.В. Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / С.В. Тасаков – Чебоксары, 2000. – 210 с.
239. Тасаков С.В. Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах по уголовному праву России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / С. В. Тасаков. – Самара, 2000. – 23 с.
240. Ткачев И.О. Множественность потерпевших и ее значение при квалификации убийств: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / И.О. Ткачев. – Екатеринбург, 2009. – 210 с.
241. Трясоумов М.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с убийствами матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / М.А. Трясоумов. – Екатеринбург, 2000. – 218 с.



242. Чугунов А.А. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / А.А. Чугунов – Москва, 2008. – 24 с.
243. Шкурная Е.В. Жизнь как объект права: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 [Текст] / Е. В. Шкурная. – Москва, 2010.–24 с.

### Судебная практика и статистика

244. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения:20.02.2021).
245. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения:20.02.2021).
246. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения:20.02.2021).
247. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения:20.02.2021).
248. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения:20.02.2021).
249. Архив Верховного Суда Республики Башкортостан за 2011 г., уголовное дело по обвинению Д. по п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.
250. Архив Верховного Суда Республики Мордовия за 2012 г., уголовное дело № 1-72/12.
251. Архив Верховного Суда Республики Татарстан за 2010 г., уголовное дело № 44-у-47.
252. Архив Верховного Суда Республики Татарстан за 2002 г., уголовное дело № 02 и 01-55 2002 г.
253. Архив Калининского районного суда г. Челябинска за 2002 г., уголовное дело № 2-334/02, л. 234.
254. Архив Калининского районного суда г. Челябинска за 2004 г., уголовное дело № 1-253/04, л. 325, 327, 328.
255. Архив Калининского районного суда г. Челябинска за 2004 г., уголовное дело № 1-734\04, л. 325, 335.
256. Архив Кировского районного суда г. Казани за 2012 г.
257. Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2011 г., уголовное дело № 1-217/11.
258. Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2004 г., уголовное дело № 1-253/04, л. 325.
259. Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2004 г., уголовное дело № 2-337/04, л. 283.
260. Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2004 г., уголовное дело № 2-354/04, л. 245-247.
261. Архив Краснодарского краевого суда за 2012 г., уголовное дело № 2-30-12.
262. Архив Липецкого областного суда за 2012 г., уголовное дело № 01-78/12.
263. Архив Липецкого областного суда за 2012 г., уголовное дело по обвинению Е. по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ.
264. Архив Московского городского суда за 2011 г., уголовное дело № 2-84/11.
265. Архив Новгородского областного суда за 2011 г., уголовное дело № 02–23/11.

266. Архив Самарского областного суда за 2010 г., уголовное дело № 03-12/10.
267. Архив Санкт-Петербургского городского суда за 2011 г., уголовное дело № 2-39/11.
268. Архив Санкт-Петербургского городского суда за 2011 г., уголовное дело № 2-39/11.
269. Архив Советского районного суда г. Казани за 2005 г., уголовное дело № 10-125/05.
270. Архив Советского районного суда г. Казани за 2010 г., уголовное дело № 1-78/10.
271. Архив Челябинского областного суда за 2005 г., уголовное дело № 2-334/05 л. 124.
272. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, раздел статистика// <http://www.cdep.ru> (дата обращения:20.03.2021).
273. Данные Министерства внутренних дел РФ, раздел состояния преступности // <http://www.mvd.ru> (дата последнего обращения 20.03.2021).
274. Данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации, портал правовой статистики [crimestat.ru](http://crimestat.ru) (дата обращения:30.03.2021).
275. Дело № 2-3/2013. Приговор Верховного Суда Республики Дагестан (г. Махачкала) от 18 января 2013 года в отношении Кочкарова М.А., Джабраилова М.З., Саибова А.Г., Кочкарова Р.Г.// <https://rospravosudie.com/>
276. Дело № 2-135/2011. Приговор Кемеровского областного суда (г. Прокопьевск) от 23 ноября 2011 года в отношении Жданова М.П. // <https://rospravosudie.com/>
277. Дело № 2-29/2011. Приговор Иркутского областного суда (г. Иркутск) от 20 января 2011 года в отношении Фатфулина Д.М. // <https://rospravosudie.com/>
278. Дело № 2-49/2011. Приговор Алтайского краевого суда (г. Барнаул) от 9 сентября 2011 года в отношении Парамонова С.Н. // <https://rospravosudie.com/>
279. Дело № 2-80/10. Приговор Пермского краевого суда от 16 сентября 2010 года (г. Пермь) в отношении Возяковой В.В. // <https://rospravosudie.com/>
280. Кассационное определение Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан по делу 44у-492/2015 от 30 сентября 2015 г. <http://sudact.ru/regular/doc/jwNpVLhzlkoJ/>
281. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда от 25 февраля 2013 года по делу № 22-1179/13// Архив Приморского краевого суда за 2013 г.
282. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда Республики Алтай от 17 ноября 2010 года на приговор Горно-Алтайского городского суда РФ от 12 октября 2010 года// Архив Горно-Алтайского городского суда РФ за 2010 г.
283. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Дагестан от 14 мая 2012 года по уголовному делу № 22-483-2012 // Архив Кизлярского районного суда Республики Дагестан за 2012 г.
284. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Бурятия по делу Ш. от 10 января 2013 года по уголовному делу № 22-2700 // Архив Верховного суда Республики Бурятия за 2013 г.
285. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Владимирского областного суда от 16 декабря 2010 года по уголовному делу № 22-3695/10 // Архив Владимирского областного суда за 2010 г.
286. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 24 марта 2009 года в отношении Д., уголовное дело № 22-1382 // Архив Нижегородского областного суда за 2009 г.
287. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 16 июня 2011г. по уголовному делу № 22-3972-11 // Архив Краснокамского городского суда Пермского края за 2011 г.

288. Приговор Бердюжского районного суда Тюменской области по делу М. от 11 января 2013 г.; уголовное дело №1-2/13 // Архив Бердюжского районного суда Тюменской области за 2013 г.

289. Приговор Бузулукского районного суда Оренбургской области от 17.06.2013 г. по делу К. // Архив Бузулукского районного суда Оренбургской области РФ за 2013 г.

290. Приговор Дзун-Хемчинского районного суда Республики Тыва по делу Д. от 9 октября от 2012 г. // Архив Дзун-Хемчинского районного суда Республики Тыва за 2012 г.

291. Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 29 июля 2010 г., по делу М. // Архив Железнодорожного районного суда г. Красноярск за 2010 г.

292. Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 7 ноября 2011г., по делу М., осужденного по ч. 2 ст. 108 УК РФ // Архив Железнодорожного районного суда г. Красноярск за 2011 г.

293. Приговор Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ от 18 января 2013г., по делу № 1-77/2013А // Архив Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ за 2013 г.

294. Приговор Кировского районного суда г. Уфы от 15 января 2007 года по делу Ж. // Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2007 г.

295. Приговор Краснокамского городского суда Пермского края от 9 августа 2011 года по делу О. // Архив Краснокамского городского суда Пермского края за 2011 г.

296. Приговор Курчатковского районного суда г. Челябинск от 16 марта 2011 г., уголовное дело № 1-150/11 // Архив Курчатковского районного суда г. Челябинск за 2011 г.

297. Приговор Ленинского районного суда г. Ставрополя от 11.06.2014 г. по уголовному делу № 22-3676/14. Апелляционное определение Судебной коллегии Ставропольского краевого суда от 22.10.2014 // Архив Ленинского районного суда г. Ставрополя за 2014 г.

298. Приговор Липецкого областного суда по делу Е. по обвинению в преступлении, предусмотренном п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Архив Липецкого областного суда за 2012 г.

299. Приговор Мотыгинского районного суда Красноярского края от 31 октября 2013 г. по уголовному делу № 22-5145/14 и апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 22 июля 2014 г. // Архив Мотыгинского районного суда Красноярского края за 2014 г.

300. Приговор Октябрьского районного суда г. Кирова от 8 июня 2012 года по уголовному делу в отношении М. // Архив Октябрьского районного суда г. Кирова за 2012 г.

301. Приговор Октябрьского районного суда г. Уфы по делу Д. от 26 марта 2012 г., уголовное дело № 1-192/12 // Архив Октябрьского районного суда г. Уфы за 2012 г.

302. Приговор Оренбургского областного суда (г. Оренбург) от 23 марта 2011 года в отношении Трофимова А.А. // Архив Оренбургского областного суда за 2011 г.

303. Приговор Пролетарского районного суда г. Ростов-на-Дону от 6 сентября 2012 года по делу Е-ян // Архив Пролетарского районного суда г. Ростов-на-Дону за 2012 г.

304. Приговор Пролетарского районного суда г. Саранск от 27 февраля 2013 года по делу А. // Архив Пролетарского районного суда г. Саранск за 2013 г.

305. Приговор Бердюжского районного суда Тюменской области по делу М. от 11 января 2013 г., уголовное дело № 1-2/13 // Архив Бердюжского районного суда Тюменской области за 2013 г.

306. Приговор Гарнизонного военного суда Ростова-на-Дону по делу З.А.А., осужденного 31 августа 2012 г. по ч. 1 ст. 107 УК РФ // Архив Гарнизонного военного суда Ростова-на-Дону за 2012 г.

307. Приговор Советского районного суда г. Казани от 7 августа 2003 г. по уголовному делу № 1-508/03 // Архив Советского районного суда г. Казани за 2003 г.

308. Приговор Суздальского районного суда Владимирской области от 11.04.2013 по делу Ф. // Архив Суздальского районного суда Владимирской области за 2013 г.

309. Приговор Татышлинского районного суда Республики Башкортостан от 23 января 2013 г. по делу Ж., уголовное дело № 1-5/13 // Архив Татышлинского районного суда Республики Башкортостан за 2013 г.

310. Приговор Труновского районного суда Ставропольского края от 7 сентября 2012 года по делу Ш. // Архив Труновского районного суда Ставропольского края за 2012 г.

311. Приговор Чистопольского городского суда Республики Татарстан от 1 февраля 2012 года по уголовному делу № 1-2/12 // Архив Чистопольского городского суда РТ за 2012 г.

312. Приговор Ярославского районного суда г. Ярославля по делу М от 27 декабря 2012 г., уголовное дело № 1-173/12 // Архив Ярославского районного суда г. Ярославля за 2012 г.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица № 1. Данные по Российской Федерации  
Статистика по данным официального сайта Генеральной прокуратуры  
России, портал правовой статистики (crimestat.ru//genproc.gov.ru)

Отчетный период	Всего преступлений зарегистрировано	Зарегистрировано убийств и покушений на убийство (ст. 30, 105, 106, 107 УК РФ)	Не раскрыто убийств и покушений на убийство	Предварительно расследовано убийств и покушений на убийство	Количество убийств и покушений на убийство, уголовные дела о которых направлены в суд
2010	2628799	15563	2069	13219	12643
2011	2404807	14305	2069	11525	11005
2012	2302168	13265	1762	10856	10314
2013	2206249	12361	1445	10740	10265
2014	2190578	11933	2141	10524	9749
2015	2388476	11496	1203	9763	9310
2016	2160063	10444	932	9441	9031
2017	2058476	9738	783	8612	8228
2018	1991532	8574	639	7632	7225
2019	2024337	7948	600	6773	-
2020	2044221	7695	-	6935	-
2021	2004404	7332	-	6445	-

Таблица № 2. Статистические данные.  
 Осуждено в России по данным официального сайта  
 Судебного департамента при Верховном Суде РФ, раздела статистика  
 (<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&step=5259>)

Ст. УК РФ	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
105 ч. 1	10719	9783	8438	7577	7520	7303	7190
105 ч. 2	2827	2661	2359	1900	1822	1946	1877
106	87	65	66	60	75	42	45
107 ч. 1	277	227	190	145	145	119	91
107 ч. 2	8	6	3	5	5	4	3
108 ч. 1	813	710	629	611	522	389	340
108 ч. 2	7	4	11	2	2	2	5
109 ч. 1	1426	1286	1218	1228	1165	1070	841
109 ч. 2	112	144	152	124	122	101	85
109 ч. 3	-	23	40	35	36	41	39
110	36	19	18	17	15	8	15
111 ч. 4	10856	9849	8893	7986	7599	7353	6825

Ст. УК РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (6 мес.)
105 ч. 1	6959	6330	5723	4891	4027	2262
105 ч. 2	1969	1698	1475	1306	987	520
106	58	42	33	26	29	12
107 ч. 1	72	84	63	38	37	20
107 ч. 2	2	3	1	0	1	0
108 ч. 1	285	263	221	232	227	128
108 ч. 2	2	1	0	0	0	0
109 ч. 1	1018	900	885	828	772	402
109 ч. 2	130	145	151	143	114	66
109 ч. 3	55	48	44	37	39	19
110 ч. 1	10	15	14	9	5	6
110 ч. 2	-	-	2	10	1	4
110.1 ч. 1	-	-	0	1	0	1
110.1 ч. 2	-	-	0	0	0	0
110.1 ч. 3	-	-	3	2	1	0
110.1 ч. 4	-	-	0	0	1	0
110.1 ч. 5	-	-	1	2	0	0
110.1 ч. 6	-	-	0	0	0	0
110.2 ч. 1	-	-	0	0	0	0
110.2 ч. 2	-	-	1	1	0	2
111 ч. 4	6213	5285	4640	4240	3414	1911

Научное издание

Арсений Георгиевич **Бабичев**,  
доктор юридических наук, доцент

**«Привилегированные» виды убийства:  
проблемы, теория, практика**

Монография

Корректор О. Добрыднева  
Компьютерная верстка В. Лазарева, М. Надыршина

Формат 60x84 1/16.  
Подписано в печать 25.04.2022.

Усл. печ. л. 11.  
Тираж 100 экз.

Типография КЮИ МВД России  
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130